

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 7

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ШАХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Беднарская Л. Д.</i>	
<i>Измestьева И. А.</i>		Развитие лингвистических идей А. А. Шахматова в XXI веке	60
Особенности произношения Петра Великого	8	<i>Кобозева И. М., Сердобольская Н. В.</i>	
<i>Патрoева Н. В.</i>		Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон)	66
Тропы в стихотворениях Феофана Прокоповича: метонимия и синекдоха	14	<i>Тарланов З. К.</i>	
<i>Казаковцева О. С.</i>		Универсальность и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова	75
Атрибутивные словосочетания как стилистические средства в военных панегириках Феофана Прокоповича	21	<i>Терешкина Д. Б.</i>	
<i>Рожкова А. В.</i>		Коммуникативные стратегии нарративного дискурса в сказках Олонецкой губернии, записанных А. А. Шахматовым	81
Структура и риторические функции субстантивных сочетаний с последовательным подчинением в ораторской прозе Феофана Прокоповича	29	<i>Шулежкова С. Г.</i>	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН		Шахматовские принципы лексикографирования как опора при создании словарей для бесписьменного этноса	87
<i>Конькова И. И.</i>		<i>Генералова Е. В.</i>	
Графическая репрезентация метаструктурной информации в жанре англоязычной монографии	35	О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка	95
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		<i>Короткевич И. И.</i>	
<i>Коковина Н. З., Михайлова И. П.</i>		А. А. Шахматов – почетный член Витебской ученой архивной комиссии (исследования белорусской историко-этнографической традиции).	102
Религиозно-философская концепция К. Н. Леонтьева в интерпретации В. В. Бородаевского	40	Научная информация	
<i>Литинская Е. П.</i>		<i>Тарланов З. К.</i>	
Роман «Золотой осел» Апулея в переводе М. Кузмина: язык и стиль	46	Шахматовские чтения в Карелии – 2024	110
<i>Калитник А. А.</i>		Юбилей	
Образ усадьбы в повести С. В. Энгельгардт «Два новоселья»	53	<i>Андрианова И. С.</i>	
		Школа Владимира Захарова	112
		Научная информация	117
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 31.10.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 83

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

EDN: TPNYOX

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор,
Государственный университет
просвещения
О. В. Никитин

Oleg V. Nikitin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Federal State University
of Education

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В 2024 году исполнилось 160 лет со дня рождения крупнейшего отечественного лингвиста, организатора науки, председателя Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук академика А. А. Шахматова (1864–1920). По этому случаю в Петрозаводском государственном университете была организована научная конференция с международным участием «Шахматовские чтения в Карелии» (подробнее о ней можно прочесть в рубрике «Научная информация»). Центральной частью номера стали отдельные статьи участников конференции. Публикуемые работы отражают как традиционные интересы русистов, занимающихся анализом лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII веков (Е. В. Генералова, Санкт-Петербург), архивными разысканиями о деятельности А. А. Шахматова (И. И. Короткевич, Минск), так и новые аспекты преломления филологического наследия ученого в XXI веке в системном рассмотрении (Л. Д. Беднарская, Орел), в грамматике (И. М. Кобозева, Н. В. Сердобольская, Москва), синтаксисе (З. К. Тарланов, Петрозаводск), лексикографии (С. Г. Шулежкова, Магнитогорск), исследовании нарративного дискурса в произведениях устного народного творчества (Д. Б. Терешкина, Великий Новгород).

Кроме того, в традиционных рубриках номера представлены исследования по актуальным проблемам исторической русистики и литературоведения. Так, в разделе «Русский язык. Языки народов России» особое внимание уделено изучению эпохи XVIII века: статьи И. А. Измestьевой (Тольятти), Н. В. Патроевой, А. В. Рожковой, О. С. Казаковцевой (Петрозаводск). В разделе «Языки народов зарубежных стран» И. И. Конькова (Саранск) рассматривает графические невербальные средства на материале современных текстов жанра англоязычной монографии.

Литературоведческая часть номера представлена разнообразием тем, подходов и методологий, демонстрирующих широкий историко-культурный компаративный контекст исследований. Это статьи Н. З. Коковиной, И. П. Михайловой (Курск), Е. П. Литинской (Петрозаводск), А. А. Калитник (Череповец).

Номер завершается рубрикой «Юбилеи», посвященной известному в России и за рубежом литературоведу, доктору филологических наук, члену редакционного совета нашего журнала профессору Владимиру Николаевичу Захарову.

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7142-3834; iz-irina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Аннотация. Настоящая статья направлена на изучение «Писем и бумаг императора Петра Великого» в фонетическом аспекте. Актуальность исследования определена тем, что ряд написаний, отражающих звуковые особенности речи императора, не имеют освещения в сравнительно-исторических трудах. Если произношение в области гласных, ассимилятивно-диссимилятивные явления в области согласных получили глубокое осмысление, то группы согласных, которые разряжаются гласной вставкой в речи Петра I, остались без внимания. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы проанализировать гласные вставки, которые регулярно представлены в неударных позициях и на стыке морфем как в русских, так и заимствованных словах. Задачи определены необходимостью объяснения, как гласные вставки соотносятся с устойчивой традицией написания выносных букв в русских рукописях XV–XVII веков, диалектными особенностями русского языка, соответственно, как в таких вставках отражается произношение императора. Было доказано, что в гласных вставках проявляется индивидуальное и, возможно, диалектное произношение Петра I в виде тенденции к открытости слогов в слове и хорошо сформированное церковнославянское произношение, где отражен полумягкий согласный перед *e* и мягкий согласный перед *ѣ*.

Ключевые слова: «Письма и бумаги императора Петра Великого», орфография писем, книжная церковнославянская традиция, разговорная традиция, произносительные особенности, гласные вставки, качество согласных, открытые слоги

Для цитирования: Измestьева И. А. Особенности произношения Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1086

ВВЕДЕНИЕ

Вопросам нормы русского литературного произношения в XVIII веке уделяли внимание М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. А. Барсов, А. П. Сумароков; в XIX и начале XX века проблема продолжала оставаться актуальной, ее решали А. Х. Востоков, В. А. Богородицкий, Р. Ф. Брандт, Ф. И. Буслаев, Н. Н. Дурново, Ф. Е. Корш, Р. Кошутич, А. И. Томсон, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышев и другие ученые; со второй половины XX века о русском литературном произношении рассуждают Р. И. Аванесов, Е. А. Брызгунова, Л. А. Вербицкая, С. С. Высотский, Ж. В. Ганиев, М. В. Панов, М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова и др. Синхронный подход позволил описать произносительные варианты русского языка и сформулировать орфоэпические рекомендации в области неустойчивых фонетических элементов. Диахронический подход к русскому произношению был применен при создании фонетических портретов выдающихся носителей русского

языка. Так, были описаны произносительные особенности Петра I в работах В. А. Богородицкого, К. В. Горшковой, М. В. Панова, И. А. Измestьевой, однако некоторые факты оставались неизученными.

Материалом настоящего исследования выступили «Письма и бумаги императора Петра Великого», собранные в четырех томах и подготовленные к изданию академиком А. Ф. Бычковым¹. Эпистолярное наследие Петра I отражает несколько принципов письма, яркой чертой выступает фонетический принцип, который передает черты живого русского языка XVII – начала XVIII века. В. А. Богородицкий одним из первых отмечает фонетические особенности писем Петра I, характеризуя ударные и безударные гласные и согласные в рукописях². В рамках сравнительно-исторического подхода дадим интерпретацию некоторым звуковым фактам на основе орфографии писем Петра I. Интерес представляют вариативные написания, анализ

которых поможет ответить на вопрос о ярких произносительных особенностях императора.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ряд орфографических привычек Петра I с точки зрения произношения не вызывает трудностей при объяснении. Например, аканье усматривается в вариативной передаче слов типа *карабль* [I т.: 27] и *корабль* [I т.: 18; II т.: 123; III т.: 71; IV т.: 62]; *салдаты* [I т.: 32] и *солдаты* [I т.: 21; II т.: 7; III т.: 9; IV т.: 5]; яканье проникло в написания слов типа *имянно* [III т.: 3], *имяна* [II т.: 65], в данном случае отмечается морфонологический принцип письма. Приведенные В. А. Богородицким примеры неударяемого *a* – «после мягкого согласного в ряде случаев отражается в виде *e*, напр. *десети* (дважды) I, *светейшему* 124, *объезья войну* 325, *октября* 396, *съеззаты* 376, *сентября* 17 <...> *редовыхъ* 386, *Ерславъля* 492»³ – указывают на екающее произношение Петра I.

Безошибочное использование Петром I буквы *ѣ*, отмеченное В. А. Богородицким, М. В. Пановым и другими учеными, отсутствие случаев закрепления на письме фонетического перехода [e > o] типа *веревокъ*, *во всемъ* [I т.: 16], *пошелъ* [IV т.: 75], *путемъ* [IV т.: 228], *трехъ* [IV т.: 199], *чертежъ* [I т.: 9], *шелъ* [IV т.: 179] и др. передают, с одной стороны, традицию книжного произношения и написания, с другой стороны, наличие полумягкого согласного перед [e] и мягкого согласного перед [ѣ] *выѣхали*, *дѣлахъ*, *дѣль*, *нужнѣйшихъ*, *Свѣтлова*, *человѣкъ* и др. [I т.: 21], хотя звук [ʲo] отражается в написании заимствованного слова при помощи лигатуры *Г. Герераль-Маіору* [I т.: 22], *Гвардіи Маіору Матюшкину* [III т.: 42], *маеору Корсоку* [II т.: 69], также слов *счотомъ* [I т.: 3], *ушоль* [II т.: 212], *яснеосвеченому* [II т.: 131, 132] и др. Петр I совершенно правильно употребляет букву *ѣ*, не путает ее с буквой *e*, что позволяет предполагать функционирование *ѣ* в речи императора и наличие мягких и полумягких согласных перед *ѣ* и *e* [3].

Фонетический переход [и > ы], как характерная орфоэпическая черта разговорного стиля, по-разному передан на письме: *в'ыноземскихъ краехъ* [II т.: 610], *в'ыные времена* [II т.: 247], *в'ысподней* [I т.: 5], *в'ыюле*, *в'ыныя* [I т.: 268], *к'ыному* [I т.: 6], *с'Ываномъ* [II т.: 568], *с'Ывашкою* [II т.: 620], *с'ызнава* [II т.: 168] и *сыщемъ* [I т.: 93], *сыскать* [II т.: 23], *сыграли* [II т.: 263], *с'Ыльею Кобертомъ* [II т.: 856], *с'ыною почтою* [II т.: 536] и др. Петр I использует в предложно-приставочных формах специальный надстрочный знак (похожий на современную запятую), который не указывает на мягкость согласного, а выполняет функцию пограничного сигнала, паузы⁴. Для Петра I фонетический переход [и > ы], ха-

рактерный для разговорного стиля, соотносится с традицией полного стиля произношения (которая не допускает перехода [и > ы]), поэтому так необычно на письме представлено произношение Петром I случаев [и > ы]: совмещается разговорное звучание на [ы] в предложно-приставочных формах с проявлением гортанного смычного согласного *в'ысподней*, *к'ыному* при тщательном произнесении, ср. разговорное слитное произнесение *сыщемъ* и книжное *предъидущей веснѣ* [II т.: 7].

В области согласных отмечена ассимиляция согласных по глухости-звонкости: *збирать* [III т.: 14, 70, 159] и *сбирать* [III т.: 67]; *здѣлать* [III т.: 6], *здѣлалъ* [III т.: 192], *здѣланы* [III т.: 360], *здѣлашь* [III т.: 363] и *сдѣлать* [III т.: 58], *образцовое* и *образца* [III т.: 234], *постаѣть потъ* страшно [I т.: 3] и *подъ* образомъ [III т.: 6] и др.

В написаниях также представлены произносительные варианты, связанные с различными явлениями в группах согласных. Так, в письменной речи Петра I встречаются случаи упрощения групп согласных типа *сонце* [I т.: 9] и *солнца* [III т.: 61]; отмечено изменение групп согласных на стыке морфем: *вынимаецца*, *останецца*, *прилучатца*, *сойдетца* [I т.: 5, 6] при сохранении [тс] *кажутся* [I т.: 79], *опредѣлится* [I т.: 92], *попортятся* [I т.: 40], *сыщется* [I т.: 55] и др.; изменение [сч > ш'] *прикащикомъ* [II т.: 137], *рѣщиковъ* [II т.: 319], *щеть*, *о щетѣ*, *щетами* [I т.: 277, 279, 285, 286] и др.

В письмах отражена диссимилиация [чн > шн]: *прибавашныя* [I т.: 3], *плотнишъною снасть* [I т.: 136], *пушешъныхъ мастеровъ*, *станошъныхъ плотниковъ* [I т.: 137], *табашного* мастера [IV т.: 29], *у песошнаго* острова [IV т.: 188] и отмечены случаи типа *плотничною* работою [III т.: 284], *плотничная* работа [IV т.: 209] и др. Петр I произносит только *чтобъ*, *что* [II т.: 3, 17, 73, 130, 158, 204], *чтобъ*, *что* [II т.: 4, 5, 62, 83], *конечно* [II т.: 80, 126, 130, 139, 205], *нарочьно* [II т.: 82], *мочьно* [I т.: 266, 355] и др.; в таких случаях можно усматривать церковнославянское побуквенное произношение, которым, как известно, Петр I владел с детства.

Гиперкорректное написание отражает разговорное произнесение лексем *гарнизон*, *лоцман*, *поручик*, *почта*, *прочих*: *гварнизономъ* [II т.: 94], *гварнизонъ* [II т.: 155, 174] – *гарнизонъ* [II т.: 170]; *лотцмановъ* [II т.: 207]; *потчтою* [I т.: 144]; *Порутчику* Морисону, *Порутчикъ* Вильбоа, *Порутчику* Муханову, *Порутчики*: *Торсонъ*, *Ладыженской*, *Подпорутчики*: *Золошаревъ* и *Головинъ* и др. [III т.: 9, 70, 79]; *протчихъ* [II т.: 166], *впротчемъ* [II т.: 215] и др.⁵

Особый интерес представляет устойчивая письменная передача Петром I групп согласных.

Именно эти случаи ни разу не были проанализированы учеными, хотя на них обратил внимание М. М. Богословский, который и обнаружил необычную закономерность:

«Петр пишет по слуху, употребляя первую попавшуюся букву для того звука, который ему хочется изобразить. Буквы для него одинаково пригодны *e* и *ѣ*, *i* и *и*, *в*, *ѣ* и *ѵ*, и только к твердому знаку *ѣ* он питает какую-то особую любовь, ставя его к месту и не к месту. Он пишет: “непѣриятель”, “противный”, “ѣсѣх”, “полк Семеновской” и т. д.»⁶.

Действительно, в речи Петра I группа согласных разделяется вставным *ѣ* или реже *ѵ* в первом и втором предупредительном слогах: *викѣторією*, *викѣторіяхъ* [II т.: 90, 93], *вѣпреть* [II т.: 94], *главѣнѣиши* [II т.: 69], *даѣглачивать* [I т.: 3], *кѣрѣлостію* [II т.: 94], *кѣрепости* [II т.: 158], *на Москѣвѣ* [II т.: 129], *покѣрыта* [II т.: 4], *прошѣла* [II т.: 4], *шѣведовѣ* [II т.: 17], *ѣсѣми* [II т.: 4], *ѣвсякихъ* [II т.: 79], *со ѣвсемъ*, *ѣвсю* [II т.: 80], *во ѣвсемъ* [II т.: 86] – *всѣхъ* [II т.: 87] и *закѣричали* [II т.: 162], *кѣругомъ* [II т.: 154], *прикѣлючилися* [II т.: 69], *хѣранить* [II т.: 5] и др.

Также гласная вставка между согласными наблюдается в заударном положении: *быѣвшихъ* [II т.: 86], *в (п)риѣбаѣку* [II т.: 4], *всегдашѣнему* [II т.: 119], *вѣрашѣнего* [II т.: 158], *вѣрѣную* [II т.: 110], *купѣно* [II т.: 69], *недавѣно* [II т.: 79], *неприступѣною* [II т.: 94], *нынешѣнимъ* [II т.: 110], *Побѣдаѣдаѣца* [II т.: 86], *правѣда* [II т.: 94], *пушѣками* [II т.: 155], *тоѣмо* [II т.: 69], *умѣшѣкать* [II т.: 4, 83] и др.

Группа согласных *вл*, *ѵл* и другие согласные в сочетании с сонантом регулярно разряжаются гласной вставкой: *гѣранатахъ* [II т.: 309], *до вѣремени* [II т.: 255], *должѣны* [II т.: 69], *Лиѣвляндѣ*, *Лиѣвлянды*, *в Лиѣвлянди*, *Лиѣвляндахъ* [II т.: 17, 69, 72, 80] – *вѣ Лиѣвляндахъ* [II т.: 95], *остаѣляти* [II т.: 69, 86], *отправѣлень* [II т.: 69], *приготовѣление* [II т.: 3, 5], *продолжѣень* [II т.: 90], *тѣрисяге* [II т.: 310], *с Ераславѣля* [II т.: 129], *сѣ князь Гѣригорѣемъ*, *о Дѣмитрее* [II т.: 312], *сѣмотреть*, *кѣрасокъ*, *шѣляпашѣныхъ*, *сальдатамъ* [II т.: 311] и др.

Гласная вставка в речи Петра I постоянно появляется в словах со стечением согласных на стыке морфем: *Арешѣку* – *Орѣшѣку* [II т.: 4], *Вишѣнеѣвѣцѣково* [II т.: 110], *вѣ Сапѣскомъ* [II т.: 309], *Киеѣвѣского* [II т.: 126], *Московѣскимъ* [II т.: 136], *не сѣкѣли* [II т.: 3], *Рамодановѣскому* [II т.: 245], *с Алеѣandroѣвѣской пристани* [II т.: 83], *Семеновѣскоѣ* [II т.: 4], *Турѣцѣкия*, *Шѣвѣцѣкия* [II т.: 125] и др. В таком написании отражается словообразовательная структура слов.

Интересны случаи фонетического освоения заимствований, подчинение их тенденции к открытости слога: *боѣмоноѣвѣ* [I т.: 136], *бумѣбор-*

дира [I т.: 181], *гѣранатахъ* [II т.: 309], *елеѣкѣщею Польскою* [I т.: 181], *лоѣцѣмоноѣвѣ* [II т.: 82, 83], *машѣты* [II т.: 230], *неѣвѣти*, *неѣвѣть* [II т.: 311], *о шѣколахъ* [II т.: 310], *опѣтеки* [II т.: 137], *сопѣстраѣкѣцию* [I т.: 3], *Шѣведахъ* [II т.: 309], *шѣкѣвадры* [II т.: 166], *шѣлюпѣ* [I т.: 136], *ѣвѣлюгели*, *ѣвѣрегатоѣвѣ* [I т.: 136], *ѣвѣрунтоѣмъ* [II т.: 207], *ѣвѣранѣцію* [II т.: 313], *Янѣ ѣламъ* – *ѣвѣламъ* [I т.: 23] и др.

Встречаются случаи межслоговой ассимиляции гласных: *медѣныя* зубы [II т.: 94], *Таганароѣжкіе* [II т.: 244], *ѣвѣвѣта пороѣвѣноу* [I т.: 137] и др., в ряде написаний отражается ассимилятивная мягкость и твердость согласных: *есѣтьли* [I т.: 339], *Мѣсѣкѣвѣ* [I т.: 185], *мѣгѣлѣ* [I т.: 277], *осѣтьро* [I т.: 190] и др.

Избыточное, по мнению М. М. Богословского, употребление Петром I *ѣ* в словах: *верѣхѣною*, *вѣзятъ*, *опоѣсле* [I т.: 1, 2], *гѣрадусахъ*, *кѣвадранте*, *сѣмѣвѣрять*, *сѣтаѣвѣ*, *сѣтолѣко*, *сѣтѣрѣлять* [I т.: 10], *возмоѣжно* [I т.: 8], *вѣсѣхъ* [I т.: 7], *нѣльзя* [I т.: 8], *ниѣжѣнего* [I т.: 6], *сѣмотри* [I т.: 8], *тоѣчки* [I т.: 2] и др. может получить фонетическое осмысление как явление индивидуального и диалектного характера. Например, В. А. Богородицкий так объясняет появление главной вставки в группе согласных:

«...некоторые лица недостаточно тесно сливают соприкасающиеся согласные, благодаря чему между последними слышится минимальный гласный, т. е. *ѣ* или *ѵ*, напр. *гѣрѣчѣушѣнѣѣ*, *сѣмарѣдѣнѣѣ*, *кѣварѣтѣирѣѣ* и т. п.»⁷.

Е. А. Галинская обобщает наблюдения Р. Ф. Пауфошмы, Е. Г. Буровой, Л. Э. Калнынь, П. Г. Богатырева, В. М. Попова, Н. П. Гринковой, С. Л. Николаева о гласных вставках между согласными в русских диалектах, фольклорных песенных и былинных текстах и, описывая гласные вставки в рукописи делового содержания первой половины XVII века (старицкая кабацкая книга), приходит к выводу, что писец прислушивался к своему произношению и использовал букву *ѣ* для обозначения краткого гласного звука в группе согласных. В старицкой кабацкой книге буква *ѣ* (в которой нейтрализуется *ѣ* и *ѵ*) обозначает гласную,

«по-видимому кратких, редуцированных, которую выполняли много веков назад *ѣ* и *ѵ*, хотя писцы XVII в., составляющие деловые документы, вряд ли могли знать об исконном фонетическом значении этих древних букв» [2: 85].

Е. А. Галинская приходит к выводу о звукобуквенном соответствии в тексте книги. Подобное употребление неэтимологического *ѣ* отмечено в говорах юго-восточной зоны [7: 33].

Регулярное разряжение группы согласных гласной вставкой соотносится с вынесением

согласного над строкой в этих группах согласных, что позволяет усматривать в таких вариантных написаниях подтверждение тенденции к открытости слога, например: *возможъно* – *возмо^жно* [I т.: 8], *выкълатъкъ* – *выкъла^тки* [I т.: 1, 2], *Кюни^ссберъгъ* – *Кюни^ссберъгъ* [I т.: 150, 155], *Мъсъкъве* [I т.: 185] – *Мо^скъве* [I т.: 150], *ну^жды* [I т.: 194] – *ну^ждою* [I т.: 215.], *отътеки* [II т.: 137] – *от^ткъ* [I т.: 149], *отъсель* – *от^ссель* [I т.: 150, 155], *письмомъ* – *письмо* [II т.: 79] – *пи^сма* [I т.: 215], *простърано* – *прос^трано* [I т.: 23] – *прос^тран^нее* [I т.: 208], *салъдатамъ* – *са^ддатъ* [II т.: 311, 312], *съмотреть* – *по^смотреть* [II т.: 311, 313], *сътре^цооъ* – *тре^цахъ* [I т.: 251, 269], *сътрелять* – *вы^стрелять*, *вы^стрелооъ* [II т.: 207], *Таганърогъ* – *за Тага^нрогомъ* [II т.: 202, 203] и др.⁸

Способ выражения открытости слога вариативен: с помощью выноса букв или написанием *ъ* или *ь* после согласного. О. В. Творогов перечисляет различные положения вынесенных согласных и слогов в русских рукописях XV–XVII веков (выносились конечные согласные слова; согласные перед согласным в середине и начале слова; буква *д* рядом с гласной; слоги *ли*, *ми*; гласный *и* после гласной в конце и середине слова; аффикс *ти* в неопределенной форме глагола; буква *г* в окончаниях прилагательных и на конце наречий; буква *ч*, при этом следующая за ней гласная опускается; буква *ж*; любая согласная перед необозначенным *ј*; буква *с* в составе возвратной частицы) и подчеркивает, что

«случаи вынесения связаны с опущением гласного, следующего за выносной, т. е. являются как бы чем-то средним между сокращением слова и рассмотренными выше случаями вынесения букв и слогов» [8: 164].

Вариантные написания в рамках тенденции к открытости слогов в случаях типа *письмо* – *письмомъ* [II т.: 79] – *пи^сма* [I т.: 215]; *почъту* [I т.: 16] – *почъты* [II т.: 90] – *по^чта* [I т.: 156]; *смекальной* – *смекальную* [I т.: 3] – *смека^нной* [I т.: 5]; *точъки* [I т.: 2] – *точъками* [I т.: 8]; *чьто* [II т.: 17] – *чьто* [II т.: 62] – *что* [II т.: 80] и др. поднимают вопрос о качестве согласных по твердости-мягкости, хотя видно, что гласная вставка появляется рядом с твердым и мягким согласным. А. И. Соболевский отмечает, что

«старые русские писцы мало заботились об обозначении мягкости и твердости согласных в середине слов перед согласными, и даже в лучших московских рукописях XVII в. мы находим: волный, силный и др. (постоянно без *ь* после *л*)»⁹.

С. И. Котков подчеркивает, что в скорописных текстах XVII века порой трудно различить написание букв *ъ* и *ь*:

«...допускается применение двух-трех графических вариантов, которые одновременно функционируют

и в качестве *ъ* и в качестве *ь*. <...> судить о мягкости шипящих и о мягкости аффрикат в подобных условиях возможно, опираясь прежде всего на факты написания после указанных согласных букв *ю* и *я*» [6: 7].

В. В. Каверина обращает внимание на тот факт, что в XVII веке книжная и приказная нормы не передавали качество согласного в середине слова:

«Написание одного слова или родственных слов может варьироваться в пределах одного номера или в соседних номерах церковной печати “Ведомостей” *во львовъ* – *во лвовъ*, *в польши* – *полиа*, *осмьдесятъ* – *платдесатъ*, *пятьсотъ* – *платдесать*. В целом же написания с пропущенным *ь* преобладают, а начиная с 1709 г. мягкость в середине слова перестает обозначаться совсем в номерах как церковной, так и гражданской печати *непріателски^х*, *болшаа*, *четырми*, *большой*, *карабелщикъ*, *карабелный*, *неудовольниквъ*, *началнѣйши*, *неудовольномъ*, *корабелнымъ*, *полскихъ*, *наибольшую*, *большого*»¹⁰.

В письмах Петра I отдано предпочтение написаниям *адмиралшею*, *большой*, *карабелщикъ*, *небольшее*, *Полиа* и др. (обнаружено около 194 форм во II т.) по сравнению с формами *больше*, *большому*, *небольшому* и др. (примерно 36 случаев передачи *-льш-* во II т.), аналогично преобладают написания *-ни-*: *изъ Панишина*, *Коншинъ*, *Менишковъ*, *мениши*, *менишихъ*, *меньшой* *Бутурлинъ* и др. (выявлено 75 случаев во II т.). Написания типа *изволте*, *болной*, *болше*, *весма*, *вредителные*, *денги*, *довольную*, *корабелному*, *меньше*, *многострадалном*, *нелзя*, *несколко*, *Николскихъ*, *печалны*, *писама*, *Полиа*, *понеделникъ*, *сколко*, *спальной*, *стрелба*, *толко* и др. не всегда получают объяснение, данное В. В. Колесовым. Ученый считает, что после утраты редуцированных первоначально фонетическая орфография, связанная с традиционными и символическими написаниями, приходит к морфологическому письму:

«...важны были не морфемы в единстве их написания (как в современной орфографии), а морфемы в единстве их произношения и написания (на письме отражались только различительные чередования фонем). <...> т. е. *вольно* при *воля* с обозначением мягкости, но *силно* при *сила* с обозначением твердости согласного корня» [5: 144].

Л. Э. Калнынь поднимает вопрос о времени отвердения мягких согласных в некоторых современных говорах в ряде слов «*писмó*, *возмú* Переясл.-Зал. (МДК, IX, стр. 79); *писмó* – Унин. (ИЯз, III, 26), Егор. (Шах., стр.211), Касим. (Мат. В-р, VIII, 47); *писмó*, *васъмóй* – Моск. (Черныш., XIII, стр. 165); *писмó*, *васъмú*, *асъмнátцатъ* – Вер. (Черныш., X, стр. 369, 374)» [4: 208–209].

Если опираться на объяснение вариантных написаний слов в памятниках письменности и говорах, данное А. А. Шахматовым, А. И. Со-

болевым, Н. М. Никольским, В. В. Колесовым, Л. Э. Калнынь и др., можно допустить, что в случаях типа: *в прошълѡмъ* [II т.: 165], *вчерашнегѡ* [II т.: 158], *маишты* [II т.: 230], *письмо – писъмо* [II т.: 79], *пришьли* [II т.: 130] – *пошьли, дошьли, ушьли* [II т.: 174], *пушьками* [II т.: 155], *свобожь-денъ* [II т.: 205], *чьтобъ* [II т.: 3] – *чьтобъ* [II т.: 4], *чьто* [II т.: 4] – *чьто* [II т.: 17], *шьляпашных* [II т.: 311] и др. в речи Петра I (при его стремлении к открытости слогов в слове) имеет место нейтрализация вставных ъ и ь в краткий гласный неопределенного качества, который поддерживал качество согласного (при том, что отсутствовала практика в обозначении твердых и мягких согласных¹¹).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с одной стороны, в письмах Петра I при зависимости орфографии от произношения отражены типичные явления, которые

ми обладала произносительная система русского языка на пороге становления литературной нормы (аканье, еканье в области гласных, процессы ассимиляции и диссимиляции в группах согласных); с другой стороны, обнаружена такая особенность речи императора, как тенденция к открытости слогов в слове. Эту особенность произношения Петра I можно объяснить как диалектную черту или как артикуляционный навык, возможно, обусловленный литургической церковнославянской традицией, с которой Петр I был знаком, принимая участие в хоровом церковном пении. Подтверждают тенденцию к открытости слогов отмеченные нами особенности произношения типа [к'ыному]. Церковнославянским произношением объясняется и правильное функционирование в речи Петра I гласных е и ѣ, различение полумягких и мягких согласных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1887–1918; Т. 1: (1688–1701). 1887. 888, ЛII с.; Т. 2: (1702–1703). 1889. 722, XII с.; Т. 3 (1704–1705). 1893. 855 с.; Т. 4 [вып. 1]: (1706). 1900. 519 с. При цитировании примеров из этих источников в тексте статьи в квадратных скобках приводятся номер тома и страницы.
- ² Богородицкий В. А. Диалектологические заметки. IV. Московское наречие двести лет назад // Ученые записки Казанского университета. Т. LXIX, кн. 2, февраль. Казань, 1902. С. 1–8.
- ³ Там же. С. 2.
- ⁴ С. С. Высотский, И. Г. Добродомов, С. В. Князев, Л. А. Щербакова и др. описывают функционирование гортанного смычного согласного, отмечается наличие просодических вариаций типа «во[ты]менно и во[т'и]менно (где между эксплозивным [т] и [и] оказывается «прокладка» – смычно-гортанный согласный) [1: 125]. При слитном произнесении типа [сы]грать, во[ты]менно отражается стилистическая установка на разговорное произношение, в случаях типа [с'и]грать, во[т'и]менно сохраняется книжная традиция произношения, соответствующая написанию *сыграти, вотъименно*.
- ⁵ На такие случаи обращает внимание В. И. Чернышев, анализируя «Уложение царя Алексея Михайловича» в первом издании (1645 года): «Есть и другие уступки произношению, которые иногда идут очень далеко: старцовъ 9 об., Чюдова 9 об., чюжіе 19, порутчикъ 17 (= кто поручается), вызмѣне 2»; также достаточно последовательное написание М. Ломоносовым слов *естьли, протчихъ* и др. Отмеченные особенности указывают на устойчивую произносительную привычку XVII–XVIII веков. См.: Чернышев В. И. Из истории русского правописания // АН ОРЯС. СПб., 1907. С. 5.
- ⁶ Богословский М. М. Петр Великий по его письмам // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 224–225.
- ⁷ Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань: Дом татарской культуры, 1930. С. 211.
- ⁸ В. А. Богородицкий так описывает закономерности письма императора: «...оказываются выносимыми вверх строки конечные согласные префиксов (напр. *откуды* 238, *Извѣсно* 17, *изволте* 386, возможно 376, *разъежатца* 17), в корнях нередко выносятся в случае закрытости слога согласный, которым замыкается слог (долгу, *верхнева*, *надобна*, *нижня* 1, *доброва* 123, *задержажь*, *нихто* 305 и пр.), в окончаниях – конечные согласные, напр. *-хъ, -мъ, -й, -тъ, -сь* (В *цыдулахъ* 108, *пишемъ къ вамъ, кърпкимъ* 386, *караблей, даждаюсь, надабетъ* 14, *итить* 386), также *т* в окончании *-тца* (*ставитца* 305, *печалитца* 14 и т. п.), а иногда вообще конечный согласный слова (напр. *Тиханъ, Бохъ* 238, *стытъ* 108)» См. Примечание 2. С. 1–2.
- ⁹ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907. С. 115.
- ¹⁰ Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. С. 25.
- ¹¹ Камынина Н. Г. История обозначения твердости и мягкости согласных в русской орфографии XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. С. 10–13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высотский С. С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонетического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М.: Наука, 1978. С. 67–130.

2. Галинская Е. А. Нетривиальные орфографические особенности и их фонетическое значение в рукописи XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2001. № 5. С. 80–86.
3. Измestъева И. А. Орфоэпический портрет Петра I // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: Сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара, 2022. С. 128–136.
4. Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки института славяноведения. Т. XIII. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 121–225.
5. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 2-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2013. 512 с.
6. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Изд. подготовили С. И. Котков [и др.]. М.: Наука, 1968. 338 с.
7. Русская диалектология: Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
8. Творогов О. В. О выносных буквах в русских рукописях XV–XVII веков // Исследование источников по истории русского языка и письменности. М.: Наука, 1966. С. 162–175.

Поступила в редакцию 15.04.2024; принята к публикации 09.09.2024

Original article

Irina A. Izmetjeva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Togliatti State University (Togliatti, Russia Federation)
ORCID 0000-0001-7142-3834; iz-irina@mail.ru

FEATURES OF THE PRONUNCIATION OF PETER THE GREAT

Abstract. This article is aimed at studying the compilation *Letters and Papers of Emperor Peter the Great* in the phonetic aspect. The relevance of the study is determined by the fact that a number of writings reflecting the pronunciation features of the Emperor are not covered in comparative historical works. While the pronunciation of vowels and assimilative-dissimilative phenomena regarding consonants have been thoroughly studied and deeply comprehended, the groups of consonants that are spaced by vowel insertions in the speech of Peter the Great have been ignored. The aim of this study was to analyze the vowel insertions, which are regularly presented in unstressed positions and at the junction of morphemes, both in Russian and borrowed words. The research objectives were determined by the need to explain how vowel insertions correlate with the stable tradition of writing extruding letters in Russian manuscripts of the XV–XVII centuries and the dialectal features of the Russian language, hence, how the Emperor's pronunciation is reflected in such insertions. It has been proved that the individual and possibly dialectal pronunciation of Peter the Great manifests itself in vowel insertions in the form of a tendency towards having open syllables in words and a well-formed Church Slavonic pronunciation, with a semi-soft consonant before vowel *e* and a soft consonant before *ѣ* (yat).

Keywords: *Letters and Papers of Emperor Peter the Great*, spelling in letters, Church Slavonic book tradition, colloquial tradition, pronunciation features, vowel insertions, consonants quality, open syllables

For citation: Izmetjeva, I. A. Features of the pronunciation of Peter the Great. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1086

REFERENCES

1. Vysotsky, S. S. Sound changes that do not affect the main features of the phonetic structure of dialects. *Physical foundations of modern phonetic processes in Russian dialects*. Moscow, 1978. P. 67–130. (In Russ.)
2. Galinskaya, E. A. Nontrivial orthographic features and their phonetic meaning in the manuscript of the XVII century. *Lomonosov Philology Journal*. 2001;5:80–86. (In Russ.)
3. Izmetjeva, I. A. Orthoepic portrait of Peter the Great. *Language – text – discourse: discursive dimension of linguistic processes: Proceedings of the VIII International research conference*. (N. A. Ilyukhina, Ed.). Samara, 2022. P. 128–136. (In Russ.)
4. Kalnyñ', L. E. Development of the category of hardness and softness of consonants in the Russian language. *Scientific Notes of the Institute of Slavic Studies*. 1956;XIII:121–225. (In Russ.)
5. Kolesov, V. V. Historical grammar of the Russian language: Textbook for the students of higher educational institutions. St. Petersburg; Moscow, 2013. 512 p. (In Russ.)
6. Moscow business and household writing of the XVII century. (S. I. Kotkov et al., Eds.). Moscow, 1968. 338 p. (In Russ.)
7. Russian dialectology: Textbook for the students of pedagogical institutes. (S. V. Bromley, L. N. Bulatova, K. F. Zakharova et al.; L. L. Kasatkina, Ed.). Moscow, 1989. 224 p. (In Russ.)
8. Tvorogov, O. B. About the extruding letters in Russian manuscripts of the XV–XVII centuries. *Study of sources on the history of the Russian language and writing*. Moscow, 1966. P. 162–175. (In Russ.)

Received: 15 April 2024; accepted: 9 September 2024

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

ТРОПЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА: МЕТОНИМИЯ И СИНЕКДОХА

А н н о т а ц и я . Основная цель исследования – анализ тропеических контекстов, выбранных из стихотворного наследия Феофана Прокоповича, одного из главных реформаторов русской словесности Петровской эпохи, в аспекте соответствия его поэтической практики и риторической теории, представленной в трактате «De arte rhetorica libri X». Изучаемый материал – метонимии и синекдохи, используемые Феофаном Прокоповичем в 24 стихотворениях, вошедших в академическое собрание сочинений. В качестве основных процедурных приемов исследования используются функционально-описательный, лексикографический, контекстуальный, сопоставительный методы. В результате автор приходит к выводу о достаточно высокой активности метонимических переносов в лирике Феофана Прокоповича и его значительном, но долгое время остававшемся недооцененным вкладе в развитие русской поэтической фразеологии. Трансформация исходного значения совершается часто по принципу ассоциативного сближения места и его обитателей, части и целого, единичного и множественного, отвлеченного свойства и его конкретного проявления, что характерно для узуальных метонимий и синекдох. Феофан применяет свойственные библейским и летописным источникам переносы по смежности (*рог – сила, щит – защита*), а также индивидуализирующие его авторское лицо метонимические перифразы, гипаллаги (смещенные, метонимические эпитеты), символизацию на основе смежности мифонима и абстрактного понятия (*Марс – война, Аполлон – искусство*). Полученные результаты являются основой для дальнейшего изучения поэтической практики поэтов Петровской эпохи и послепетровского времени, оказавших важное влияние на становление поэтики российского барокко (предклассицизма) и классицизма, а также для развития исследований в области диахронической риторики русской лирики как системы тропов и фигур речи, применяемых поэтами в процессе реализации художественного замысла.

К л ю ч е в ы е с л о в а : поэтика барокко, предклассицизм, троп, фигура речи, метонимия, синекдоха, русская поэзия первой половины XVIII века

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева Н. В. Тропы в стихотворениях Феофана Прокоповича: метонимия и синекдоха // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087

ВВЕДЕНИЕ

Роль Феофана Прокоповича в языковых и культурных баталиях Петровской эпохи и раннего послепетровского времени остается до сих пор недостаточно полно и ясно очерченной. С одной стороны, Прокоповича обычно называют одним из основателей российской школы стихотворства и реформаторов литературного языка Петровского периода. С другой стороны, речевые, стилистические и риторические устремления впитавшего лучшие традиции Киево-Мо-

гилянско-го коллегиума (позднее – академии) церковного и государственного деятеля, к сожалению, не реконструированы в полном объеме, так как лингвистических трудов, подобных грамматикам «славянского» языка Лаврентия Зизания или Мелетия Смотрицкого, Феофан не оставил, а источниками, позволяющими прояснить теоретические воззрения Прокоповича, могут служить только «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X», прочитанные им в Киево-Могилянско-й академии на латыни как курсы лекций между 1705 и 1707 годами¹. Известные первоначаль-

но только в списках и долгое время не публиковавшиеся, эти трактаты между тем широко использовались в процессе преподавания церковного красноречия в духовных училищах России. Как отмечает С. А. Кибальник,

«на эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в.» [6: 205],

в том числе и М. В. Ломоносов. Изучение поэтического творчества Феофана Прокоповича представляется также важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности, в силу того что теоретические воззрения того или иного автора и осуществляемые им преобразования языка и слога разворачиваются прежде всего в области художественно-риторической практики².

Исследователи уже указывали на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория*, тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое [4], [13]. По нашим наблюдениям, наиболее активно применяемыми Феофаном Прокоповичем в «Епиникионе» (единственном напечатанном при жизни проповедника поэтическом опусе) являются метафора (в том числе метафорические перифраз и эпитет) и повтор [8], [9]. В данной работе мы сосредоточим свое внимание на метонимиях и синекдохах, гораздо более редко включаемых в качестве материала в лексикографические издания (см. в качестве примера словарь [7], фиксирующий только сравнения и метафоры в русской поэзии классического периода) и научные разборы переносных значений в поэтическом дискурсе.

Основным материалом данной работы служат стихотворения Феофана Прокоповича, извлечения из его трактатов по риторике и поэтике, а также вокабулы «Словаря русского языка XVIII века», содержащие иллюстрации из ораторских и художественных произведений петровского сподвижника.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В трактате Феофана Прокоповича «De arte rhetorica libri X» находим обязательный, согласно установившейся с античных времен традиции для сочинений подобного рода, раздел об элок-

венции, то есть подробное представление ораторских приемов (около 70 тропов и фигур речи³). С точки зрения своего предназначения (функции) риторические приемы разделяются на три группы: 1) служащие для «поучения»: участвующие в описании, создании портрета «характеризм» и «гипотипоза»⁴, а также «этология» – «нравоописательной речи»⁵; 2) способствующие «услаждению» речи⁶: метафора, метонимия, синекдоха, «гомэоза» (сравнение), перифраза, аллегория, «антономасия», «оксиморон», параномасия, антитеза, «диафора» (вид повтора), «метатеза» (хиазм), «гипербат» (инверсия), «диализа» (бессоюзие) и пр.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний»⁷: гиперболо, «климакс» (усиление, восходящая градация), «просопопея» (олицетворение), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), сарказм, «полисиндетон» (многосоюзие) и др. В «De arte poetica» Прокопович разделяет фигуры речи (в том числе тропы, как он сам уточняет) на две группы: «словесные» (из которых «главные – метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, металепис, повторение, удвоение, многосоюзие и присоединение»⁸) и «смысловые» (аллегория, перифраза, гиперболо, олицетворение и др.).

Метонимии Феофан предписывает

«поставление имени вместо имени; например, когда именем автора обозначаем его произведение или обладаемый предмет именем обладателя; или же под содержанием понимаем содержимое, под действием – самого исполнителя»⁹.

Синекдоха рассматривается в списке тропов на девять позиций ниже метонимии (в то время как в современных работах по лексической семантике и словарях синекдоха понимается как разновидность метонимии¹⁰) и проявляется, «когда ставится часть вместо целого или целое вместо части; понимается либо один из многих или из одного многие»¹¹, а также как «род вместо вида»¹² (определение из трактата «De arte poetica»).

Согласно рекомендациям Феофана, применение риторических средств регламентируется прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с авторским замыслом, содержанием и композицией текста. Из трех выделенных групп каждая демонстрирует тяготение к «возвышенному», «среднему» («цветистому») или «низменному» стилям: так, приемы первой группы встречаются в «возвышенном» и «цветистом» стилях, когда требуется «описывать что-либо»; тропы и фигуры второй группы не следует ис-

ключать из области высокого и «низменного» стилей, а третьей – из «низменного»¹³.

В связи с приведенными дефинициями, классификационными рубриками и рекомендациями «De arte rhetorica libri X» по употреблению тропов представляется важным проследить, насколько часто и в каких жанрах сам Феофан как автор руководств по поэтике и риторике использует переносы по смежности, а также соответствует ли метонимическое словоупотребление Прокоповича отраженной в «Словаре русского языка XVIII века» норме эпохи.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Стихотворения Феофана Прокоповича, насыщенные эпитетами, метафорами и аллегориями, включают немало примеров метонимических переносов. Наиболее частым из них оказывается известный языковой системе и узусу перенос топонима на обитателей данной местности (страна → ее народ/-ы), в частности *Россия* → *россияне*: ... *свей дерзкий силою своею Успе храброй России, борясь со нею...* (212)¹⁴; *Что в дар твоя Россия принесет и кия Воспоет пѣсни?* (213); ... *Россия весела и рада...* (217). Пространственная семантика часто порождает ассоциации по смежности и для нарицательного наименования локуса, например, «граница → пространство, заключенное в эти границы»: ... *предѣлы хранити...* (213); или «город → его жители»: *Совосплещут градове...* (213). Пространство мира горнего ассоциируется с Богом и верой православной, например, в элегии «Плачет пастушок в долгом ненастьи» 1730 года: *милость прецедра небес ясных...* (216).

Еще одна типичная для узуса метонимия, используемая и Феофаном, связана с переносом наименования природного материала на изделия из него, как в эпиграмме «К тѣмжде»: *Сѣеш сребром...* (221).

Абстрактное метонимическое значение, сформировавшееся по ассоциации с исходным отвлеченным или конкретным смыслом, находим в Феофановой «песне победной» у лексем *крепость*¹⁵, *щит*¹⁶ ('защита'), *рог*¹⁷ ('сила, крепость, могущество'), *род*¹⁸ ('народ, нация, соплеменники, сородичи'), *церковь*¹⁹ ('вера'): *Коликыя zde врагом возрасташа роги...!* (213); ... *дати крепость и щит нерушимый...* (210); ... *церковь попрасти...* (209). Подобные значения у слов *щит* и *рог* фиксируются неоднократно в «высоких» песнях-одах, кантах и посланиях Феофана к императрице Анне (помимо «Епиникион...»), «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино», «Всяк себе в помощь

вышняго предавый...», «Прочь уступай, прочь»): *А вознесет бог Силы твоей рог...* (218); *Да всегда щит твой Россия имѣет...* (219); *Ты мой заступник, ты мой и щит твердый...* (224). Эти метонимические словоупотребления обнаруживаются в библейских и иных церковнославянских источниках и не являются, разумеется, окказиональными – см., например, для лексемы *рог*²⁰. Предметно-конкретные значения слов *щит*, *крепость*, *рог*, *церковь* как неотъемлемых атрибутов соответствующих качеств и процессов, смежных с ними, уместнее, на наш взгляд, рассматривать как мотиваторы метонимических переносов, хотя вполне возможно для иных контекстов и толкование семантических трансформаций этих имен в качестве метафорических моделей (см., например, для слова *крепость* в позиции предиката при субъекте Бог в «Великих Минеях-Четиях»: *Ты еси боже крѣпость наша...*²¹).

Метонимический перенос нередко обуславливается использованием абстрактного существительного в форме множественного числа, что свидетельствует о влиянии формообразования на семантику лексемы. Так, известное старославянскому языку прямое значение слова *молва* 'ропот, выражение неудовольствия' при употреблении во множественном числе получает смысл 'факты проявления недовольства: восстания, мятежи, бунты и т. п.', возникающий в результате конкретизации отвлеченной семантики в направлении «состояние → конкретное его проявление»: ... *молвы... восташа... Укроцевати молвы...* (213) – контексты из «Епиникион...» 1709 года. Отвлеченное существительное *сила* получает переносный смысл 'войско, воинство' также при употреблении как в единственном, так и во множественном числе в песне «За Могилою Рябою» 1711 (?) года: ... *российския силы... заgrimѣли... поганская сила... зашумѣла...* (215).

Интересны метонимии, возникающие при переосмыслении прецедентных имен античного и христианского тезауруса, мифологических персонажей в качестве культурных знаков (Аполлон, Парнас – символы искусства, Марс – войны и пр.): *Да страшный там Марс жѣстокий grimѣл...* (214); *Во всю ночь там Марс шел дикий.* (215); *Объемлет тебя Апполин великий...* (217); *О тебѣ поют парнасские лики...* (217). Таким образом, метонимизация мифонимов ярко доказывает, что перенос по смежности оказывается важным средством символизации мира. По этому поводу Феофан в своей поэтике замечал, что поэту, прибегая к вымыслу, не следует смешивать имена языческих божеств и христианского Бога и

«обозначать именами богов доблести героев; пусть поэт не говорит “Паллада” вместо мудрости, “Диана” вместо целомудрия, “Нептун” вместо воды, вместо огня – “Вулкан”; их имена можно употреблять лишь метонимически»²².

К метонимическим перифразам Феофан прибегает в переложении псалма и канте («Всяк себе в помощь вышняго предавай...», «О суетный человец, рабе неключимый...») в связи с мотивами божественной истины и заступничества, неумолимого хода времени и смертного часа: *Велит бо своим слугам велелѣпнымъ стрещи тя вездѣ окомъ неусыпнымъ. Слыши самого неложное слово...* (224); *А незапно день послѣдний Разрушит твой живот бѣдний. И в той час темный Пойдешь в ров земный И в прах твой наслѣдний...* (225) – в основе перифрастических оборотов здесь лежат ассоциации в направлении инструмент (око, произнесенное слово) → процесс (о постоянном, внимательном надзоре – ср. с *недреманное око*; об изречении истины), время → вечность (час, день в сравнении со смертью); часть → целое (вырытый для захоронения ров, могила как часть земной поверхности) или, напротив, целое → часть (тело усопшего, с одной стороны, и его недолговечные останки – с другой).

Некоторые Феофановы контексты подтверждают тяготение поэтического дискурса к метонимизации имен прилагательных – например, в послании «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры» 1730 года, посвященном литературным успехам Антиоха Кантемира: *мир... гнѣвливыи... перомъ смѣлим...* (217). В этом случае атрибутом, приписываемым в узусе лицу, при олицетворении явления или генерализации признака наделяется неодушевленное либо собирательное понятие²³.

К синекдохе Феофан прибегает в «Епиникионе» для создания перифрастического образа поэзии, трансформируя ассоциацию по оси смежности «поэзия, песнопение → лира, “орган рифмотворческий”, “ветийские уста”»: *...наипаче ныне нам желати Достойт многих устен, ибо ниже златый Орган рифмотворческий воспети довлеет Нашей ныне радости, ниже что успеет Ветийских устен слово...* (209).

Антитеза русского и вражеского (шведского) воинства подчеркивается использованием синекдохи, основанной на назывании части вместо целого: *...моя... десница со Петром на брани Будет...* (210); *...кий ликъ будет равный Сей побѣдѣ?* (213); *И погрузи во крови главы прокля-*

тыя... (209); *...ожесточи тогда Сердца супостатския...* (210).

Синекдоха реализуется Прокоповичем в «Епиникионе» и песне «За Могилою Рябою» также при употреблении форм единственного числа в значении собирательной, нерасчлененной множественности: *...егда уже бѣше Внутр отчества супостатъ свирѣпий и дивый...* (209); *Падесея супостатъ нашъ лютой!* (210); *Укри трупъ свѣйский поле...* (210); *Пришолъ турчинъ многолюдный...* (215).

Синекдоха формирует выразительные риторические обращения, в том числе в акте автокоммуникации – например, в шуточных стихах «на случай» «Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму» 1735 (?) года и в эпиграмме «Рѣчь господня к рабу малодушному» (? года): *...ты, о бородушка, залучил солодушка...* (222–223); *О сердце трепетное! Перестань дрожати...* (224).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, Феофан Прокопович следует в своем творчестве рекомендациям собственных трактатов по риторике и поэтике, разумеется, зиждущихся на античной традиции, согласно которым метонимия и синекдоха относятся к «главным» «словесным» фигурам речи (тропам), служащим для ее «услажения» и применяемым как в «возвышенном» и «цветистом», так и в «низком» слоге поэзии. Разнообразные метонимические трансформации находим у Феофана как в торжественной оде-песне (по другой точке зрения, малой эпической поэме) «Епиникион», кантах (переложениях псалмов) и посланиях императрице Анне, так и в фольклорно-песенных стилизациях, шуточных стихах «на случай» и эпиграммах, где, например, метафорическая палитра, в сравнении с одой, представлена очень ограниченно.

Наряду с применением и пополнением словаря метонимий и синекдох, Прокопович прибегает к расширению синтагматического потенциала перифраз и эпитетов, применяя прием переноса значения атрибута путем семантико-синтаксического смещения, когда признак приписывается не тому предмету, с которым связан привычной ассоциацией, обусловленной объективными логическими связями между объектами в окружающем мире.

ВЫВОДЫ

Метонимии и синекдохи Феофана Прокоповича в большей своей части являются узу-

альными, соответствуя известным языковой системе направлениям переносов по смежности места и находящихся на нем лиц, материала и изделий из него, целого и части, единичного и множественного либо собирательного понятий, абстрактного и его конкретных проявлений. Прокопович также использует известные летописным и библейским источникам метонимии, привлекает античные образы, то есть опирается на традиционную топику. Окказиональные метонимии и синекдохи появляются у него в пери-

фразах, риторических обращениях и при создании эпитетов-гипаллаг.

Таким образом, качественный и количественный спектр пространственных и ситуативных метонимий, синекдох, метонимических перифраз и эпитетов-гипаллаг в разножанровых стихотворениях Феофана доказывает богатство слога ранних русских поэтов эпохи барокко и силлабики, что в будущем могло бы стать материалом для создания баз данных и лексикографических изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обстоятельная характеристика трактатов Прокоповича представлена, например, в работах: [5], [12].
- ² Ср. с замечанием А. А. Алексеева: «Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем “реформа Ломоносова”, заключено не в его “Предисловии о пользе книг церковных” 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» [1: 187].
- ³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 235 и др.
- ⁴ Там же. С. 237.
- ⁵ Там же. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 251–259.
- ⁷ Там же. С. 259–267.
- ⁸ Там же. С. 410.
- ⁹ Там же. С. 257. Примечательно, что «Словарь русского языка XVIII века» в вокабуле МЕТОНИМИЯ предлагает в качестве иллюстрации толкование орфоэпического варианта «меонимии», данное Феофаном в сочинении «Розыск исторический, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии понтифексами или архиереами многобожного закона...», изданном в Санкт-Петербурге в 1721 году: «МЕТОНИМИЯ 1746 (меоо- 1721, -нвм- нач. XVIII в., -иа 1721) <...>. Гр. μετωνυμία. *Лит.* Фигура, или образ рѣчи, гречески Меонимии нарицаемый ... заимствование имени. Пркп. Понтиф. 34» (<https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/13/slc15912.htm>).
- ¹⁰ См., напр.: «Синекдоха – это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними...» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 461). В. П. Москвин называет синекдоху «метонимической фигурой» (Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: общая и частная классификации: Терминологический словарь. 2-е изд., существ. перераб. и доп. М.: URSS: Ленанд, 2006. С. 692). Г. Г. Хазагеров, приводя латинские (*трансмутация, интеллектция*) и древнерусский (встречающийся у Софрония Лихуда, например, термин *сопрятие*) аналоги древнегреческому по происхождению слову *синекдоха*, называет ее «тропом смежности, видом метонимии, основанным на соотношении целого и части» (Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 277).
- ¹¹ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг... С. 259.
- ¹² Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 352.
- ¹³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг... С. 268.
- ¹⁴ Здесь и далее цифра в скобках за стихотворным контекстом означает номер страницы по изданию: Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
- ¹⁵ Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. 3. Стлб. 1034 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10111/#page/1/mode/1up> (дата обращения 12.04.2024).
- ¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. Стлб. 1611.
- ¹⁷ Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. 5. Стлб. 151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10111/#page/1/mode/1up> (дата обращения 12.04.2024); Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. С. 583.
- ¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка... Стлб. 137.

¹⁹ Там же. Стлб. 1446.

²⁰ См., напр.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)... С. 583; Словарь старославянского языка. Репр. изд.: В 4 т. Т. 3. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 641.

²¹ Пример привлечен из работы [2: 86].

²² Прокопович Феофан. Сочинения... С. 403.

²³ Подробнее о метонимических переносах в сфере имен прилагательных см., напр., в работах: [3], [10], [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. 476 с.
2. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014. 496 с.
3. Бирих А. К. Метонимия прилагательных в современном русском языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1987. Вып. 1. С. 62–74.
4. Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014. 444 с.
5. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. 209 с.
6. Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.
7. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / Отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Вып. 1–5. М., 2000–2017.
8. Патроева, Н. В. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86.
9. Патроева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118.
10. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 3–12.
11. Сандакова М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филологические науки. 2004. № 3. С. 106–112.
12. Соколов А. Н. О «Поэтике» Феофана Прокоповича // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 443–449.
13. Копаниця Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 37, ч. 1. С. 156–161.

Поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

TROPES IN THE POEMS OF FEOFAN PROKOPOVICH: METONYMY AND SYNECDOCHE

Abstract. The main aim of the study was to analyze trope contexts selected from the poetic heritage of Feofan Prokopovich, one of the main reformers of Russian literature in the Peter the Great's era, in terms of consistency between his poetic practice and rhetorical theory presented in the treatise "De arte rhetorica libri X". The material under study comprised metonymy and synecdoche used by Feofan Prokopovich in 24 of his poems included in the academic collection of his works. The research methods included the functional-descriptive, lexicographic, contextual, comparative analyses which served as the main procedural research devices. As a result, the author comes to the conclusion that there is a fairly high activity of metonymic transfers in the poems of Feofan Prokopovich, who made a significant contribution to the development of Russian poetic phraseology, which has remained underestimated for a long time. The transformation of the original meaning is often carried out according to the principle of associative approximation of a place and its inhabitants, a part and the whole, the single and the multiple, an abstract property and its concrete manifestation, which is typical for conventional metonymy and synecdoche. Prokopovich uses transfers by contiguity, which were characteristic of biblical and chronicle sources (*horn – strength, shield – protection*), as well as metonymic periphrases, hypallages (displaced or metonymic epithets) that personalize him as an author, and symbolization based on the contiguity of a mythonym and an abstract concept (*Mars – war, Apollo – art*). The findings form the basis for the further study of the poetic practices of poets of the Petrine and post-Petrine eras, who had a significant influence on the formation of the poetics of Russian Baroque (pre-classicism) and classicism. The findings can also be used for advancing research into the diachronic rhetoric of Russian lyric poetry as a system of tropes and figures of speech used by poets

in the process of realizing their artistic concepts.

Key words: Baroque poetics, pre-classicism, trope, figure of speech, metonymy, synecdoche, Russian poetry of the first half of the XVIII century

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Patroeva, N. V. Tropes in the poems of Feofan Prokopovich: metonymy and synecdoche. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Essays and sketches on the history of the literary language in Russia. St. Petersburg, 2013. 476 p. (In Russ.)
2. Balashova, L. V. Russian metaphor: past, present, future. Moscow, 2014. 496 p. (In Russ.)
3. Birikh, A. K. Metonymy of adjectives in modern Russian. *Leningrad State University Journal*. 1987;2(1):62–74. (In Russ.)
4. Buranok, O. M. Feofan Prokopovich and the historical and literary process of the first half of the XVIII century. Moscow, 2014. 444 p. (In Russ.)
5. Vompersky, V. P. Stylistic doctrine of M. V. Lomonosov and the theory of three styles. Moscow, 1970. 209 p. (In Russ.)
6. Kibal'nik, S. A. The Rhetoric by Feofan Prokopovich. The XVIII century. *Collection 14: Russian literature of the XVIII and the early XIX centuries in the socio-cultural context*. Leningrad, 1983. P. 193–206. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries. (M. L. Gasparov, V. P. Grigoryev, L. L. Shestakova, Eds.). Vols. 1–5. Moscow, 2000–2017. (In Russ.)
8. Patroeva, N. V. The rhetorical aspect of “Epinikion” by Feofan Prokopovich. *Texts and History*. 2022;3:72–86. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. Theoretical views of Feofan Prokopovich as reflected in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. (In Russ.)
10. Raevskaya, O. V. A look at some types of discursive metonymy. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1999;58(2):3–12. (In Russ.)
11. Sandakova, M. V. On the mechanisms of discursive metonymy of an adjective. *Philological Sciences*. 2004;3:106–112. (In Russ.)
12. Sokolov, A. N. The Poetics by Feofan Prokopovich. *Problems of modern philology: Collection of articles commemorating the 70th anniversary of Academician V. V. Vinogradov*. Moscow, 1965. P. 443–449. (In Russ.)
13. Kopanitsya, L. “Epinikion” by Feofan Prokopovich: revisiting the issue of the textual strategy of panegyric poetry in the eighteenth-century literature. *Literature. Folklore. Problems of poetics: Collection of articles*. Kyiv, 2012. Issue 37, part. 1. P. 156–161. (In Ukr.)

Received: 5 July 2024; accepted: 23 September 2024

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Института педагогики и психологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1421-9404; olga_danilova90@mail.ru

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ВОЕННЫХ ПАНЕГИРИКАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Аннотация. Описывается функционирование атрибутивных словосочетаний в трех военных панегириках Феофана Прокоповича: «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе...» 1709 года, «Слово похвальное о баталии Полтавской...» 1717 года и «Слово похвальное о флоте российском...» 1720 года. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью языковых особенностей похвальных слов Феофана Прокоповича. Целью исследования является анализ порядка компонентов атрибутивных словосочетаний в похвальных словах Феофана Прокоповича, а также описание стилистических средств, используемых в словорасположении данных конструкций. Методом сплошной выборки было получено 1155 атрибутивных конструкций. В ходе анализа использовались структурно-функциональный, описательно-сопоставительный и семантико-стилистический методы. В результате проведенного исследования было выявлено незначительное преобладание препозитивных контактных конструкций, постпозиция атрибута используется автором как стилистическое средство. Также было отмечено, что употребление атрибутивных словосочетаний в панегирических текстах является важным средством создания торжественной риторики, активно использующей антитезу, амплификацию, повторы и другие приемы как способы украшения речи. Атрибутивные словосочетания как экспрессивно-стилистическое средство способствуют яркому изображению военных подвигов Петра Великого.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, порядок слов, риторика, русский литературный язык XVIII века, панегирик, Феофан Прокопович

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

Для цитирования: Казаковцева О. С. Атрибутивные словосочетания как стилистические средства в военных панегириках Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1088

ВВЕДЕНИЕ

Феофан Прокопович (1681–1736) – крупный политический и духовный деятель, выдающийся оратор и переводчик, публицист, основоположник русского классицизма. Прокопович был соратником Петра I, идеологом петровской государственности, поэтому, по словам И. П. Ерёмкина, «его политические речи, написанные по свежим следам последних событий» были посвящены «пропаганде петровских реформ» [17: 3].

В произведениях Феофана Прокоповича эпоха Петра I получила полное и многогранное отражение. Но не только петровские реформы прославлял в своих похвальных словах Прокопович, важное место в его панегирической литературе

занимают слова, посвященные баталиям великого императора.

Материалом настоящей статьи послужили три военных панегирика Феофана Прокоповича: «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю Царю и Великому Князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу, в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной»¹, посвященное Полтавской битве 1709 года; «Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпитебурхе в церкви Живоначальныя Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 27 день 1717»², посвященное восьмой годовщине

Полтавской победе, и «Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулиа 27 дня полученной проповедано преосвященным Феофаном, епископом Псковским, в царствующем Санктпитебурхе при присутствии царскаго пресветлаго величества и всего Синклита 1720 года, септемвриа 8 дня»³, посвященное победе при Гренгаме 1720 года.

Целью статьи является анализ расположения компонентов атрибутивных конструкций в военных панегириках Феофана Прокоповича и выявление стилистических средств, использующихся в системе атрибутивных словосочетаний (в терминах настоящей статьи – сочетания, включающие прилагательные, причастия, местоимения и порядковые числительные, которые используются в качестве определений к существительным, являющимся основными компонентами атрибутивной конструкции).

Похвальные слова принадлежат к «высокому стилю», который доминировал в жанрово-стилистических системах барокко и классицизма, играя важную роль в формировании норм общелитературного языка на протяжении всего XVIII века, в связи с чем считаем важной задачей исследовать на основе этих памятников русской словесности использование атрибутивных словосочетаний как стилистических средств.

ВОПРОС О ПОРЯДКЕ СЛОВ В АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Грамматисты и риторы XVIII – начала XIX века высказывали ряд суждений по поводу порядка слов. Так, Феофан Прокопович в своем трактате «Об искусстве риторическом десять книг», созданном на основе прочитанных в Киево-Могилянской академии в 1706 году лекций, в ряду «фигур, способствующих услаждению речи», называет «гипербат» – «удобное расположение слов не в обычном или естественном порядке» [16: 257].

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносов рекомендует ставить качественные прилагательные перед существительным, а притяжательные – после него, например: *темные облаки*, но *стихи Гомеровы*, *дом отческий* [9: 418–419, 555].

А. А. Барсов в «Российской грамматике» подчеркивает, что в российском языке «прилагательное по большей части поставляется прежде своего существительного: *великий человек*, *старый друг*, в противность общему или логическому порядку». Однако отмечает, что «против-

ное тому расположение, *день вчерашний*, *лучшее самое* и проч. или для благогласия и других риторских и стихотворческих сорассуждений употреблено быть может» [12: 162–163].

А. Х. Востоков и Н. И. Греч считают нормой словопорядка препозицию определения, особенно если оно выражено качественным прилагательным. Однако, по наблюдению А. Х. Востокова, если прилагательное выполняет роль сказуемого или является прозвищем обозначаемого лица, то ставится в постпозицию⁴. Для постановки атрибута после определяемого слова Н. И. Греч выделил следующие случаи, связанные с позициями предикативного или логически и эмфатически выделенного определения: а) перечисление качеств существительного: *он человек честный, умный*; б) постановка «дополнения» при имени прилагательном: *Петр был Государь великий и на поле битвы, и среди мира*; в) замена качественным прилагательным придаточного ограничительного предложения: *человек непросвященный знает только место своего жительства*; г) положение субстантивно-атрибутивного сочетания в конце предложения с логическим выделением определения: *у меня шуба медвежья*; д) положение после имен собственных или имен, обозначающих звание и т. д.: *Екатерина Вторая, Император Российский*⁵.

Таким образом, рассуждения грамматистов и риторов XVIII – начала XIX века о порядке слов в основном опираются на логико-формальные критерии, но в их работах можно найти и первые попытки объяснить расположение компонентов предложения с учетом коммуникативных намерений говорящего [2].

По мнению И. И. Ковтуновой, в первой трети XVIII века еще не было устойчивых норм словорасположения, которые имеются в современном русском языке, однако нельзя не отметить наметившуюся стилистическую значимость постпозиции, которая предвосхищала черты современной нормы [7: 66].

Функциональные разновидности речи в начале XVIII века, по замечанию В. В. Виноградова, не характеризовались единством стиля [3: 91]. В. Д. Левин обозначил язык этой эпохи как язык, поражающий «своей стилистической пестротой и неупорядоченностью» [8: 117]. Однако жанры высокой публицистики имели определенный набор стилистических средств. По словам И. И. Ковтуновой, «по отношению к этому жанру мы можем говорить о стиле – стиле похвального, торжественного слова, стиле проповеди», в котором имеется определенный набор стили-

стических средств в расположении слов, среди которых: постпозиция качественного прилагательного, различные виды дислокации, хиазмы и препозитивное положение актуализируемых членов, особенно при противопоставлении [7: 95].

СЛОВОПОРЯДОК КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ВОЕННЫХ ПАНЕГИРИКАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Общее количество атрибутивных конструкций, извлеченных нами из трех военных панегириков Феофана Прокоповича методом сплошной выборки, равно 1155 единицам (табл. 1), из которых 986 (85 %) – двучленные атрибутивные словосочетания и 169 (15 %) – трехчленные. В контактных трехчленных конструкциях наблюдаем преобладание препозиции – 61 %, в двучленных же словосочетаниях этот процент меньше – 54 %. По мнению А. С. Улитовой, определение, выраженное прилагательным, порядковым числительным, указательным и определительным местоимением, закрепилось в препозитивном положении уже к XVII веку [15]. Важно признать, что и для других похвальных слов Феофана Прокоповича свойственно почти равное употребление пре- и постпозитивного расположения атрибута, тогда как, к примеру, в похвальных словах М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова препозиция превалирует вплоть до 80 % [6]. По нашему мнению, на это не могло не повлиять прекрасное знание Прокоповичем латыни и польского языка, в котором атрибут-прилагательное занимает постпозицию.

Таблица 1. Сводная таблица атрибутивных конструкций в военных панегириках Феофана Прокоповича

Table 1. Summary table of attributive collocations in Feofan Prokopovich's military panegyrics

Общее количество словосочетаний – 1155						
Двучленные словосочетания 986 (85 %)				Трехчленные словосочетания 169 (15 %)		
препозиция 537 (54 %)	постпозиция 418 (42 %)	дистантное положение 31 (4 %)	препозиция 104 (61 %)	постпозиция 13 (8 %)	дистантное положение 13 (8 %)	интерпозиция 39 (23 %)
предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	
117 (22 %)	420 (78 %)	96 (23 %)	322 (77 %)	28 (90 %)	3 (10 %)	
		препозиция	постпозиция	предложное	беспредложное	
		10 (10 %)	94 (90 %)	1 (8 %)	12 (92 %)	
		препозиция	постпозиция	предложное	беспредложное	
		10 (80 %)	3 (20 %)			

Стоит отметить, что влияние предлога на препозитивное положение атрибута [10], которое наблюдалось в древнерусских текстах XI–XIII веков [5], отсутствует в текстах похвальных слов Феофана Прокоповича (табл. 2). Так, на общее число препозитивных двучленных конструкций (537 ед.) приходится 78 % (420 ед.) беспредложных словосочетаний (*пресветлаго величества* (23, Пр-1), *побежденный супостат* (26, Пр-1.)) и 22 % (117 ед.) словосочетаний с предлогом (*на Полтавской баталии* (50, Пр-2.), *в сердцах человеческих* (55, Пр-2)). Аналогичная ситуация отмечается и в трехкомпонентных словосочетаниях: из общего числа конструкций с препозицией (104 ед.) обнаруживаем 90 % (94 ед.) беспредложных словосочетаний (*вси мудрии управители* (55, Пр-2), *некого ботика обветшалого* (104, Пр-3)) и всего 10 % (10 ед.) словосочетаний с предлогом (*с великим своим плачем* (54, Пр-3), *от собственного божия смотра* (111, Пр-3)).

Кроме контактно расположенных членов атрибутивного ряда в панегирических текстах Феофана Прокоповича также были выявлены немногочисленные случаи (4 % от общего числа двучленных конструкций и 8 % от общего числа трехчленных) дистантного расположения компонентов: *прислугу к себе верную* (105, Пр-3), *премудрый мира создатель* (107, Пр-3), *ко нынешней глаголю неслыханной победе* (25, Пр-1), *царская в России корона* (51, Пр-2).

В отличие от контактных атрибутивных конструкций в дистантных словосочетаниях препозиция атрибута выражена в большей степени: 90 % препозиции в двучленных словосочетаниях и 80 % в трехчленных (эта тенденция наблюдалась в древнерусских памятниках старшей поры [13: 148–186]). Можем заметить, что благодаря разрывающему компоненту еще больше акцентируется препозитивный атрибут.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ВОЕННЫХ ПАНЕГИРИКАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Еще М. В. Ломоносов отмечал, что в похвальных словах большое значение имеют определения, часто используемые авторами в качестве стилистического средства [9: 70]. Не случайно в военных панегириках Феофана Прокоповича широко представлены однородные атрибуты: *вся Великия и Малыя и Белья России* (23, Пр-1); *светлейшаго Римскаго и Российскаго государств* (25, Пр-1). Как правило, однородный ряд состоит из двух членов, связанных сочинительным союзом *и*: *лютую и трудную брань* (27, Пр-1),

Таблица 2. Количественная характеристика атрибутивных словосочетаний в военных панегириках Феофана Прокоповича

Table 2. Quantitative characteristics of attributive collocations in Feofan Prokopovich's military panegyrics

Атрибутивные словосочетания в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе...» 1709 года						
Общее количество словосочетаний – 550						
Двучленные словосочетания – 449 (82 %)			Трехчленные словосочетания – 101 (18 %)			
препозиция 255 (57 %)	постпозиция 176 (39 %)	дистантное положение 18 (4 %)	препозиция 66 (65 %)	постпозиция 2 (2 %)	интерпозиция 23 (23%)	дистантное положение 10 (10 %)
Атрибутивные словосочетания в «Слове похвальном о битавии Полтавской...» 1717 года						
Общее количество словосочетаний – 342						
Двучленные словосочетания – 305 (89 %)			Трехчленные словосочетания – 37 (11 %)			
препозиция 160 (52 %)	постпозиция 137 (45 %)	дистантное положение 8 (3 %)	препозиция 20 (54 %)	постпозиция 10 (27 %)	интерпозиция 5 (13 %)	дистантное положение 2 (6 %)
Атрибутивные словосочетания в «Слове похвальном о флоте российском...» 1720 года						
Общее количество словосочетаний – 263						
Двучленные словосочетания – 232 (88 %)			Трехчленные словосочетания – 31 (12 %)			
препозиция 122 (53 %)	постпозиция 105 (45 %)	дистантное положение 5 (2 %)	препозиция 18 (58 %)	постпозиция 1 (3,5 %)	интерпозиция 11 (35 %)	дистантное положение 1 (3,5 %)

страшнаго и непобедимаго супостата (36, Пр-1); турскаго и польскаго послов (53, Пр-2); славное и великое поморие (108, Пр-3). Реже Прокопович составляет однородный ряд из более чем трех однородных членов. Отметим в подобных конструкциях и наличие бессоюзной связи, которую автор не использует в ряду с двумя атрибутами: мальй, ветхий, презренный ботик (105, Пр-3); сия великая, дивная, крылатая, оруженосная древеса (106, Пр-3).

Для создания патетического тона Феофан Прокопович прибегает к использованию традиционных, «формульных» словосочетаний, восходящих к летописной традиции [11: 112]: лю-тую брань (27, Пр-1), непобедимаго супостата (36, Пр-1).

Интересны случаи включения атрибутивного однородного ряда в однородный ряд других членов предложения: к ближним глаголю или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной (50, Пр-2). Как отмечает А. Г. Акимова, «обильное использование однородности в ораторской прозе – одна из традиций риторического искусства» [1: 50].

Нагромождение однородных конструкций используется как один из приемов амплификации,

о которой Прокопович писал следующее: «...назначение и польза амплификации в том, чтобы придавать силу и мощь речи...» [16: 137].

Любопытны репрезентации употребления Феофаном Прокоповичем синтаксического параллелизма:

Не устращися Хамова безстудия, не убоися Иудина беззакония, не вострепета Ариева клят-вопреступства, не помысли о священнейшой и невредимой чести христа господня (28, Пр-1); за Смоленское княжение... еще и за ложных Димитриев, и за пресеченные высокия надежды Владиславу польскому (51, Пр-2); не была еще регула воинская, не были искусства инженерские, не были обоего чина архитекторы, не был флот, не была сила на море (52, Пр-2).

В первом примере наблюдаем включение в конструкцию «аллюзии на библейскую историю и мифологию» [14: 10]: используя антропимы, автор усиливает мотив предательства, совершенного Мазепой. Обращение к античным, библейским и историческим именам довольно часто находит свой отклик в панегирических текстах Феофана, что, по мнению исследователей, объясняется «стремлением актуализировать античность как религию при сакрализации образа монарха» [4: 468].

Для акцентуации признака Феофан Прокопович использует лексический повтор, где в 98 % случаев дублируется атрибут: *преславную победу твою, о преславный победителю* (35, Пр-1), *в едином граде, в едином доме* (27, Пр-1).

Случай повтора определяемого слова единичны: *...к делу сему было **смотрение** божие, еще **посмотрим**, как тое **смотрение** милостивое есть к роду российскому* (106, Пр-3). Примечательно, что между двумя атрибутивными конструкциями с повторяющимся существительным в данном примере находится глагол с таким же корнем, что еще больше усиливает внимание на дублируемом члене атрибутивного ряда.

Обращает на себя внимание случай повтора целого атрибутивного словосочетания. Так, в «Слове о преславной над войсками свейскими победе...» рефреном через весь панегирик проходит обращение *пресветлейший монархо*, используемое Прокоповичем по отношению к Петру и повторяемое в тексте 9 раз: *мужественного твоего воинства, пресветлейший монархо* (29, Пр-1); *вся твоя и дела и деяния, пресветлейший монархо, дивная воистину суть* (37, Пр-1).

Интересен пример использования лексического повтора при чередовании пре- и постпозиции: *достохвальное дело, дело воистину достохвальное* (24, Пр-1); *гофский народ, дело ужасное, народ гофский* (54, Пр-2). За счет чередования инверсированного и прямого порядка слов особенно подчеркивается атрибутивное прилагательное.

По мнению Феофана Прокоповича, речь «должна изобиловать словами, выбранными в соответствии с потребностью содержания» [16: 210] – именно это играет значительную роль в формировании речи, которая «не только уму, но и ушам слушателей доставляет успокоение» [16: 210].

Нередко для придания большей экспрессии в восклицательных предложениях автором используется анафора:

О вести неслыханной! О вести радостной и страшной! (29, Пр-1); *О поле благополучное! О поле достойное победительными знаменами украшено быти* (30, Пр-1); *О день приснопамятный! О день многих веков дражайший!* (56, Пр-2).

Примечательно, что в таких конструкциях атрибут находится после определяемого слова. Данная тенденция в расположении отмечалась нами в похвальных словах XI–XIII веков⁶, что говорит о сохранении традиции в расположении членов атрибутивного ряда в восклицательных конструкциях.

Особое место в стилистической организации текста занимают немногочисленные хиастические конструкции: *служили тебе, царю, слуги и поддании твои, якоже и ты, царь сый, слугам и подданным твоим служиши* (28, Пр-1), *гордая зависть и завистная гордость* (54, Пр-2). В первом примере наблюдаем лексический повтор в инвертируемых элементах с последующим «обменом» их синтаксических функций, который служит для акцентуации внимания адресата на контрастном сочетании: *служили поддании твои – ты подданным твоим служиши* (смена ролей: тебе служили – ты служи).

Атрибутивные словосочетания используются Феофаном Прокоповичем при антитезе: противопоставление соратников и врагов императора, мира и войны, к примеру:

Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкн бяше; великий же – Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Ираклий иже многия неукротимыя зверы и змия сedy-моглавнаго умертви (24, Пр-1).

Данная репрезентация представляет собой интерес не только наличием лексического повтора, который усиливает противопоставление (не великий – великий), но и употреблением античных и библейских антропонимов, с деятельностью которых проводит Феофан параллель: битва героя со зверем = сражение Петра Великого со Швецией [14: 9].

Еще одним широко распространенным стилистическим приемом в похвальных речах XVIII века было дистантное расположение атрибутивных элементов. Дистантные атрибутивные словосочетания, как было отмечено нами ранее, составляют 4 % от общего числа двучленных и 8 % от общего числа трехчленных конструкций. Разрывающим элементом в таких конструкциях выступают самостоятельные и служебные части речи, а также сочетания слов, например: *побежденного от тебе супостата* (24, Пр-1), *великая была бы слава* (24, Пр-1), *наших ради угодий* (28, Пр-1), *мирный в Германию путь* (57, Пр-2), *некую себе утеху* (56, Пр-2), *главную флота нужду* (105, Пр-3).

Особенно примечательны дистантные атрибутивные словосочетания, в которых элементы разрываются конструкциями с именами и местоимениями, содержащими вынесенное вперед существительное. В таких конструкциях одно атрибутивное словосочетание находится внутри другого:

древнее их о роде российском презорство (53, Пр-2); *доброжелательного монарху нашему друга Августа* (54, Пр-2); *первыя полков твоих линии* (31, Пр-3); *храброго твоего на ратном бою присутствия* (32, Пр-1).

За счет такого разрыва и создаваемой паузы перед второй («внутренней») атрибутивной конструкцией подчеркивается препозитивный атрибут.

Любопытно использование лексического повтор в подобных словосочетаниях: *великий великих мужей вожде* (31, Пр-1), *пресветлое пресветлаго величества твоего лице* (23, Пр-1). Пример употребления подобных конструкций, по словам А. Г. Акимовой, демонстрирует пышный и громоздкий синтаксис писателей Петровской эпохи [1: 50].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа атрибутивных конструкций в военных панегириках Феофана Прокоповича можем заключить, что в текстах

похвальных слов как ярких образцах ораторского жанра атрибутивные словосочетания (включая их словопорядок) активно использовались автором в качестве стилистического средства для усиления экспрессивности и придания торжественного звучания похвальному слову.

В панегириках Прокоповича наблюдаем сохранение преемственности к слогу проповеди и пышному стилю «плетения словес», в области словопорядка – использование постпозиции в качестве экспрессивно-стилистического средства.

Употребление атрибутивных конструкций в военных панегириках Феофана Прокоповича является важным инструментом формирования торжественной риторики, активно прибегающей к повторам, амплификации, антитезе и хиазмам для украшения речи с целью подчеркнуть твердость характера, смелость и управленческие навыки императора Петра Великого в военных делах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю Царю и Великому Князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу, в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 23–38. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы и через запятую условного названия Пр-1.
- ² Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпитебурхе в церкви Живоначальныя Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 27 день 1717 // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 48–59. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы и через запятую условного названия Пр-2.
- ³ Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими июлиа 27 дня полученной проповедано преосвященным Феофаном, епископом Псковским, в царствующем Санктпитебурхе при присутствии царскаго пресветлаго величества и всего Синклита 1720 года, септемвриа 8 дня // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 103–112. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы и через запятую условного названия Пр-3.
- ⁴ Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Издание книгопродавца Д. Ф. Федорова, 1874. С. 177–178.
- ⁵ Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб.: Типография Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома, 1827. С. 435–438.
- ⁶ Казаковцева О. С. Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI–XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия): Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2019. С. 140–141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Г. Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 47–59.
2. Бурцев В. А. Риторическое учение М. В. Ломоносова о порядке слов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10, вып. 1. С. 65–82.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
4. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 461–531.

5. Казаковцева О. С. Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI–XIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 88–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.357
6. Казаковцева О. С., Патроева Н. В. Экспрессивно-риторический потенциал атрибутивных словосочетаний в похвальных словах XVIII века // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2022. Вып. 1–2. С. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2022.00035>
7. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX века. М.: Наука, 1969. 231 с.
8. Левин В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: Просвещение, 1964. 245 с.
9. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / Гл. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. Т. 7. Труды по филологии. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 997 с.
10. Минлос Ф. Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 209–217.
11. Патроева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана Прокоповича в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-107-118
12. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой; Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 776 с.
13. Санников В. З. Согласованное определение // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 448 с.
14. Трофимов А. Е. Употребление античных и библейских имен в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича // Литературная культура России XVIII века. 2019. Вып. 8. С. 7–18.
15. Улитова А. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII века) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 4. С. 108–117.
16. Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. с лат. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев; Подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; Коммент. Е. В. Маркасовой; Науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
17. Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Ерёмкина. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 502 с.

Поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Olga S. Kazakovtseva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1421-9404; olga_danilova90@mail.ru

ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS AS STYLISTIC DEVICES IN FEOFAN PROKOPOVICH'S MILITARY PANEGYRICS

Abstract. This paper examines the functioning of attributive word combinations in three military panegyrics by Feofan Prokopovich: “A Word of Praise for the Glorious Victory over the Armies of Sweden” (1709), “A Word of Praise for the Battle of Poltava” (1717), and “A Word of Praise for the Russian Navy” (1720). The significance of this study arises from the limited exploration of the linguistic characteristics in Prokopovich’s works of praise. The objective of this research is to analyze the arrangement of components in attributive word combinations within these texts and to describe the stylistic elements employed in their construction. A total of 1155 attributive constructions were collected through continuous sampling. The analysis utilized structural-functional, descriptive-comparative, and semantic-stylistic methods. The findings indicate a slight predominance of prepositional contact constructions, with the author employing the postposition of attributes as a stylistic device. Furthermore, it was observed that attributive word combinations in panegyric texts serve as a vital tool for creating a formal rhetorical style, employing techniques such as antithesis, amplification, repetition, and other strategies to enhance the eloquence of the discourse. Overall, attributive word combinations emerge as expressive and stylistic devices that vividly illustrate Peter the Great’s military achievements.

Keywords: attributive collocations, word order, rhetoric, Russian eighteenth-century literary language, panegyric, Feofan Prokopovich

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation’s grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Kazakovtseva, O. S. Attributive collocations as stylistic devices in Feofan Prokopovich’s military panegyrics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1088

REFERENCES

1. Akimova, G. N. Stylistic and syntactic features of oratorical prose of the XVIII century (a study of the words of praise by Lomonosov and Sumarokov). *The language of Russian writers of the XVIII century*. Leningrad, 1981. P. 47–59. (In Russ.)
2. Burtsev, V. A. M. V. Lomonosov's rhetorical teaching on the order of words. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 2022;10(1):65–82. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries. Moscow, 1982. 528 p. (In Russ.)
4. Zhivov, V. M., Uspensky, B. A. Metamorphoses of ancient paganism in the history of Russian culture of the XVII and XVIII centuries. *Zhivov, V. M. Studies of history and prehistory of Russian culture*. Moscow, 2002. P. 461–531. (In Russ.)
5. Kazakovtseva, O. S. The order of attributive collocations components in the Old Russian texts from the period between the XI and the XIII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):88–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.357 (In Russ.)
6. Kazakovtseva, O. S., Patroeva, N. V. The expressive and rhetorical potential of attributive collocations in 18th-century panegyrics. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2022;1–2:15–27. DOI: 10.1556/060.2022.00035 (In Russ.)
7. Kovtunova, I. I. The word order in the Russian literary language of the XVIII century and the first third of the XIX century. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
8. Levin, V. D. A brief outline of the history of the Russian literary language. Moscow, 1964. 245 p. (In Russ.)
9. Lomonosov, M. V. Complete collection of works. (S. I. Vavilov, T. P. Kravets, Eds.). Vol. 7. Linguistic works. Moscow; Leningrad, 1952. 997 p. (In Russ.)
10. Minlos, Ph. R. Prince Grand or Grand Prince: variation parameters. *Words. Concepts. Myths. Celebrating the 60th anniversary of A. F. Zhuravlev*. Moscow, 2011. P. 209–217. (In Russ.)
11. Patroeva, N. V. Theoretical views of Feofan Prokopovich as reflected in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-107-118 (In Russ.)
12. *The Russian Grammar* by Anton Alekseevich Barsov. (M. P. Tobolova, B. A. Uspensky, Eds.). Moscow, 1981. 776 p. (In Russ.)
13. Sannikov, V. Z. Agreed definition. *Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentences*. Moscow, 1978. 448 p. (In Russ.)
14. Trofimov, A. E. Using of classical and Biblical names in “Slovo pokhval'noye o preslavnoy nad voyskami sveyskimi pobede” by Feofan Prokopovich. *Literary Culture of Russia in the XVIII Century*. 2019;8:7–18. (In Russ.)
15. Ulitova, A. S. Complex attributive phrases in business and bookish texts of the XVIIth century. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;1(4):108–117. (In Russ.)
16. Prokopovich, F. Ten books on the art of rhetorics. (E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2020. 488 p. (In Russ.)
17. Prokopovich, F. Collection of writings. (I. P. Eremin, Ed.). Moscow; Leningrad, 1961. 502 p. (In Russ.)

Received: 5 July 2024; accepted: 23 September 2024

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СТРУКТУРА И РИТОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СУБСТАНТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

А н н о т а ц и я . Актуальность работы обусловлена незначительным исследованием синтаксического строя сочинений Феофана Прокоповича. Объектом рассмотрения стали 318 субстантивных сочетаний, извлеченных из пяти ораторских сочинений автора. Целью работы является описание структуры сочетаний, лексико-семантическая характеристика компонентов и их риторических функций. Методы исследования: обзорно-аналитический, классификационный, стилистический. Результаты анализа показывают, что доминирующими по численности оказываются конструкции, включающие определения при зависимом или главном существительных. В большей части конструкций преобладающим является прямой порядок главного и зависимого имен. Определения при зависимом имени выступают в пре- и постпозиции в равном соотношении, при главном имени определения занимают преимущественно препозицию. Несмотря на наличие базовых моделей, реализующих большое количество конструкций, остается значительное число образцов с вариативным расположением и количеством компонентов. Способы выражения существительных и прилагательных-определений, а также их структурная организация позволяют рассматривать сочетания как востребованный риторический ресурс. Такие приемы, как инверсия, хиазм, метафора, синонимические ряды, амплификация, повтор, отвечают содержанию текста и направлены на реализацию идеи ораторского сочинения (прославление монарха, его наследников, государства, воинов, побед). Образный характер многих сочетаний связан с церковнославянской традицией. Результаты исследования важны для дальнейшего рассмотрения субстантивных сочетаний в истории русского литературного языка, а также для изучения стилистического своеобразия сочинений Феофана Прокоповича.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Феофан Прокопович, синтаксис, субстантивные словосочетания, риторические фигуры, диахроническая риторика

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Рожкова А. В. Структура и риторические функции субстантивных сочетаний с последовательным подчинением в ораторской прозе Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1089

ВВЕДЕНИЕ

Произведения выдающегося церковного деятеля XVIII века, поэта, философа Феофана (Елеазара) Прокоповича (1681–1736) редко становились материалом для специальных синтаксических изысканий, в то время как исследователи отмечали, что «синтаксис сочинений Ф. Прокоповича заслуживает самого пристального внимания и изучения» [6: 37].

Сочинения Прокоповича были среди источников, которые привлекала И. И. Ковтунова в исследовании, посвященном порядку слов (в том числе и в именных сочетаниях) в русском ли-

тературном языке [4: 66–109]. Л. Л. Кутина анализировала на материале слов и речей Феофана Прокоповича характерные для книжно-славянского языка синтаксические конструкции с целью установления «языкового типа, к которому может быть отнесен язык Прокоповича» [6: 37–43]. Отдельные тексты привлекались для изучения синтаксиса проповедей¹. В работах последних лет синтаксический строй произведений Феофана Прокоповича исследуется с точки зрения риторической организации [8].

Объектом настоящего исследования являются беспредложные подчинительные сочетания

имен существительных, извлеченные из пяти слов-проповедей Феофана Прокоповича: «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» (1709), «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1717), «Слово похвальное о баталии Полтавской» (1717), «Слово в неделю осмуюнадесят, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося» (1717), «Слово похвальное на тезоименитство благоверныя государыни Екатерины» (1717). (О содержательных и стилистических особенностях ораторских слов Прокоповича см. [1], [2], [5], [7: 24–25], [14], [15].)

Как отмечает З. Д. Попова, «именные группы из двух существительных характерны для книжных текстов. Они отражают более высокую ступень организации высказывания, сжимая в номинативное обозначение предикативную структуру» [10: 159]. Принимая во внимание жанровую форму анализируемых текстов, представляется важным подробно рассмотреть структуру, лексико-семантическое выражение компонентов сочетания, их функционирование, что и определяет цель исследования. Описание субстантивных конструкций было бы неполным без наблюдений за их риторическими функциями, учитывая, что Прокопович – теоретик и практик ораторского искусства, автор трудов «Риторика», «Поэтика» («De arte poetica», «De arte rhetorica libri X»), «каждый из которых по тому времени был глубоко новаторским курсом и имел большое влияние на теорию и практику словесного творчества XVIII века» [1: 56].

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ

Общее количество анализируемых конструкций – 318. Зависимое имя (имена) во всех сочетаниях выступает в родительном падеже.

По структуре именные сочетания разделены на несколько групп в зависимости от следующих параметров: 1) в составе сочетания только главный (главные) и зависимый (зависимые) имена без определений; 2) в составе сочетания главный (главные) и зависимый (зависимые) имена с определениями; 3) в составе сочетаний несколько последовательно зависимых имен (с возможным распространением определениями).

При характеристике внутри каждой группы будет учитываться прямой и обратный порядок, а также контактное и дистантное расположение всех компонентов (главного и зависимого, а также определений в случае их наличия).

Структуры с главным (главными) и зависимым (зависимыми) именами без определений

Общее количество таких структур – 90. Большая часть приходится на структуры с од-

ним главным компонентом и одним зависимым: *от начала царствования* (63)². Немногочисленны примеры с двумя и более главными при одном зависимом или двумя и более зависимыми при одном главном: *о тяжести и лютости брани* (24), *на брегах Ингрии и Карелии* (44), *на взыскание бунтовников, и грабителей, и убийцов* (28).

Преобладающий порядок главного и зависимого – прямой. Инверсированных примеров в три раза меньше: *победы похвалу* (23), *спасения корабль* (63). В текстах первой трети XVIII века порядок следования главного и зависимого имен был стилистически обусловленным, что отмечала И. И. Ковтунова: препозиция зависимых имен

«была употребительна преимущественно в таких жанрах и сферах речи, которые были связаны с црк. славянским языком (где наблюдалась свобода препозитивного и постпозитивного употребления зависимых имен) и – в еще большей степени – с распространившимся в эту эпоху влиянием латинского синтаксиса» [4: 77].

Структуры с определениями при главном (главных) и зависимом (зависимых) именах

Значительно превосходящее предыдущую группу количество таких примеров (220), а также широкая вариативность расположения компонентов в конструкциях позволяют составить более дробную классификацию.

Структуры с определениями только при зависимом имени

Многочисленную подгруппу представляют конструкции, в которых определение есть только у зависимого слова (далее такие структуры описаны в порядке убывания по частоте употребления). Наиболее типичная модель организации компонентов укладывается в схему «главное слово + зависимое с постпозитивным определением»: *хищением льва свейского* (44). Другая распространенная модель строится по схеме «главное слово + препозитивное определение при зависимом»: *приобретения суетной славы* (70). Еще одна модель – «препозитивное определение при зависимом + главное слово»: *великих дел управители* (38). Менее востребована модель «зависимое с постпозитивным определением + главное»: *любве истинной познание* (70).

В данной подгруппе преобладает прямой порядок расположения главного и зависимого существительных. Наблюдается равное количество примеров с препозицией определения и его постпозиционным расположением относительно определяемого (см. примеры выше). Определение выступает контактно по отношению к определяемому. Отметим случай дистантного расположения: *от гласа грома твоего* (35).

Структуры с определениями при главном и при зависимом именах

Такие конструкции на втором месте по численности употребления среди конструкций с определениями. Следует выделить только три модели, которые используются относительно регулярно: «препозитивное определение при главном + постпозитивное употребление при зависимом»: *превеликая слава народа нашего* (37); «определение, относящееся к главному слову, + зависимое с постпозиционным определением + главное»: *лестную мира сего любовь* (73); «определение, относящееся к главному имени, + препозитивное определение при зависимом имени + главное»: *дивную неописанной победы красотой* (23). Присутствует достаточно большое количество (20) единичных конструкций с вариативным расположением и количеством компонентов (в том числе главного и зависимого имен): *отечества и православия нашего истинный любитель* (32), *домашняя славы надежду неложную* (48), *многословнии любомудрцы, книжницы и совопросницы века сего* (74).

Для этой группы характерно одинаковое использование прямого и обратного порядка главного и зависимого имен (учитывается как контактное, так и дистантное расположения главного и зависимого). Доминирующим расположением определений при главном имени является препозиция в контактном и дистантном употреблении. Вариант дистантного словорасположения – *преславный войск свейских победителю* (23), возникший под влиянием латинского языка, приобрел широкое распространение в текстах XVIII века [4: 76].

Определения при зависимом имени одинаково используются в препозиции и постпозиции, но только в контактном расположении.

Структуры с определениями при главном имени

Это самая малочисленная подгруппа, в которой можно выделить две наиболее распространенные модели: «препозитивное определение при главном имени + зависимое»: *ухищенный вид святости* (70); «дистантное препозитивное определение, относящееся к главному имени, + зависимое имя + главное имя»: *приобретенным вещей познанием* (66). В последней модели реализуется уже отмеченный способ расположения, возникший под влиянием латинского языка.

Единичное употребление отмечено для двух конструкций: *вид притворный любве* (69), *воинства мужественным подвигом* (23). По нескольким случаям употребления приходится на модели с двумя главными или зависимыми словами: *в совершенный силы и славы возраст* (50).

Для этой подгруппы характерно примерно равное соотношение прямого и обратного порядка главного и зависимого имен. Как правило, определение занимает препозицию по отношению к определяемому имени. Характеризуя соотношение контактного и дистантного расположения определения и определяемого имени, следует отметить незначительный перевес последнего варианта.

Структуры с несколькими последовательно зависимыми именами

Такого рода конструкции нетипичны для анализируемых текстов (всего 8 примеров): *печальной пагубы воев своих зритель* (25), *в день рожества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича* (38), *надежду продолжения нашего блаженства* (43), *разъярение зависти сосед наших* (51), *в веру евангелия сына его* (53), *в подобии насаждения древа* (62), *о спасении искателей погибели ея* (73). Как видно, почти для всех характерен прямой порядок последовательно зависимых компонентов (инверсия наблюдается в первой конструкции). В качестве зависимых выступают формы родительного падежа. Особо выделяется один пример с формой дательного и родительного падежей: *благополучию вечности своей надежда* (43).

Таким образом, представленные выше разновидности конструкций характеризуются широкой вариативностью расположения и разным количеством компонентов. Это обстоятельство не дает возможности свести их к определенному числу устойчивых моделей, однако позволяет говорить о преобладании распространенных конструкций. Такое распространение происходит за счет наличия: 1) нескольких главных и/или зависимых имен; 2) определений при главном и/или зависимом именах; 3) нескольких главных и/или зависимых имен и определений при них. Феофан Прокопович в своей «Риторике» уделял внимание способам распространения («источники распространения») подлежащего и сказуемого: «определение, перечисление, синонимия, дополнение» [12: 211]. Такого рода распространители представлены в структуре анализируемых субстантивных сочетаний, например однородные ряды имен-дополнений при главном члене предложения: *подобаает мне первее глаголати о побежденнаго супостата силе, дерзости, мужестве, к тому о тяжести и лютости брани* (24). Распространенность (или «изобилие слов» [12: 210]) связана с созданием ритма: «Первое условие наличия ритмической речи в том, что она должна изобиловать словами, выбранными в соответствии с потребностью содержания <...>» [12: 210].

Немаловажно, что поддержание определенного ритма обеспечивается словорасположением, представляющим собой риторические фигуры, например инверсированный порядок слов («гипербат» в терминологии Прокоповича [12: 257]) или хиазм, который наблюдается в построениях с симметричным расположением имен и определений: *домашняя славы надежду неотложную* (48).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ И ИХ ОБРАЗНЫЕ ФУНКЦИИ

Состав имен в сочетаниях разнообразен и включает собственные, нарицательные, конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные существительные. Тематически имена соотносятся с политической сферой и государственным устройством: *вид правительства* (51), *о правлении государства* (56), *благополучие монархии* (39); с территориальными и географическими границами: *до предел царства Персидского* (25), *до берегов моря Ледовитого* (25); военным делом: *к действию баталей* (65), *жилою воинства* (26); религией: *к познанию Бога* (64), *светом евангелия* (73); областью человеческих чувств и эмоций: *под видом веселия* (72), *боязнию смерти супружеской* (74).

Основным способом выражения определения при главном и зависимом именах являются местоимения и прилагательные. Среди местоимений наиболее распространенные *наш, свой, сей, твой*: *сила монарха нашего победительная* (44), *на пагубу своего ж отечества* (27). Прилагательные представлены разными лексико-семантическими разрядами: *в рождении сына царева* (48), *единством корене славенского* (51), *великую мира часть* (65). Наиболее частотными являются прилагательные *великий* и *преславный*. Определения выступают в функции эпитета, образно характеризуя обозначенный главным или зависимым именем предмет: *лестную мира сего любовь* (73).

При участии анализируемых сочетаний образуются метафоры, которые Феофан Прокопович относил к фигурам, «способствующим услаждению» [12: 251, 257]. Отдельные метафоры обусловлены влиянием церковнославянской книжной традиции, например *тьму неразумия* (73), *светом евангелия* (73), или образованы соединением конкретного и абстрактного существительных: *столп крепости* (32), *щитом силы своя* (32), *слово спасения* (66), *лице любви* (70) (о подобных образных сочетаниях в старославянском языке и в древнерусской гимнографии см. [3: 192], [13]). Как отмечает Н. В. Патронева, «насыщенность церковнославянизмами – характерная примета победной песни “Епиникион”» [9: 112].

Интересны примеры, когда использованные в разных частях текста метафорические сочета-

ния включают одну и ту же лексему, отражая тем самым идею ораторского сочинения. В тексте «Слово похвальное на тезоименитство благоверных государыни Екатерины» варианты метафоры со словом *любовь* образно эксплицируют «две главные темы проявления любви – к Богу и к ближнему» [15: 196]: *притворное лице любви* (70), *сила любви истинной* (70), *любви искушение* (70), *законоположник любви* (75). «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» включает несколько метафор со словом *победа*: *дивною неописанной победы красотой* (23), *победы похвалу* (23), *великая победы нынешней слава* (26).

В распространенных сочетаниях ряды главных или зависимых имен (реже определений) используются в качестве синонимов (в основном контекстуальных): *российской монархии силу и крепость* (25), *чаяние и ожидание языков* (61), *дивною неописанной победы красотой* (23). Такие примеры иллюстрируют советы самого Феофана Прокоповича для упражнений по синонимике:

«...не заботься о том, чтобы находить слова совершенно одинакового значения <...> но будет достаточно тех, которые в соединении выражают одно и то же, хотя взятые отдельно – не будут иметь подобного значения» [11: 351].

Экспрессия образных сочетаний может быть усилена другими приемами, например амплификацией: *блаженства всероссийскаго семя, корень, основание* (38), *на възискание бунтовников, и грабителей, и убийцов* (28), *множеством нужд, злочключений, наветов и препяттий великих* (24).

Прием повтора наблюдается в построенных по одной модели конструкциях с разным или частично совпадающим лексико-морфологическим составом компонентов, ср. следующие примеры из разных фрагментов одного текста («Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе»): *за толикую любовь монархи своего* (28) – *тоλικое мужество царя своего* (31), *верх победительной славы* (33) – *верха дивной славы* (37). Подобный повтор и параллелизм, но уже контактный в рамках одного предложения встречается в других текстах:

«Есть чем поздравляти тебе, благороднейшая государыня наша царица, *таковаго* супруга *подружие* и *таковаго* сына *матерь* быти сподобльшася!», «<...> да увидит *сыны сынов своих* и на *сынах сынов своих* своих дел славныя образы <...>» («Слово похвальное в день рождества благороднейшаго государя царицы и великого князя Петра Петровича», 47–48). «Увидел бы еси под красным цветом змия, под *видом веселия* желчь горькую, под *видом плача* радость, под *видом похвалы* хулу, под *видом приязни* ярость убивственную» («Слово похвальное на тезоименитство благоверных государыни Екатерины», 72).

ВЫВОДЫ

Субстантивные сочетания являются обязательным компонентом синтаксиса ораторских сочинений Феофана Прокоповича и представляют собой структуры, служащие для номинации не только конкретных физических предметов, реалий, действий, но и тех понятий, которые образно соотносятся с темой и идеей текстов. Умеренность и сбалансированность в строении сочетаний определяется несколькими факторами: незначительным числом конструкций с двумя последовательно зависимыми именами, ограниченным количеством определений при именах, компактными рядами главных и зависимых имен (об умеренности и сдержанности стилистических устремлений Феофана Прокоповича см. [5: 75], [9: 118]).

Организация компонентов, способы их выражения позволяют рассматривать эти синтаксические единицы как полноценный ресурс для риторического оформления произведения. Жанрово-стилевой спецификой и идейным содержанием слов-проповедей обусловлено использование тропов и риторических фигур, которые направлены на восхваление и прославление значимых событий (воинской победы, рождения наследника царского престола), героев (монархов, вождей) или против изменников и вражеских войск. Славяно-книжные традиции проявляются в лексико-семантическом характере имен и определений-распространителей. Индивидуальные особенности, в том числе и в организации таких конструкций, еще предстоит выяснить в процессе дальнейшего комплексного исследования творческого наследия Феофана Прокоповича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савина М. М. Синтаксис проповедей русских священников XIII–XIX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 24 с.

² Здесь и далее тексты Феофана Прокоповича цитируются по изданию: Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. 504 с. Страницы цитат указываются после примера в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буранок О. М. Своеобразие ораторской прозы Феофана Прокоповича Киевского периода // Культура и текст. 1997. № 1. С. 56–62.
2. Буранок О. М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2013. № 1. С. 149–155.
3. Исследования по синтаксису старославянского языка: Сб. статей / Чехословацкая акад. наук; Научный ред. проф. д-р Йосиф Курц. Прага, 1963. 378 с.
4. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 231 с.
5. Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 50–80.
6. Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 7–47.
7. Панегирическая литература петровского времени / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Изд. подгот. В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.
8. Патронева Н. В. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86.
9. Патронева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана Прокоповича в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118.
10. Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века: (Структурно-семантическое описание). Воронеж, 1969. 183 с.
11. Прокопович Ф. О поэтическом искусстве // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 335–459.
12. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев; Подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; Коммент. Е. В. Маркасовой; Науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
13. Рожкова А. В. Субстантивные словосочетания с родительным падежом в древнерусской гимнографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600
14. Терешкина Д. Б. Евангельское слово в проповедях Феофана Прокоповича // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 1. С. 17–29.
15. Терешкина Д. Б. Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2014. № 5. С. 193–202.

Anfisa V. Rozhkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

THE STRUCTURE AND RHETORICAL FUNCTIONS OF SUBSTANTIVE COMBINATIONS WITH CONSECUTIVE SUBORDINATION IN THE ORATORICAL PROSE OF FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract. The relevance of this study arises from the limited exploration of the syntactic structure in the works of Feofan Prokopovich. The focus of this research is on 318 substantive combinations drawn from five of the author's oratorical pieces. The objective is to analyze the structure of these combinations, provide a lexico-semantic characterization of their components, and identify their rhetorical functions. The research employs various methods, including survey analysis, classification, and stylistic analysis. The findings reveal that constructions featuring definitions paired with either dependent or main nouns are the most prevalent. In the majority of cases, a direct order of main and dependent nouns is observed. Definitions that accompany dependent nouns appear in both pre-position and post-position roughly equally, whereas those associated with main nouns predominantly occupy the pre-position. While the analysis identifies core models responsible for a significant number of constructions, there remains a substantial variety of patterns with flexible arrangements and differing numbers of components. The ways in which nouns and adjective definitions are expressed, along with their structural organization, suggest that these combinations serve as valuable rhetorical resources. Techniques such as inversion, chiasmus, metaphor, synonymous series, amplification, and repetition align with the text's content and contribute to the oratorical objectives, such as honoring the monarch, his heirs, the state, and its warriors and victories. Furthermore, the figurative nature of many combinations is linked to the Church Slavonic tradition. The results of this study are significant for future investigations into substantive combinations within the history of the Russian literary language and for the exploration of the stylistic uniqueness of Feofan Prokopovich's works.

Keywords: Feofan Prokopovich, syntax, substantive combinations, rhetorical figures, diachronic rhetoric

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Rozhkova, A. V. The structure and rhetorical functions of substantive combinations with consecutive subordination in the oratorical prose of Feofan Prokopovich. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1089

REFERENCES

- Buranok, O. M. The uniqueness of Feofan Prokopovich's oratorical prose of the Kiev period. *Culture and Text*. 1997;1:56–62. (In Russ.)
- Buranok, O. M. The oeuvre of Theophanes Prokopovich and Russian-foreign literary relations of the first half of the 18th century. *Problems of Philology, Cultural Studies, and Art Studies*. 2013;1:149–155. (In Russ.)
- Studies of the syntax of the Old Slavonic language: Collection of articles. (J. Kurz, Ed.). Prague, 1963. 378 p. (In Russ.)
- Kovtunova, I. I. The word order in the Russian literary language of the XVIII century and the first third of the XIX century. The ways of the modern norm formation. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
- Kochetkova, N. D. The oratorical prose of Feofan Prokopovich and the ways of classicism literature formation. *XVIII century. Collection 9: Problems of literature development in Russia in the first quarter of the XVIII century*. Leningrad, 1974. P. 50–80. (In Russ.)
- Kutina, L. L. Feofan Prokopovich. Words and speeches. The problem of the linguistic type. *The language of Russian writers of the XVIII century*. Leningrad, 1981. P. 7–47. (In Russ.)
- Panegyric literature of Peter the Great's era. (O. A. Derzhavina, P. Grebenyuk, Eds.). Moscow, 1979. 311 p. (In Russ.)
- Patroeva, N. V. The rhetorical aspect of "Epinikion" by Feofan Prokopovich. *Texts and History*. 2022;3:72–86. (In Russ.)
- Patroeva, N. V. Theoretical views of Feofan Prokopovich as reflected in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. (In Russ.)
- Popova, Z. D. The system of case and prepositional forms in the Russian literary language of the XVII century: (Structural and semantic description). Voronezh, 1969. 183 p. (In Russ.)
- Prokopovich, F. About the poetic art. *Prokopovich, F. Collection of writings*. (I. P. Eremin, Ed.). Moscow; Leningrad, 1961. P. 335–459. (In Russ.)
- Prokopovich, F. Ten books on the art of rhetoric. (E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2020. 488 p. (In Russ.)
- Rozhkova, A. V. Substantive phrases with the genitive case in Old Russian hymnography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600 (In Russ.)
- Tereshkina, D. B. The Gospel word in the sermons of Theophan Prokopovich. *The Problems of Historical Poetics*. 2018;16(1):17–29. (In Russ.)
- Tereshkina, D. B. The mineiny code in Theophan Prokopovich's oratorical prose. *Lomonosov Philology Journal*. 2014;5:193–202. (In Russ.)

Received: 25 July 2024; accepted: 23 September 2024

ИННА ИГОРЕВНА КОНЬКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации факультета иностранных языков
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева
(Саранск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3326-0493; mirna_13@mail.ru

ГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАСТРУКТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МОНОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются графические невербальные средства на материале современных текстов жанра англоязычной монографии (сфера робототехники). Актуальность работы обусловлена тем, что использование невербальных компонентов привлекает внимание адресата, стимулирует его интерпретационную деятельность, позволяет ускорить процессы обработки данных, поиска и нахождения закономерностей, при этом обеспечивается высокая компактность информации. Цель статьи – проанализировать невербальные компоненты научно-технического дискурса, которые именуются имплицитными метаструктурами, придающими дополнительный смысл основному содержанию текста и создающими визуальную информацию об элементе текста из всех представленных в нем лексических единиц. С помощью имплицитных метаструктур осуществляется маркирование и разметка текста в соответствии с его содержательными и логическими особенностями. В жанре монографии научно-технического дискурса имплицитные метаструктуры представлены жирным шрифтом; другим типом шрифта; цветообозначением; знаками, имеющими интернациональный характер в науке; графиками, диаграммами, схемами, моделями, рисунками; таблицами; дополнительной ограничительной рамкой. Шрифтовое и графическое выделение текста дает автору возможность регулировать процесс восприятия информации читателем.

Ключевые слова: имплицитные метаструктуры, научно-технический дискурс, жанр, монография, графические невербальные средства

Для цитирования: Конькова И. И. Графическая репрезентация метаструктурной информации в жанре англоязычной монографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 35–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1090

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная функция, направленная на передачу информации через использование языковых средств, является основной функцией языка. Однако возникают ситуации, когда использование вербальных средств в силу некоторых причин невозможно. В таком случае информация передается другими способами. Если речь идет об устной коммуникации, то она представляет собой взаимодействие вербальных и невербальных (жесты, мимика, поза и др.) средств. Письменная коммуникация утрачивает ряд смысловых различительных средств, свойственных устной коммуникации, а именно мимику, жесты. Чтобы оптимизировать процесс коммуникации в условиях невозможности использования невербальных компонентов, автор применяет специальный набор орфографических и пунктуационных

средств, именуемых графическими¹. Впервые этим вопросом заинтересовались при анализе воздействующего потенциала СМИ на целевую аудиторию через использование параграфемных средств² [2].

ПАРАГРАФЕМИКА И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Обратимся к термину «параграфемика» (греч. *παρά* – около, *γράφω* – писать), который обозначает раздел лингвистики, занимающийся изучением вторичных по отношению к языку невербальных средств, сопровождающих письменную речь и способствующих восприятию и пониманию текста читателем³. Такие невербальные средства представлены цифрами, шрифтами, графиками, символами, схемами, композиционно-пространственными частями текста, фотографиями, рисунками, таблицами, пункту-

ационными знаками и т. д. Посредством использования указанных средств автор может оказать воздействие на читателя, поскольку любой графический элемент является носителем дополнительного смысла.

В данной статье рассматривается использование невербальных компонентов в англоязычном научно-техническом дискурсе (жанр монография, сфера робототехники) на примере работы К. М. Lynch, F. C. Park «Modern Robotics. Mechanics, planning, and control» [9]. Указанные невербальные средства рассматриваются как имплицитные метаструктуры (ИМ), под которыми понимаются графические элементы, не относящиеся к основному содержанию текста, но придающие ему дополнительный смысл. Использование ИМ позволяет автору направлять читателя в русло правильной интерпретации текста. Исследованием ИМ занимались такие ученые, как А. И. Барышева (природа имплицитности в целом) [1], В. А. Шаймиев (на материале научных текстов)⁴, З. А. Ярыгина (на примере учебных текстов) [7] и др.

Общий объем проанализированного нами текстового материала составил 642 страницы [9]. В общей сложности было выявлено 1147 ИМ.

МОНОГРАФИЯ КАК ЖАНР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Материалом исследования данной статьи выступает англоязычная монография, которая представляет собой научный труд, отражающий итоги тщательного исследования одной или ряда тем⁵. Т. В. Жеребило описывает монографию как научный труд, направленный на рассмотрение и решение актуального научного вопроса, отличающийся теоретической значимостью и новизной материала исследования, завершенностью, сложностью композиционной структуры⁶. Е. С. Троянская относит монографию к основному жанру научного стиля [6].

Следует заметить, что монография – сложное научное произведение, отличающееся терминологичностью и наличием комплексных синтаксических конструкций, что может вызывать трудности понимания у неспециалиста. Т. Н. Мальчевская [3: 30] и Е. С. Троянская [5: 71] выделяют моноцентрические и полицентрические монографии. В первом случае речь идет об описании одной научной проблемы, во втором – автор осуществляет членение проблемы на ряд более мелких с последующим детальным разбором. А. К. Сабанчиева, рассматривая структуру монографии, отметила, что указанный жанр содержит постановку проблемы, формулировку задач, определение объекта и ключевых понятий [4: 77]. Помимо этого,

исследователь указывает на существование условного деления монографии на теоретическую и практическую части [4: 79].

Таким образом, к монографии в данной статье мы относим объемный научный жанр, требующий рецензии, в рамках которого подробно анализируется научная проблема в сфере робототехники.

ИМПЛИЦИТНЫЕ МЕТАСТРУКТУРЫ В ЖАНРЕ МОНОГРАФИИ

В результате анализа невербальных графических символов и знаков в жанре монографии научно-технического дискурса было установлено, что они представлены:

- а) жирным шрифтом;
- б) другим типом шрифта;
- в) цветообозначением;
- г) знаками, имеющими интернациональный характер в науке (формулами);
- д) графиками, диаграммами, схемами, моделями, рисунками;
- е) таблицами;
- ж) дополнительной ограничительной рамкой.

Остановимся подробнее на каждом выделенном типе.

Жирный шрифт – 30 %

Velocity kinematics refers to the relationship between the joint linear and angular velocities and those of the end-effector frame. Central to velocity kinematics is the **Jacobian** of the forward kinematics. By multiplying the vector of joint-velocity rates by this configuration-dependent matrix, the twist of the end-effector frame can be obtained for any given robot configuration. **Kinematic singularities**, which are configurations in which the end-effector frame loses the ability to move or rotate in one or more directions, correspond to those configurations at which the Jacobian matrix fails to have maximal rank. The **manipulability ellipsoid**, whose shape indicates the ease with which the robot can move in various directions, is also derived from the Jacobian.

Рис. 1. Жирный шрифт [9: 5]

Figure. 1. Bold-face type [9: 5]

Как следует из рис. 1, авторы монографии предпочитают использование жирного шрифта для выделения основных значимых для исследования терминов, а именно **Jacobian** (Якобиан (определитель Якоби, функциональный определитель) – определенное обобщение производной функции одной переменной на случай отображений из евклидова пространства в себя; термин введен немецким математиком и механиком Карлом Густавом Якобом Якоби) [8]; **kinematic singularities** (кинематическая особая точка); **manipulability ellipsoid** (эллипсоид управляемости).

Другой тип шрифта – 4 %

Данный вид ИМ не является частотным и используется преимущественно в том случае, когда авторы монографии желают предоставить дополнительную информацию (рис. 2).

Video content is generated using the Lightboard, <http://lightboard.info>, created by Michael Peshkin at Northwestern University. We thank him for sharing this convenient and effective tool for creating instructional videos.

Рис. 2. Другой тип шрифта [9: XV]

Figure 2. Another type of font [9: XV]

Цветообозначение – 0,1 %

Помимо использования вербальных средств привлечения внимания (*Important!* – Важно!), авторы дополнительно выделяют текст цветом, чтобы читатель гарантированно не пропустил данную информацию (рис. 3).

Important! All frames in this book are stationary, inertial, frames. When we refer to a body frame {b}, we mean a motionless frame that is instantaneously coincident with a frame that is fixed to a (possibly moving) body. This is important to keep in mind, since you may have had a dynamics course that used non-inertial moving frames attached to rotating bodies. Do not confuse these with the stationary, inertial, body frames of this book.

Рис. 3. Цветообозначение [9: 61]

Figure 3. Color designation [9: 61]

Знаки, имеющие интернациональный характер в науке, – 43 %

Так как материалом исследования выступает научно-технический дискурс, то в нем присутствует большое число формул, в которых используются латинские буквы (рис. 4).

We could also describe the frame {c} relative to {b}. Letting q denote the vector from the origin of {b} to the origin of {c} expressed in {b} coordinates, and letting Q denote the orientation of {c} relative to {b}, we can write {c} relative to {b} as the pair (Q, q) , where

$$q = \begin{bmatrix} q_x \\ q_y \end{bmatrix}, \quad Q = \begin{bmatrix} \cos \psi & -\sin \psi \\ \sin \psi & \cos \psi \end{bmatrix}. \quad (3.7)$$

Рис. 4. Формулы [9: 65]

Figure 4. Formulas [9: 65]

Графики, диаграммы, схемы, модели, рисунки – 22 %

На рис. 5 представлен небольшой управляемый дрон Робот-стрекоза. Робот точно копирует поведение стрекозы, а его крылья, сделанные из углеродистого волокна и пленки, осуществляют до двадцати взмахов в секунду⁷.

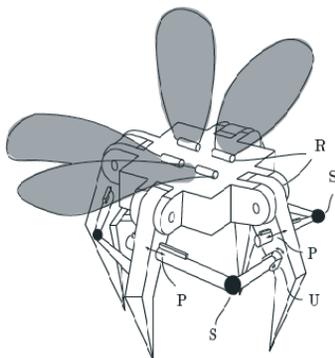

Figure 2.29: Dragonfly robot.

Рис. 5. Модель [9: 50]

Figure 5. Sample [9: 50]

Таблицы – 0,8 %

Таблицы являются лучшим визуальным средством обобщения информации и структурирования данных (рис. 6).

Joint type	dof f	Constraints c between two planar rigid bodies	Constraints c between two spatial rigid bodies
Revolute (R)	1	2	5
Prismatic (P)	1	2	5
Helical (H)	1	N/A	5
Cylindrical (C)	2	N/A	4
Universal (U)	2	N/A	4
Spherical (S)	3	N/A	3

Table 2.1: The number of degrees of freedom f and constraints c provided by common joints.

Рис. 6. Таблица [9: 17]

Figure 6. Table [9: 17]

Дополнительная ограничительная рамка – 0,1 %

Как уже отмечалось выше, формулы широко распространены в исследуемом типе дискурса, при этом, желая особо акцентировать внимание на сделанном выводе, авторы монографии дополнительно обрамляют формулу (рис. 7).

We can combine the advantages of feedforward control, which commands motion even when there is no error, with the advantages of feedback control, which limits the accumulation of error, as follows:

$$\dot{\theta}(t) = \dot{\theta}_d(t) + K_p \theta_e(t) + K_i \int_0^t \theta_e(t) dt. \quad (11.15)$$

Рис. 7. Дополнительная ограничительная рамка [9: 418]

Figure 7. Bounding box [9: 418]

Частотность употребления имплицитных метаструктур в научно-техническом дискурсе представлена на рис. 8. Наиболее распространенные ИМ – научные знаки интернационального характера, то есть формулы (43 %); отличное начертание (30 %); графики, диаграммы, схемы, модели, рисунки (22 %). Такая широкая распространенность формул в монографии связана с тем, что они выступают интернациональным языком общения ученых, который позволяет передать объемную информацию в сжатом виде. Научно-технический дискурс содержит информацию новаторского изобретательского характера, которую автор передает в форме графиков, схем и моделей.

Наименьшее распространение получили такие ИМ, как таблицы (0,8 %), цветообозначение (0,1 %), дополнительная рамка (0,1 %). Такое процентное соотношение объясняется характеристиками научно-технического дискурса, создающегося для информированного читателя, умеющего обобщать изученную информацию (в данном случае в помощь приходят таблицы) и выде-

лять главное (что обеспечивается через цветообозначения и дополнительные рамки).

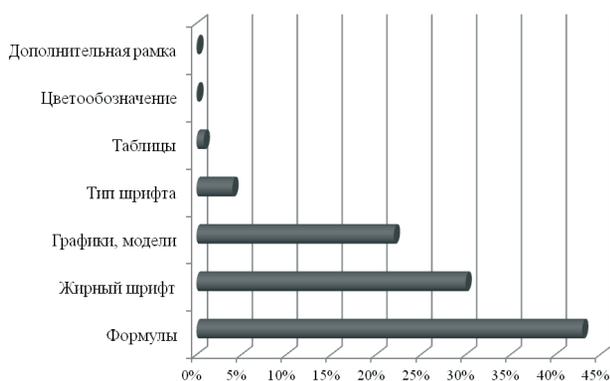

Рис. 8. Частотность употребления имплицитных метаструктур в научно-техническом дискурсе

Figure 8. The usage frequency of implicit metastructures in scientific and technical discourse

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате анализа способов передачи графической метаструктурной информации в жанре англоязычной монографии (на материале отдельно взятой проанализиро-

ванной монографии) были сделаны следующие выводы:

1) использование невербальных компонентов привлекает внимание адресата, стимулирует его интерпретационную деятельность, позволяет ускорить процессы обработки данных, поиска и нахождения закономерностей, при этом обеспечивается высокая компактность информации; шрифтовое и графическое выделение предоставляет автору возможность регулировать процесс восприятия информации читателем;

2) имплицитные метаструктуры нашли отражение в следующих графических формах: жирный шрифт; другой тип шрифта; цветообозначение; знаки, имеющие интернациональный характер в науке (формулы); графики, диаграммы, схемы, модели; таблицы, дополнительная ограничительная рамка;

3) наиболее распространенные ИМ – научные знаки интернационального характера (формулы); отличное начертание; графики, диаграммы, схемы, модели, рисунки;

4) наименьшее распространение получили таблицы, цветообозначение и дополнительная рамка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Яковлюк А. А. Лингвистические особенности интернет-дискурса (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 25 с.
- ² Бойко М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 22 с.
- ³ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с. (около 2500 терминов)
- ⁴ Шаймиев В. А. Метадискурсивность научного текста: на материале лингвистических произведений: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 494 с.
- ⁵ Монография // Новая иллюстрированная энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. Т. 12. С. 35.
- ⁶ Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011. 280 с.
- ⁷ Робот Bionic Opter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/robot-bionicopter-vedet-sebya-kak-nastoyashhaya-strekoza.html> (дата обращения 07.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышева А. И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. I. С. 18–20.
2. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 112 с.
3. Мальчевская Т. Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения: Сб. ст. М.: Наука, 1976. С. 28–37.
4. Сабанчиева А. К. Жанровая специфика текста научной монографии (на материале англоязычных монографий по астрономии) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (117). С. 77–81.
5. Троянская Е. С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. С. 67–81.
6. Троянская Е. С. Обучение чтению научной литературы. М.: Наука, 1989. 271 с.
7. Ярыгина З. А. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1 (20). С. 26–33.
8. Jacobian matrix [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.educative.io/answers/what-is-the-jacobian-matrix> (дата обращения 07.04.2024).

9. Lynch K. M., Park F. C. Modern robotics. Mechanics, planning, and control. 2017. 642 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hades.mech.northwestern.edu/images/7/7f/MR.pdf> (дата обращения 07.04.2024).

Поступила в редакцию 11.04.2024; принята к публикации 09.09.2024

Original article

Inna I. Konkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3326-0493; mirna_13@mail.ru

GRAPHIC REPRESENTATION OF METASTRUCTURAL INFORMATION IN ENGLISH-LANGUAGE MONOGRAPHS

Abstract. This article explores the use of graphic non-verbal elements in contemporary English-language monographs, particularly in the field of robotics. The relevance of this research lies in the fact that non-verbal components draw the attention of the addressee, stimulate interpretative engagement, enhance data processing efficiency, facilitate pattern recognition, and ensure a high degree of information compactness. The aim of the article is to analyze the non-verbal elements within scientific and technical discourse, referred to as implicit metastructures, which give additional meaning to the main content and provide visual cues about the text's elements drawn from all the lexical units included. Implicit metastructures function to label and highlight the text in accordance with its content and logical characteristics. Within the genre of scientific and technical monographs, these implicit metastructures manifest in various forms, including bold font, alternative font styles, color designations, internationally recognized scientific symbols, graphs, diagrams, models, drawings, tables, and additional framing. The selection of font and graphic elements empowers authors to shape the reader's perception of the information presented.

Keywords: implicit metastructures, scientific and technical discourse, genre, monograph, graphic non-verbal means

For citation: Konkova, I. I. Graphic representation of metastructural information in English-language monographs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):35–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1090

REFERENCES

1. Barysheva, A. I. The implicitness in the text and the aspects of its analysis. *Philology. Theory & Practice*. 2015;8(50):18–20. (In Russ.)
2. Gorelov, I. N. Non-verbal components of communication. Moscow, 2006. 112 p. (In Russ.)
3. Mal'chevskaya, T. N. The peculiarities of scientific texts and principles of their classification. *The peculiarities of scientific style: Collection of papers*. Moscow, 1976. P. 28–37. (In Russ.)
4. Sabanchieva, A. K. Genre specificity of the scientific monograph text (by the material of English-language monographs in astronomy). *Almanac of Modern Science and Education*. 2017;3(117):77–81. (In Russ.)
5. Troyanskaya, E. S. Assessment of scientific works by the review's author (revisiting the peculiarities of scientific literature genres). *Scientific literature: language, style, genres*. Moscow, 1985. P. 67–81. (In Russ.)
6. Troyanskaya, E. S. Teaching how to read scientific literature. Moscow, 1989. 271 p. (In Russ.)
7. Yarygina, Z. A. Methods and means of metastructure representation in modern educational text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2014;1(20):26–33. (In Russ.)
8. Jacobian matrix. Available at: <https://www.educative.io/answers/what-is-the-jacobian-matrix> (accessed 07.04.2024).
9. Lynch, K. M., Park, F. C. Modern robotics. Mechanics, planning, and control. 2017. 642 p. Available at: <https://hades.mech.northwestern.edu/images/7/7f/MR.pdf> (accessed 07.04.2024).

Received: 11 April 2024; accepted: 9 September 2024

НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВНА КОКОВИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
литературы
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1792-2680; natzak@rambler.ru

ИРИНА ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Курский областной литературный музей
(Курск, Российская Федерация)
mihailovairin@mail.ru

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. В. БОРОДАЕВСКОГО

А н н о т а ц и я . Представлен анализ публикаций поэта В. В. Бородаевского в начале XX века «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева». Рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося русского мыслителя, писателя и публициста К. Н. Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути Леонтьева, осветить единство его идей, высказал свое весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре». Актуальность исследования определяется усилением интереса в литературоведческой науке к художественной эсхатологии, метаистории, историософии и апокалиптике, а также тем, что малоизвестные публикации Бородаевского о Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания сложных аспектов самобытного наследия русского мыслителя, но и возможностью уточнить мировоззренческую позицию поэта Бородаевского.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Серебряный век, Бородаевский, Леонтьев, религиозно-философский дискурс, апокалипсис

Д л я ц и т и р о в а н и я : Коковина Н. З., Михайлова И. П. Религиозно-философская концепция К. Н. Леонтьева в интерпретации В. В. Бородаевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 40–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1091

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной статьи обусловлена интересом к осмыслению поэтом Валерианом Валериановичем Бородаевским социально-философской и религиозной сторон учения русского мыслителя К. Н. Леонтьева, его взгляду на природу человека, трактовку чувства страха и понимание им роли спасения.

Закономерный интерес деятелей науки, культуры и искусства рубежа XIX–XX веков к идеям выдающегося русского религиозного мыслителя и писателя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) объясняется поисками таких путей духовного преображения жизни, которые вывели бы общество из назревавшего кризиса; именно это вызвало в русской культурной среде острую потребность в религии. Как отмечает А. П. Козырев, современники К. Н. Леонтьева, постигая его философское наследие, испытыва-

ли некоторую двойственность: с одной стороны, «ренессанс» хотел «обнаружить в его творчестве объединяющую идею <...> или же ее принципиальное отсутствие», но, с другой – «не преуспел в постижении многогранного образа мыслителя, не укладывавшегося в прокрустово ложе схем и четких формул» [4: 432].

О месте Леонтьева в ряду представителей русской философской и социально-политической мысли писали Л. Н. Толстой и Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев и В. В. Розанов, В. В. Зеньковский и многие другие. Среди многочисленных публикаций начала XX века о наследии Леонтьева особое внимание привлекают две статьи курского поэта Бородаевского. Наша задача состоит в том, чтобы привлечь к анализу малоизученные материалы, в частности работы Бородаевского «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева», в которых

отражено индивидуально-авторское понимание религиозных взглядов Леонтьева.

* * *

Имя В. В. Бородаевского (1874–1923), поэта религиозно-философского склада, при всех несомненных заслугах не относится к титульным именам русской поэзии первой трети XX века, поэтому нуждается в представлении. Уроженец Курской губернии, выходец из старинного дворянского рода, горный инженер по образованию, он заявил о себе в начале XX века тремя сборниками стихотворений. Бородаевский входил в круг Вяч. Иванова. Отзывы современников о его поэтическом даровании были весьма противоречивы. Например, Вяч. Иванов, Н. С. Гумилев видели в нем продолжателя традиций философской лирики Е. А. Боратынского и Ф. И. Тютчева, весьма сдержанно отзывался В. Я. Брюсов, возлагал надежды В. В. Розанов, восхищался А. Белый [6], [7].

Духовные поиски истины, часто мучительные, сопровождали Валериана Бородаевского всю жизнь; они были отражением характерной особенности времени, отличавшегося глубокими философскими раздумьями, любовью к философии, поисками нового Бога, смысла жизни и даже рецептов бессмертия. Сам Бородаевский считал, что его «воззрения складывались <...> “под перекрестным влиянием В. Соловьева, Н. Ф. Федорова и, еще интимнее, К. Леонтьева”» [1: 185]. Именно об этом он писал в автобиографии, которую отправил в письме А. А. Венгеру. Здесь он также указывает, что

«с 1903 года состоял членом Петербургского Религиозно-философского общества, где однажды выступал против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой мною с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов, а затем, в 1910 году, читал там же реферат “Религиозная правда Константина Леонтьева”» [1: 185].

Кроме этого выступления в Христианской секции Религиозно-философского общества, Бородаевский участвовал в прениях по докладу Философова о католическом «модернизме» в той же секции 20 декабря 1909 года [2: 76–77, 91]. Упоминает он и статью «О трагизме в христианстве», опубликованную в «Русском вестнике» в 1903 году. Эта статья Бородаевского, по словам самого поэта, «была в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенной в кучу соблазнов и метаний» [1: 185], явилась веским словом поэта в споре о сущности христианской культуры.

Бородаевского интересует прежде всего человек в пространстве сакрального. Обращаясь

к осмыслению глубинных вопросов, как то: в чем искать дух христианства, в чем его истинная сущность и, наконец, в чем заключается трагизм христианства, он заключает, что христианство основано на принципах аскетизма:

«Христианство утверждает аскетизм; как бы мы ни строили нашу *жизнь*, – *мышление* наше, чтобы быть христианским, должно принять этот положительный знак воли Христовой...» (О трагизме: 617)¹.

Самые высокие моменты в жизни человека, по мнению автора, «это моменты забвения своего я» (О трагизме: 624). Бородаевский с поэтическим прозрением отмечал, что «моменты, иногда столь далекие от всех наших представлений о счастье и наслаждении, являются кардинальными точками, основами, на которых покоится другой, неизвестный нам порядок мира» (О трагизме: 624). Эти «моменты» он называет «нравственным благом». Свои размышления поэт иллюстрирует притчевым примером «о голодном и куске хлеба»:

«Если вы даете голодному кусок хлеба – земное благо будет в том, что вы утолите острое страдание; но благо *истинное* не в самом хлебе и не в чувстве сытости, а только в том волевом акте, которого вы явились носителем». А для нищего истинное благо «наступит в тот момент, когда он, голодный, отломит от вашего хлеба половину и передаст другому» (О трагизме: 623–624).

Находясь под сильным влиянием идей В. С. Соловьева, Бородаевский утверждал, что мир движется к апокалипсическому финалу. Причину этого он видел в современном ему состоянии мира, которое далеко от совершенства и вряд ли сможет к этому совершенству приблизиться. Таким образом, в качестве основополагающего начала миропонимания Бородаевского выступал трагизм в восприятии жизни, который привел к осознанию трагичности христианской религии, корень которой он видит в разладе между благом земным и вечным, в жгучей распри между «хочу» и «должен». Иными словами, для Бородаевского христианство трагично, так как на земле не торжествуют христианские идеалы. Вслед за Леонтьевым он проповедует «антропологический пессимизм, долженствующий прийти на смену антропологическому оптимизму» (О религиозной правде: 257)².

Выступление Бородаевского в 1910 году в Религиозно-философском обществе (Санкт-Петербург) с докладом «О религиозной правде Константина Леонтьева» имело широкий резонанс, чему было несколько причин. На «изломе веков» система ценностей, сформировавшаяся в российском обществе, перестала

удовлетворять большую часть интеллектуальной элиты страны, а общественная психология испытывала постоянно нарастающее напряжение и фактически была подготовлена к крупным духовным, религиозным, социальным и политическим переменам. Специфической чертой поисков самоидентичности интеллигенции являлось глубокое проникновение религиозных тем в сферы искусства и науки, переосмысление предназначения человеческой жизни сквозь призму христианских ценностей православия, соотнесенных с традициями русской духовной школы. В этих условиях возрастает интерес к философско-эстетическим взглядам Леонтьева, который в значительной мере предвосхитил многие идеи, получившие законченное выражение в русской культуре на рубеже XIX–XX веков. В начале века Леонтьев постоянно присутствует в поле зрения исследователей. В религиозно-философских обществах Москвы и Петербурга свои доклады ему посвящают священники К. Аггеев (1909) и И. Фудель (1916), поэт В. В. Бородаевский (1910), критик и литературовед Б. Грифцов (1912), философ С. Н. Булгаков (1916) и публицист С. Н. Дурылин (1916).

Идеи Леонтьева, сделавшие его столь непопулярным при жизни, оживленно обсуждаются современниками Бородаевского, с которыми он вступает в диалог, отстаивая тезис о главенствующей роли религиозных настроений в творчестве мыслителя.

Высоко отзываясь о личности Леонтьева, Бородаевский писал об отсутствии притворства, о смелости и оригинальности его мысли. Поэт с сожалением констатировал, что «К. Леонтьев не был по достоинству оценен современниками», и пророчески предрек, что ему «суждена посмертная известность, возрастет интерес к его идеям» (О религиозной правде: 253). Определяя задачу своей работы как освещения религиозного воззрения Леонтьева, как необходимость «отметить ту правду, которую он утверждал», он пытается найти «основное начало, образующее стихию его духа» (О религиозной правде: 254). Бородаевский оспаривает утвердившееся мнение о том, что Леонтьев – «мыслитель, раздраемый противоречиями, так и не смог до конца объединить религиозные чаяния с эстетическими запросами и страстями политика» (О религиозной правде: 254). Он полемизировал с В. С. Соловьевым, чье суждение о «неслиянности идеалов» Леонтьева, по мнению поэта, «было принято и вошло как общее место о Леонтьеве во все, что о нем позже писалось» (О религиозной правде: 254).

Философско-культурологическая рефлексия концептуальных положений философа строится на поиске логических оснований анализа. Уже в статье «О трагизме в христианстве», «выступая против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой <...> с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов» [1: 185], как отмечает поэт в автобиографии, он вопрошает: «где же тот *Центр*, вокруг которого вращается эта будто бы *христианская концепция?*» (617). Бородаевский убедительно доказал, что и «многоликость его (*Леонтьева*) может быть понята лишь при общем начале» (О религиозной правде: 254). Это *общее начало*, или «*объединяющий центр*», Бородаевский называл «*инстинктом иерархизма*», сближающим и охватывающим «обособленные сферы – эстетизма, реальной политики, мистики» (О религиозной правде: 255). Но вера, по убеждению и Леонтьева, и Бородаевского, лежит в глубинных основаниях бытия человека и обладает иррациональной, сверхъестественной реальностью без морализирующих смыслов. Именно мистицизм как «расположение веровать в нечто таинственное, выше видимого мира и выше нашего разума стоящее», по мнению Леонтьева, нужен человечеству «для подъема приниженных помыслов наших» [4: 467]. Бородаевский опирается на слова свящ. К. Аггеева, который «говорит о *высшем* Леонтьева, о том мистическом опыте, который был для него убедительнее всех диалектических доводов вместе взятых» (О религиозной правде: 255).

Глубоко проникнув в философские идеи Леонтьева, Бородаевский защищал «чуждые современному религиозному сознанию» основы христианства: страх, послушание, подвиг (О религиозной правде: 256). Особое внимание в философии Леонтьева он уделял проблеме соотношения страха и любви в деле личного спасения. Вслед за философом он считал, что именно эти основы

«генетически должны быть признаны начальными, исходными, потому что в душе человеческой любовь не предшествует страху, а следует за ним, свобода вырастает из послушания и благодать из подвига, а не наоборот» (О религиозной правде: 256).

Анализируя статью Леонтьева «Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой», Бородаевский приходит к выводу, что

«любовь как естественное личное расположение души есть дар, а не предмет религиозной обязанности, и потому не может быть задачей религиозного делания. Плодотворной любовью становится лишь на почве веру-

ющей и возрождающей души» (О религиозной правде: 258).

Аргументы, приводимые Бородаевским, говорят не об эпигонстве какого-либо рода с его стороны, а о принципиальном совпадении его взглядов со взглядами мыслителя, то есть он полностью разделяет идею Леонтьева, утверждавшего, что

«религиозного происхождения нравственная любовь лучше естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной», в то время как «до религиозной любви или милосердия может дойти и самая черствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей» (О религиозной правде: 257).

Особенно близка была Бородаевскому идея «мистического страха», утверждаемая Леонтьевым: «Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят» (О религиозной правде: 258). Бородаевский отметил, что понятие «страх» являлось значимой категорией в словаре Леонтьева, а в проповеди страха Божия для философа заключалось глубокое убеждение в реальности Божественного бытия и сознание опасности возбудить Его гнев; это чувство у Леонтьева сочеталось с сердечной верой. Как и Леонтьев, Бородаевский считал, что «возрождение начинается прежде всего страхом Божиим» (О религиозной правде: 258), и подробно рассмотрел такие понятия, как «духовный авторитет», «подвиг», «свобода и послушание».

Заканчивая статью «О трагизме в христианстве», он, опираясь на слова Леонтьева, делает вывод: «*Кроткое и страшное*, – таким, и только таким было и есть истинное христианство, требующее *гнева Агнца*»³. Весьма показательный курсив принадлежит автору. И уже статью, посвященную непосредственно философии Леонтьева, завершает более оптимистичным, на наш взгляд, утверждением:

«Страх, послушание и подвиг вводят верующую душу в Церковь и здесь, в меру даров каждого преобразуются в высшие начала: из религии закона вырастает религия благодати» (О религиозной правде: 264).

Таким образом, общность утверждений Леонтьева и Бородаевского обнаруживает их глубинное родство, коренящееся в идентичности того идеологического пространства, на котором разворачивается их философствование. Бородаевский пытается снять противоречивость позиции Леонтьева антиномичностью его мышления: «Дух антитезы вообще был мощным двигателем его мысли» (О религиозной правде: 256). Действительно,

Леонтьев настаивает на возможности красоты и гармонии в соединении казалось бы несовместимых начал: «Жизнь проста; но где ее концы, где удовлетворяющий предел красоты и безобразия, страдания и блаженства, прогресса и падения?..» (О трагизме: 20). Эта черта близка и самому поэту. Неслучайно Бородаевский в уже цитируемой автобиографии и суть своего творчества определит следующим образом: «Парадоксальная гармонизация света и мрака, ведущих трагическую борьбу в душе человеческой, – вот что прежде всего предстало мне как задача лирического восприятия мира» [1: 185]. Эту же особенность его творчества отмечали и критики. Вяч. Иванов указал на религиозную подпочву его лиризма и «манихейский дуализм» мировоззрения, где сочетались «противоречия жертвенности и преступления, любви и жестокости, неба и ада, крылатого духа и змеиной плоти» [3: 264]. Анализируя первый сборник стихов Бородаевского, Вяч. Иванов видит «улыбчивые идиллии на черном фоне», что «заставляет поэта переживать каждую полярность сознания в ее метафизически последней и чувственно крайней обостренности» [3: 264]. В результате критик делает парадоксальный вывод: «Вся книга написана, в сущности, о религии, хотя религиозная тема затронута в ней, по-видимому, лишь бегло и случайно» [3: 265]. Бородаевский отмечал, что в этих словах «дана исчерпывающая характеристика книги, а, может быть, и вообще моей лирики» [1: 185]. Именно это балансирование на грани болезненного декадентства и романтизма отразил в своей рецензии на сборник стихотворений Бородаевского Н. Гумилев:

«...как мистик, Бородаевский не знает благостного Христа солнечных полей Иудеи, ему дорог Христос русский, “удрученный ношей крестной”, с губами слишком запекшимися, чтобы благословлять. Этот Христос видит самые мучительные сомнения, самые темные грехи, и он прощает не потому, что любит, а потому, что понимает»⁴.

Независимость Леонтьева от всякого догматизма и морализма подкупали Бородаевского, который, безусловно, был близок Леонтьеву и по складу характера, и по мировоззрению, и по художественности мышления. Поэту Бородаевскому несомненно импонировала характеристика И. Фуделя, назвавшего Леонтьева «художником мысли». Да и сам Леонтьев в одном из писем Фуделю характеризует себя следующим образом: «Я же по складу ума более живописец, чем диалектик, более художник, чем философ» [8: 169]. Бородаевского привлекал и парадоксальный аристократизм мыслителя: как и Ле-

онтьев, он из протеста к безбожию и неверию пришел к вере и набожности; как и Леонтьев, он всю жизнь стремился обрести тот «фундамент», ту основу, которая не даст ему «погибнуть метафизически и в земном круге не обратит “в мятущееся перекаати-поле”» (О религиозной правде: 254).

Подбирая к философии Леонтьева «ключ, который раскрыл бы нам тайну этой сильной уединившейся души» (О религиозной правде: 254), Бородаевский тем самым дал потомкам своеобразный «ключ» к пониманию своего мировоззрения, коим и явились его работы, посвященные «религиозной правде» Леонтьева.

Осмысление «материалов» о человеке удивительных дарований отразилось в лирике Бородаевского, где явно угадывается леонтьевское православное восприятие мира: осознание греха и стремление к покаянию, смирение и жертвенность:

«Когда Господь метнет меня на землю, –
Как кошка блудная на камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подыблю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь – и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: “Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!” – кричу в молитвенном бреду.
И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно-свято;
И гладит Он меня, лаская: “Каково?”»⁵

Поэт Бородаевский, как и Леонтьев, не только ощущал, что мир находится накануне грандиозных исторических потрясений, но и осознавал, что только вера поможет выстоять в надвигающейся эпохе новых небывалых всемирно-исторических раздоров:

«Если твой посох расцвел, кто помешает скитанию,
Кто преградит тебе путь, если ты с Богом идешь?
Странником был ты и станешь свободе, пленный;
Каждой дороге отдаст верный свой отпечаток стопа»⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, задуманная по совету Бердяева книга о Леонтьеве Бородаевским не была написана, но и рассмотренные нами статьи позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, малоизвестные публикации Бородаевского о Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания самобытного наследия русского философа, но и раскрывают духовный мир поэта Бородаевского. Во-вторых, рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося мыслителя, писателя и публициста Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути Леонтьева, осветить единство его идей, высказал свое весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бородаевский В. В. О трагизме в христианстве // Русский вестник 1903. № 2. С. 615–624. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Бородаевский В. В. О религиозной правде Константина Леонтьева // К. Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. (Серия «Русский путь»). С. 249–264. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Леонтьев К. Н. Письмо провинциала к г. Тургеневу // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 624.
- ⁴ Гумилев Н. Письма о русской поэзии: С. Городецкий. Русь: Песни и думы. М., 1909. В. Бородаевский. Стихотворения: Элегии, оды, идиллии. СПб., 1909. Б. Садовской. Позднее утро: Стихотворения. М., 1909 // Аполлон. 1909. № 2, ноябрь. С. 22–23.
- ⁵ Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; Послесловие и коммент. Е. В. Глуховой. М.: Водолей, 2011. С. 61.
- ⁶ Там же. С. 185.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру / Публ. подгот. И. П. Михайлова // Исторический архив. 2012. № 3. С. 182–187.
2. Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. 323 с.
3. Иванов В. И. Предисловие // Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; Послесловие и коммент. Е. В. Глуховой. М.: Водолей, 2011. С. 263–266.
4. Козырев А. П. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей

- 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 432–465. (Серия «Русский путь»).
5. Леонтьев К. Н. Вл. Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1995. С. 466–511.
 6. Михайлова И. П. «Мои шаги – так скорбно малы»: Личность и поэзия В. В. Бородаевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 195–199.
 7. Обатнин Г. В. К характеристике творческого пути В. В. Бородаевского (по архивам Ф. К. Сологуба и сестер Чеботаревских) // Русская литература. 2017. № 4. С. 194–212.
 8. Фудель И. Свящ. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 160–180. (Серия «Русский путь»).

Поступила в редакцию 03.11.2023; принята к публикации 09.09.2024

Original article

Natalia Z. Kokovina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation) ORCID 0000-0002-1792-2680; natzak@rambler.ru

Irina P. Mikhailova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Kursk Regional Literature Museum (Kursk, Russian Federation) mikhailovairin@mail.ru

K. N. LEONTIEV'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEACHING IN THE INTERPRETATION OF V. V. BORODAEVSKY

Abstract. This article analyzes the early twentieth-century publications of poet V. V. Borodaevsky titled “On Tragedy in Christianity” and “On the Religious Truth of Konstantin Leontiev”. The studied socio-philosophical and religious dimensions of the teachings of the prominent Russian thinker, writer, and publicist K. N. Leontiev significantly influenced the development of Borodaevsky’s personality. In his works, Borodaevsky sought to establish the patterns in K. N. Leontiev’s evolution and life journey while highlighting the coherence of his ideas and expressed his own unique opinion, which contributed to the ongoing “dispute about Christian culture”. The relevance of this research is underscored by the growing interest of literary studies in artistic eschatology, metahistory, historiography, and apocalypticism. Additionally, Borodaevsky’s lesser-known writings on K. N. Leontiev are crucial not only for comprehending the intricate aspects of the Russian thinker’s original legacy but also for clarifying the worldview stance of poet V. V. Borodaevsky.

Key words: Silver Age, Borodaevsky, Leontiev, religious and philosophical discourse, apocalypse

For citation: Kokovina, N. Z., Mikhailova, I. P. K. N. Leontiev’s religious and philosophical teaching in the interpretation of V. V. Borodaevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):40–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1091

REFERENCES

1. “With this I enclose my autobiography”: A letter from the poet V. V. Borodaevsky to S. A. Vengerov. (I. P. Mikhailova, Ed.). *Historical Archive*. 2012;3:182–187. (In Russ.)
2. Ermichev, A. A. Religious and Philosophical Society in St. Petersburg. 1907–1917: Chronicle of meetings. St. Petersburg, 2007. 323 p. (In Russ.)
3. Ivanov, V. I. Preface. Borodaevsky, V. V. Staff in bloom: Collection of poems. (A. D. Borodaevsky, Yu. A. Bugrov, I. P. Mikhailova, V. A. Rezviy, E. V. Glukhova, Eds.). Moscow, 2011. P. 263–266. (In Russ.)
4. Kozyrev, A. P. Konstantin Leontiev in the “mirrors” of his heirs. *K. N. Leontiev: pro et contra. Anthology: In 2 books*. Book 1. St. Petersburg, 1995. P. 432–465. (In Russ.)
5. Leontiev, K. N. V. Solovyov vs Danilevsky. *Leontiev, K. N. East, Russia, and Slavdom*. Moscow, 1995. P. 466–511. (In Russ.)
6. Mikhailova, I. P. “My steps are so mournfully small”: The personality and poetry of V. V. Borodaevsky. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Russian Philology. 2007;2:195–199. (In Russ.)
7. Obatnin, G. V. Milestones of the creative career of V. V. Borodaevsky (archives of F. K. Sologub and the Chebotarevsky sisters). *Russkaya literatura*. 2017;4:194–212. (In Russ.)
8. Fudel’, I., Pr. The cultural ideal of K. N. Leontiev. *K. N. Leontiev: Pro et contra: Anthology: In 2 books*. Book 1: Personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers of 1891–1917. St. Petersburg, 1995. P. 160–180. (In Russ.)

Received: 3 November 2023; accepted: 9 September 2024

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5901-7187; litgenia@yandex.ru

РОМАН «ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ» АПУЛЕЯ В ПЕРЕВОДЕ М. КУЗМИНА: ЯЗЫК И СТИЛЬ

А н н о т а ц и я . Впервые предпринята попытка сравнительно-сопоставительного анализа перевода М. Кузмина с латинским оригиналом. Цель исследования – рассмотреть отдельные фрагменты латинского текста, представляющие трудности для переводчиков. Фокусируется внимание на особенностях передачи метафор, эпитетов, эпических формул, сравнений и риторических приемов. Для выявления совпадений и различий, для прояснения переводческой манеры Кузмина приводятся предшествующие переводы римского романа, выполненные Е. Костровым и Н. Соколовым. В результате делается вывод о самобытности вариации Кузмина. Перевод не опирается на существовавшие ранее переводы, отражает своеобразие языка и стиля римского автора и, главное, не теряет своей актуальности. Автору удалось выдержать баланс в сохранении черт подлинника и понятности современному читателю. Таким образом, доказывается, что Кузмин осуществил значительный шаг вперед в методике перевода античных текстов. Он при безусловно антиковедческом подходе делает установку на читательское восприятие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Гомер, Костров, Соколов, Гнедич, Минский, метафора, эпитет, перевод, риторический прием, античность

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Литинская Е. П. Роман «Золотой осел» Апулея в переводе М. Кузмина: язык и стиль // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1092

ВВЕДЕНИЕ

Роман Луция Апулея «Золотой осел, или Метаморфозы» трижды переведен на русский язык. Первый перевод был выполнен переводчиком «Илиады» (1787) Е. И. Костровым в 1780 году¹. Второй перевод 1895 года принадлежит Н. В. Соколову. Русскому читателю текст Апулея в первую очередь известен в вариации М. А. Кузмина.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления переводческого наследия Михаила Алексеевича Кузмина, в частности переводов античных авторов, что позволит дополнить представления о его переводческой стратегии, достаточно глубоко проанализированной в связи с его новоевропейскими переводами².

Несмотря на то что перевод Кузмина неоднократно признавался лучшим, отдельного исследования, посвященного анализу переводческой манеры при работе с латинским текстом, нам найти не удалось. Цель настоящего исследова-

ния – рассмотреть отдельные фрагменты латинского текста, представляющие трудности для переводчиков. При анализе перевода Кузмина мы обращаемся к вариантам его предшественников для выявления совпадений, различий, для прояснения переводческой манеры автора.

* * *

Обращение Кузмина к прозе Апулея было неслучайным. Пришло время «уподобиться Апулею», как мечтал он ранее³. В 1930-е годы переводческая деятельность стала единственно возможной формой литературного творчества для Кузмина. В 1929 году перевод был опубликован в издательстве «Academia» под редакцией А. И. Пиотровского, открывшего большую серию переводов античной литературы. В дальнейшем состоялись многочисленные переиздания, которые, однако, сопровождались переработкой перевода. Текстологическая проблема заключа-

ется в том, что вне редакторских правок перевод Кузмина неизвестен. Мы работаем с изданием 1988 года из серии «Библиотека античной литературы», подготовленным М. Л. Гаспаровым⁴.

Римский философ-платоник, биография которого связана с Александрией, эллинистическим миром, был среди дорогих и любимых авторов Кузмина. Он признавался: «...обожаю Апулея»⁵, ему он посвятил стихотворение «Апулей» (1908). На прозу Апулея как стилистически образцовую ссылается Кузмин в своей статье «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (1910). Мотивами Апулеевых «Метаморфоз» навеяна одна из частей «лирической поэмы для музыки с объяснительной прозой в трех частях» «Лесок» (Пг., 1922).

Согласно современной трактовке, роман Апулея – «первый опыт изображения не только физической метаморфозы, но и радикального изменения человеческой души» [11: 72]. В основе романа лежит архаико-мифологическая сюжетная схема «смерть – сходжение в ад – воскресение»: метаморфоза Луция в осла, его похождения, движимые сюжетобразующим любопытством, знакомство с примерами людской порочности и обретение прежнего человеческого образа благодаря покровительству богини Исиды в мистическом финале⁶. По мнению М. Н. Климовой, «пафос духовного возрождения в завершающей книге романа» «оказался интимно близок переводчику» [11: 74]. Согласно утверждению Н. А. Богомолова, ядро творческой личности Кузмина – жажда воскрешения [7: 52].

Язык Апулея отличает лексическое и стилистическое разнообразие. Роман «Золотой осел» изобилует синонимами, архаизмами, просторечиями, неологизмами, а также заимствованиями из греческого языка. Апулей обильно использует метафоры, эпитеты (в том числе формульные), иронию, игру слов, пародию, сравнения (в том числе мифологические), аллегории. Для усиления комического эффекта автор обращается к разнообразным риторическим приемам. Он умело обыгрывает литературную традицию⁷. Перед переводчиком стоит задача отразить характерные черты идиостиля римского автора.

Апулей, описывая плодовитость матроны Плотины, использует метафору из военной области «decimo partus stipendio» (Met. 7, 6)⁸, букв. «десятью годами военной службы деторождения»⁹, которая не воспроизводится Кузминым в полном объеме¹⁰: «десятым залогом супружества». Костров и Соколов используют перифразу: «десятым от бремени своего разрешением» и «десять раз разрешившись от бремени». Успешнее справляются переводчики с метафорой «ad

hilarem lasciviam» (Met. 2, 17), букв. «для веселого распутства» – «для радостного наслаждения» (Кузмин), «для любовных утех» (Костров), «для веселой войны» (Соколов).

Образное словосочетание «morsicantes oculi» (Met. 2, 10), букв. «пожирающие глаза»¹¹ (причастие *morsicans* от *morsico* ‘щурить’ или ‘мигать, подмигивать’, именно в таком значении употребляется у Апулея¹²; усилительный глагол к *mordeo* ‘кусать, грызть, пожирать’) Кузмин эквивалентно переводит как «лукавый взор». В тексте Кострова эпитет опущен, а Соколов использует описательное выражение «злые глаза, которые, казалось, умели кусаться».

«Divina praesagia», букв. ‘божественные предзнаменования’ (Met. 9, 34) переведено Кузминым с усилением, как «зловещие предзнаменования». Костров вновь пропускает определение. Перевод Соколова близок варианту Кузмина: «грозное предзнаменование».

Словосочетание «equus perfidus» (Met. 3, 27), букв. ‘вероломный конь’ эквивалентно переведено Кузминым как «неверный конь». Перевод совпадает с вариантом Кострова. Перевод Соколова дальше отстоит от латинского текста и стилистически снижен: «неблагодарная скотина».

Интертекстуальность повествования Апулея отмечена сильным эпическим компонентом. Так, он использует постоянный гомеровский эпитет при описании Зевса «caeruleum supercilium» (Met. 6, 7), букв. ‘темного цвета бровь’. Ср. «ἼΝ καὶ κυανέησιν ἐπ’ ὀφρύσιν νεφέε Κρονίων» (Il, 1, 528)¹³ в переводе Н. Гнедича: «и во знаменье черными Зевс помавает бровями»¹⁴. Кузмин учитывает значение «caeruleum» (от *caelum* ‘небо’) – синий, лазоревый, лазурный, голубой, темно-зеленый: «сизые брови Юпитера». По словарю В. Даля, «сизый – темный, черный с просинью и белесоватым, голубоватым отливом»¹⁵. Костров вновь не отражает эпитет и меняет образность: «Юпитер веселым мановением». Соколов прилагательное «caeruleus» передает метафорически «грозная бровь».

Сохраняет Кузмин постоянный эпитет Фив «Thebae heptapylos» (Met. 4, 9) – «семивратные Фивы», так же у Соколова. Костров эпитет опускает.

Эпическое сравнение коня, приводимое Апулеем в сопоставлении с наивным образом «свободного осла» (лат. «*liber asinus*») Кузмин переводит «свободный ослик», усиливая комизм, восходит к «Энеиде» Вергилия (11, 492–497):

«Nec elatis in altum vastis pectoribus arduus capite et sublimis vertice primoribus in me pugillatur unguis, ille terga pulposis torulis obesa convertens postremis velitatur calcibus, alius hinnitu maligno comminatus remulsis

auribus dentiumque candentium renudatis asceis totum me commorsicat» (Met. 7, 16). Буквальный перевод: 'Тот, подняв в высоту огромную грудь, высоко поднимающий голову и вытягивающий шею, брыкает меня передними ногами, другой, повернувшись тучной задней частью с мясистыми мускулами, бьет задними копытами, третий, угрожающий злобным ржанием, прижав уши и обнажив плотничьи топоры белых зубов, разрывает меня всего'.

В переводе Кузмина сохраняется во многих случаях порядок слов оригинала. Повторяющиеся конструкции с творительным самостоятельным последовательно переведены деепричастными оборотами.

«Тот, вздыбив в высоту могучую грудь, подняв голову, вытянув шею, поражает меня передними ногами, другой, повернувшись ко мне тучным крупом с мясистыми мускулами, наносит удары задними копытами, третий, грозя злобным ржанием, прижав уши, оскалив ряд белых зубов, принялся меня кусать»¹⁶.

Несколько смягчает Кузмин эпический компонент за счет употребления разговорной лексики: «принялся меня кусать» вместо «разрывает меня всего». Образное сравнение «*dentiumque candentium asceis*» (букв. 'плотничьи топоры белых зубов') заменено с упрощением на «ряд белых зубов».

Костров и Соколов, скорее, пересказывают фрагмент, дополняя свои переводы избыточными эпитетами и лексическими вставками¹⁷.

Обвинительная речь Луция-осла против развратной жены мельника выстраивается с использованием риторических приемов, что добавляет комичности повествованию. У Апулея жена мельника «*deterrima coniuga*», букв. 'ужаснейшая супруга', «*nequissima femina*», букв. 'негоднейшая женщина', а далее идет пассаж, в котором есть и аллитерация (s, v, x, p, t), и ассонанс (ae, e, a), и асиндетон, и синтаксический параллелизм [10: 178]:

«...*saeva scaeva viriosa ebriosa pervicax pertinax, in rapinis turpibus avara, in sumptibus foedis profusa, inimica fidei, hostis pudicitiae*» (Met. 9, 14), букв.: '...злая, неуклюжая, сильная, пьянствующая, упрямая, скупая, в гнусных хищениях жадная, в отвратительных тратах щедрая, ненавистная верности, враг скромности'.

Кузмин допускает одну замену («до мужчин охочая» вместо «*viriosa*» – 'сильная, мощная'), убирает два финальных определения (возможно, перед нами правка редактора издания А. Пиотровского), сохраняет образность и передает элементы риторической стилистики:

«...злая, шальная, до мужчин охочая, до вина падкая, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, на глупые издержки щедрая»¹⁸.

Воспроизведены фонетические особенности подлинника через повторы звуков *z, sh, zh, n, t* и созвучия *a, ya, e*, а также синтаксическая структура.

Предшествующим переводчикам не удается передать все тонкости латинской фонетики и синтаксиса:

«...злобна, свирепа, завистлива, бесстыдна, невоздержна, клятвопреступна, сребролюбива, хищница чужих имений, скупа, но расточительна для удовлетворения своих подлых вожеланий; враг верности и целомудрия»¹⁹ (Костров); «...лукавая, свирепая, вечно пьяная, упрямая, готовая на любое воровство, мотовка, когда дело касалось постыдных и гнусных расходов»²⁰ (Соколов).

Апулей часто обращается к пародии. Пародирует героический эпос, например, при описании совета богов (Met. 6, 23) или в эпизоде рассказа разбойников о подвигах (Met. 4, 8–22). В традициях школьной риторики [10: 171] карикатурно описывается лысая Венера:

«...*licet illa caelo deiecta, mari edita, fluctibus educata, licet inquam ipsa Venus fuerit, licet omni Gratiarum choro stipata et toto Cupidinum populo comitata et balteo suo cincta, cinnama flagrans et balsama rorans, calva processerit, placere non poterit nec Vulcano suo*» (Met. 2, 8), букв. 'пусть она с неба сошедшая, морем рожденная, волнами напитанная, пусть, я говорю, она будет самой Венерой, пусть окруженная всем хором Граций и сопровождаемая целой толпой Купидонов и поясом своим опоясанная, корицей пылающая и бальзам источающая, если плешивая она появится, то не сможет понравиться Вулкану своему'.

Кузмин максимально близок образности оригинала, стремится сохранить синтаксическую структуру и даже порядок слов:

«...пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами ласкаемая, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором граций сопровождаемой, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной, киннамом благоухающая, бальзам источающая, – если плешива будет, даже Вулкану своему понравиться не сможет»²¹.

Как видим, допущена лишь одна замена, добавляющая эмоциональности: «*fluctibus educata*» (букв. 'волнами напитанная') переведено «волнами ласкаемая».

Переводы Кострова и Соколова этого эпизода тождественно не воспроизводят оригинал²².

Как видим, из трех проанализированных переводов Апулея лишь у Кузмина сохранен идиостиль оригинала: в большинстве случаев воспроизведены метафоры, эпитеты, риторические фигуры, синтаксис и частично фонетика.

Экспериментальный перевод Кострова, несмотря на то что является «тяжеловесной версией»

[13: 684] латинского оригинала, стал необходимой вехой в становлении русского романа, ориентированного на европейские образцы. В переводе отражен еще зыбкий баланс между «старыми» и «новыми» элементами в русском языке XVIII века. Филологический подход к переводу очевиден в комментариях, которыми Костров снабдил текст. Перевод отличает опущение эпитетов.

Вариант Соколова при очевидном стремлении к верности воспроизведения оригинала описателен, отклонен от стилистических маркеров латинского текста.

Практически сразу же по завершении перевода Апулея Кузмин обращается к гомеровскому тексту²³. Перевод эпизода «Прощание Гектора с Андромахой» из «Илиады» Гомера был опубликован в журнале «Звезда» (1933. № 6. С. 69–74) и стал последней прижизненной печатной работой Кузмина. Публикацию сопровождало авторское предисловие «Несколько слов о переводе», в котором обосновывался подход к новому переводу античного эпоса²⁴. Приведем несколько отрывков, важных для понимания переводческой стратегии Кузмина.

Во-первых, в отличие от своих предшественников, переводчиков «Илиады» гексаметрическим стихом Н. Гнедича (1829) и Н. Минского (1896), Кузмин обильно использует спондеи. Опираясь на достижения традиции, он развивает русский гексаметр. М. Л. Гаспаров так отзывался о метрике Кузмина: «...самый свободный из известных [ему] гексаметров, в нем не только дозволено анапестическое начало и неоднократные хорей на 5 стопе, но и многочисленные пропуски на стяженных стопах» [8: 220]. Вторая техническая характерная черта – двойные ударения в сложных словах и именах (Андро-маха, златокудрий). Стилистическое своеобразие перевода заключается в преднамеренном отказе от церковнославянизмов как «чистой абстракции»²⁵, к которым Кузмин относит, например, «лилейнораменные». Он пишет:

«Для меня же “Илиада” – живой и простой рассказ о племени и людях, все благородство и “царственность” которых заключается в их органичности, свободе и простоте, как движения полинезийских дикарей. Мне хотелось достигнуть простоты, торжественности и суровой нежности, достойных этих органических культур»²⁶.

Как близок Кузмин-переводчик в восприятии поэзии Гомера В. А. Жуковскому:

«Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике, встречаешь беспрестанно с естественным его вдохновением и работу искусства. Какая отделка в Виргилии; сколько целых страниц, где всякое слово живописно поставлено на своем месте и сколько

отдельных стихов, поражающих своей особенною прелестью. В Гомере этого искусства нет; он младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, светлая река без волн, отражающая чистое небо, берега, и все что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует»²⁷.

Наиболее показательно в этом отношении то, как Кузмин передает сложные эпитеты, характерные для гомеровского повествования. Отметим некоторые из них в сопоставлении с вариантами Е. Кострова (1787)²⁸, Н. Гнедича (1826)²⁹ и Н. Минского (1909)³⁰. Эпитет троянок «εὐπλόκαμοι» (П. 6. 380)³¹, букв. ‘с красиво заплетенными волосами’ Кузмин переводит «кудрявые». Ср. с заменой у Гнедича: «благородные». Костров и Минский опускают лексему. Определение улиц «εὐκτίμενοι» (П. 6. 391), букв. ‘хорошо построенный, благоустроенный’ передано Кузминым как «по богато застроенным улицам». Ср. с архаизирующим переводом Гнедича: «по хорошо устроенным стогнам». Минский переводит так: «среди красиво обстроенных улиц». У Кострова определение отсутствует. Кузмин передает формульный эпитет Зевса «αἰγίοχος» (П. 6. 420), букв. ‘щитодержец’ как «эгидодержавный». Здесь мы видим совпадение с переводом Минского, что, возможно, указывает на заимствование. Стилистически нейтральный вариант читаем у Гнедича: «великий». Костров определение вновь опускает. Определение Ахилла «ποδάρκης» (П. 6. 424), букв. ‘крепконогий, быстроногий’ точно переведено у Кузмина «быстроногий». Ср. с архаизирующим распространением Гнедича: «быстроногий ристатель». У Минского и Кострова эпитет отсутствует. Эпитет кормилицы «εὐζώνος» (П. 6. 467), букв. ‘красиво подпоясанная’ Кузмин передает описательно: «в одежде прекрасной». Ср. «пышноризая» у Гнедича и «пышно одетая» у Минского. У Кострова эпитет не переведен.

Дальнейший анализ формульных эпитетов показывает, что Кузмин избегает тяжеловесных, архаичных форм, характерных для перевода Гнедича, и делает опору на эмоциональность. Он предельно эквивалентно передает гомеровский текст, однако в некоторых случаях трансформирует его, делая более близким, понятным, живым для современного читателя. Неслучайно в статье «Эмоциональность как основной элемент искусства» (1922) Кузмин пишет, что «главная задача поэта – вернуть словам их первобытную чистоту и значимость»³². Таким образом, перевод Кузмина может быть соотнесен с полным переводом «Илиады» В. Вересаева, выполненным

в 40-х годах XX века и также ориентированным на преодоление языкового и культурного барьера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дневнике от 24 мая 1929 года Кузмин критически оценивал свой перевод: «Смотрел сегодня мой перевод Апулея, все-таки очень тяжело и претенциозно». Однако проведенный сравнительно-сопоставительный анализ убеждает нас в обратном. Перевод самобытен в силу сохранения апулеевской образности, создан без опоры на предшествующие варианты, адекватен подлиннику, отражает особенности языка и стиля римского автора и, главное, не потерял своей

актуальности. Выдержан баланс в сохранении черт подлинника и близости, понятности современному читателю. Аналогичный подход использует Кузмин и при переводе отрывка из Гомера. Он наставлял: «...о каждом предмете, о всяком времени, эпохе следует говорить подходящим языком»³³. Таким образом, Кузмин совершает значительный шаг вперед в методике перевода античных текстов. При безусловно антиковедческом подходе к переводам он, однако, сосредоточен на читательском восприятии. При всей сложности античного источника переводчик сделал его понятным, звучащим в современной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее о переводе Кострова см.: [3].
- ² См. подробнее: [4], [5], [9], [14], [15].
- ³ В письме Чичерину от 13 января 1897 года Кузмин пишет: «Но я положительно безумую, когда только касаюсь веков около первого; Александрия, неоплат<оники>, гностики, императоры меня сводят с ума и опьяняют, или скорее не опьяняют, а наполняют каким-то эфиром; не ходишь, а летаешь, весь мир доступен, все достижимо, близко. Пусть мне будет прощено, если я самомнителен, но я чувствую, что рано или поздно могу выразить это и хоть до некоторой степени уподобиться Валентину и Апулею. Для одного этого можно пережить не одну, а 3 жизни. Может быть, и не только для этого». Цит. по: [6: 61].
- ⁴ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения: Пер. с лат. [Состав и науч. подгот. текста М. Гаспарова; Вступ. ст. Н. Григорьевой; Коммент. М. Гаспарова и др.]. М.: Худож. лит., 1988. 399 с.
- ⁵ Письмо В. В. Руслову от 8–9 декабря 1907 г. Цит. по: [7: 210].
- ⁶ См. подробнее: [16].
- ⁷ См. подробнее: [1], [2], [12], [17].
- ⁸ Текст Апулея приводится по изданию: Apuleius. The Golden Ass, being the Metamorphoses of Lucius Apuleius / Translator Stephen Gaselee. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons, 1915 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0502> (дата обращения 11.06.2024).
- ⁹ Здесь и далее за исключением одного буквальный перевод латинского оригинала на русский язык выполнен автором статьи.
- ¹⁰ Согласно словарной статье, *stipendium* – солдатское жалование, оклад, военная служба, военный поход, подвиг, налог, взнос, возмездие. См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 954–955.
- ¹¹ Перевод А. И. Любжина.
- ¹² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь... С. 649.
- ¹³ Цит. по: Homeri Ilias. (Rec. M. L. West). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1998. Vol. 1. Rhapsodias I–XII continens. 434 p.
- ¹⁴ Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича; [Предисл. И. Шталь]. М.: ГИХЛ, 1960. С. 31.
- ¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. Ч. 4. С. 166.
- ¹⁶ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 218.
- ¹⁷ Перевод Кострова: «Один ставши на дыбы, и притом поднимая гордую свою грудь бьет меня передними ногами, другой обративши ко мне тучный зад, ударяет меня копытами с удивительным искусством, третий наконец злостным и свирепым ржанием устрашал меня, и опуствя уши терзает мои бока и спину изошренными зубами» (Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел: В 2 ч. / Перевел с латинского Императорского Московского университета бакалавр Ермил Костров. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. Ч. 2. С. 81). Перевод Соколова: «Один гордо поднял кверху свою широкую грудь и красивую голову, стал на дыбы и с размаху ударил меня передними копытами. Другой повернулся ко мне задом, жирным и сильным, благодаря овсу и ячменным хлебам, ударил меня задними копытами. Третий напугал меня бешеным ржанием, опустил уши, обнажил острые блестящие зубы и стал больно, больно меня кусать» (Апулей. Золотой осел / Пер. с лат. Н. М. Соколова. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1895. С. 144).
- ¹⁸ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 250.
- ¹⁹ Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел... С. 184.
- ²⁰ Апулей. Золотой осел / В переводе Н. Соколова... С. 192.
- ²¹ Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения... С. 129.
- ²² Перевод Кострова: «то, хотя бы она была небожительница, или богиня рожденная в море и воспитанная в волнах, хотя бы, говорю была бы сама Венера, сопутствуема грациями и купидонами, украшена притом волшебным своим поясом, (в) дышущая некотором и бальсамом, не могла бы однако при такой головы сво-

- ей нагоде понравиться и самому Вулкану» (Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел... Ч. 1. С. 52). Перевод Соколова: «Пусть сошла она с неба, родилась в море, вскормлена пеной волн, – пусть она, говорю я, будет самой Венерой и явится в сонме всех своих Граций, в сопровождении всех своих Купидонов, в своем волшебном поясе, в благовонных струях киннамона и бальзамических ароматов, – но с плешью она не понравится даже Вулкану!» (Апулей. Золотой осел / Пер. с лат. Н. М. Соколова... С. 26).
- ²³ Вернемся вновь к воспоминаниям В. Н. Петрова: «Я часто слышал от Михаила Алексеевича, что в течение всей жизни, никогда не разочаровываясь, он любил то, что полюбил еще в детстве – Пушкина, Гете, “Илиаду” и “Одиссею”, исторические хроники Шекспира». Цит. по: [6: 281]. Потому неудивительно, что к любимым авторам Кузмин обращается и в переводческой деятельности.
- ²⁴ Свои взгляды на перевод Кузмин последовательно излагает и в предисловиях к своим переводам трагедий Шекспира (Кузмин М. От переводчика <<Трагедии В. Шекспира “Король Лир”>> // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 515–516), в рецензиях на переводы (Кузмин М. Рецензия на книгу «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков» // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 392–393; Кузмин М. Рецензия на перевод Зинаиды Ц. «Из Мюссе и Верлена» // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 80–83).
- ²⁵ Кузмин М. Несколько слов о переводе <отрывка из «Илиады» Гомера> // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 514.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Письмо В. А. Жуковского от 5 (17) декабря 1844 года А. П. Елагиной цит. по: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852. М.: Знак, 2009. С. 525–526.
- ²⁸ Гомерова Илиада / Пер. Ерилом Костровым. СПб.: Типография Шнора, 1787. 210 с.
- ²⁹ Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедич; Под ред. И. М. Троцкого при участии И. И. Толстого. М.; Л., 1935. 694 с.
- ³⁰ Гомер. Илиада Гомера / Пер. [и предисл.] Н. М. Минского. М.: К. Т. Солдатенков, 1896. 416 с.
- ³¹ Текст «Илиады» приводится по изданию: Homeri Ilias. (rec. M. L. West). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Vol. 1. Rhapsodias I–XII continens. 1998. 434 p.
- ³² Кузмин М. Эмоциональность как основной элемент искусства // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 377.
- ³³ Кузмин М. О прекрасной ясности // Проза и эссеистика: В 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альмова Е. В. Сократ во Второй софистике: Апулей «Метаморфозы» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 3. С. 176–181.
- Ахунова (Левинская) О. Л. «Милетская разнузданность» в романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (1) (чтения памяти И. М. Троицкого): Материалы Международ. конф., проходившей 20–22 июня 2016 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. С. 35–47.
- Ахунова О. Судьба Апулея в России: Ерилом Костров, переводчик «Золотого осла» // Cultures, Epochs, Ideas, Styles. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday. Berlin: Peter Lang, 2023. S. 167–179.
- Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин – переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183.
- Богомолов Н. А. Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М. А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона) // Русская литература. 2013. № 3. С. 42–84.
- Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.
- Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 1995. 368 с.
- Гаспаров М. Л. О нем. Для него: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 2017. 720 с.
- Горбунов А. Н. Кузмин, переводчик Шекспира // Шекспир У. Пьесы в пер. М. Кузмина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 5–14.
- Захарова Е. А. Способы создания комического эффекта в романе Апулея «Метаморфозы» // Philologia Classica. 2007. № 7. С. 165–180.
- Климова М. Н. Апулей – Кузмин – Бахтин: Метаморфозы сюжета, героя, судьбы // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 70–76.
- Левинская О. Л. Лукиан и Апулей во взаимном отражении // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. Вып. 14. С. 189–197.
- Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.
- Пильшиков И. А. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда. СПб.: Реноме, 2015. С. 139–157.
- Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 269–290.
- Murgatroyd P. The ending of Apuleius' *Metamorphoses* // Classical Quarterly. 2004. № 54 (1). P. 319–321.

17. Zimmerman M. Echoes of Roman satire in Apuleius' *Metamorphoses* // *Desultoria scientia. Genre in Apuleius' Metamorphoses and related texts*. Leuven; Paris; Dudley: Peeters, 2006. P. 87–104.

Поступила в редакцию 30.08.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Evgenia P. Litinskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5901-7187, litgenia@yandex.ru

MIKHAIL KUZMIN'S TRANSLATION OF APULEIUS' NOVEL *THE GOLDEN ASS*: LANGUAGE AND STYLE

Abstract. This study marks the first attempt to perform a comparative analysis of Mikhail Kuzmin's translation of Apuleius' novel *The Golden Ass* and the original Latin text. The objective of this research is to examine specific passages from the Latin text that pose challenges for translators. The analysis emphasizes the nuances involved in conveying metaphors, epithets, epic formulas, similes, and rhetorical devices. To explore similarities and discrepancies and to illuminate Kuzmin's translation style, the study also references earlier translations of the Roman novel by E. Kostrov and N. Sokolov. The findings indicate the uniqueness of Kuzmin's translation. It stands apart from prior interpretations, showcasing the distinctiveness of the Roman author's language and style while remaining relevant to contemporary readers. Kuzmin successfully strikes a balance between preserving the characteristics of the original text and ensuring its accessibility for modern audiences. Ultimately, this research demonstrates that Kuzmin made a noteworthy advancement in the methodology of translating ancient texts. Despite taking quite academic approach drawing upon antiquity studies, his work prioritizes the reader's perception.

Key words: Homer, Kostrov, Sokolov, Gnedich, Minsky, metaphor, epithet, translation, rhetorical device, antiquity

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Litinskaya, E. P. Mikhail Kuzmin's translation of Apuleius' novel *The Golden Ass*: language and style. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1092

REFERENCES

1. Alymova, E. V. Socrates in the Second Sophistic: Apuleius' *Metamorphoses*. *RCAH Review*. 2015;16(3):176–181. (In Russ.)
2. Ahunova (Levinskaya), O. L. "Miletus' dissoluteness" in Apuleius' novel *Metamorphoses, or The Golden Ass*. *Indo-European language studies and classical philology – XX (1) (Readings in memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the international conference, 20–22 June 2016*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2016. P. 35–47. (In Russ.)
3. Ahunova, O. The fate of Apuleius in Russia: Ermil Kostrov, a translator of *The Golden Ass*. *Cultures, Epochs, Ideas, Styles*. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday. Berlin, 2023. P. 167–179. (In Russ.)
4. Bagno, V. E., Sukharev, S. L. Mikhail Kuzmin as a translator. *The XX century. The 1920s: From the history of international relations of Russian literature*. St. Petersburg, 2006. P. 147–183. (In Russ.)
5. Bogomolov, N. A. From the history of translation trade in the 1930s (M. A. Kuzmin's work on Byron's *Don Juan*). *Russian Literature*. 2013;3:42–84. (In Russ.)
6. Bogomolov, N. A. Malmstad, J. Mikhail Kuzmin: Art, life, era. St. Petersburg, 2007. 560 p. (In Russ.)
7. Bogomolov, N. A. Mikhail Kuzmin: Articles and materials. Moscow, 1995. 368 p. (In Russ.)
8. Gasparov, M. L. About him. For him: Articles and materials. Moscow, 2017. 720 p. (In Russ.)
9. Gorbunov, A. N. Kuzmin, a translator of Shakespeare. *Shakespeare, W. Plays translated by M. Kuzmin*. Moscow, 1990. P. 5–14. (In Russ.)
10. Zakharova, E. A. Methods of creating a comic effect in Apuleius' novel *Metamorphoses*. *Philologia Classica*. 2007;7:165–180. (In Russ.)
11. Klimova, M. N. Apuleius – Kuzmin – Bakhtin: *Metamorphoses of plot, character, destiny*. *Siberian Journal of Philology*. 2011;4:70–76. (In Russ.)
12. Levinskaya, O. L. Lucian and Apuleius in mutual reflection. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2011;14:189–197. (In Russ.)
13. Nabokov, V. Notes on *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin. Moscow, 1999. 1008 p. (In Russ.)
14. Pilshchikov, I. A. Traditions of "Russian Petrarchism" and sonnets of Petrarch translated by M. Kuzmin. *Mikhail Kuzmin. Literary destiny and artistic environment*. St. Petersburg, 2015. P. 139–157. (In Russ.)
15. Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Translation strategies of M. Kuzmin in translating Shakespeare. *Nauchnyi dialog*. 2013;12(3):269–290. (In Russ.)
16. Murgatroyd, P. The ending of Apuleius' *Metamorphoses*. *The Classical Quarterly*. 2004;54(1):319–321.
17. Zimmerman, M. Echoes of Roman satire in Apuleius' *Metamorphoses*. *Desultoria scientia. Genre in Apuleius' Metamorphoses and related texts*. Leuven; Paris; Dudley, 2006. P. 87–104.

Received: 30 August 2024; accepted: 23 September 2024

АНАСТАСИЯ АНАТОЛЬЕВНА КАЛИТНИК

аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций гуманитарного института
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4792-8458; tancazu@gmail.com

ОБРАЗ УСАДЬБЫ В ПОВЕСТИ С. В. ЭНГЕЛЬГАРТ «ДВА НОВОСЕЛЬЯ»

А н н о т а ц и я . Анализируется творчество С. В. Энгельгардт, представительницы женской беллетристической прозы XIX века. Актуальность работы связана с интересом исследователей к феномену женской прозы, в том числе к забытым ее именам. Современные ученые рассматривают женскую прозу как гендерное явление, для которого характерен особый, отличный от мужской прозы, взгляд на мир. Однако обращение к произведениям Энгельгардт носит либо обзорный характер, либо упоминается в контексте творчества писателей первого ряда: И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского. Предметом анализа в нашей статье будет повесть «Два новоселья», написанная в 60-х годах XIX века. Цель исследования состоит в рассмотрении данной повести через призму основных уровней организации художественного текста: повествование, сюжет, конфликт, персонажи, хронотоп, жанр. Новизна темы заключается в том, что в контексте женской прозы усадьба не становилась объектом специального изучения. В ходе исследования мы приходим к выводу, что повесть «Два новоселья» относится к жанру так называемой усадебной повести, широко распространенному в русской литературе XIX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : усадебная повесть, хронотоп, женская проза, С. В. Энгельгардт, русская литература XIX века

Б л а г о д а р н о с т и . Благодарю своего научного руководителя доктора филологических наук, профессора А. В. Чернова за помощь в подготовке статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Калитник А. А. Образ усадьбы в повести С. В. Энгельгардт «Два новоселья» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1093

ВВЕДЕНИЕ

Усадьба – уникальное явление русской культуры XVIII–XIX веков. Исследованием этого феномена занималось созданное в 1922 году Общество изучения русской усадьбы, которое в 1930 году в результате репрессий было упразднено и восстановлено только в 1992 году. Г. Д. Злочевский отмечал:

«...работа общества была направлена на изучение архитектуры, усадебных интерьеров, садов, парков, театра, истории и быта усадеб, живописи, скульптуры и прикладного искусства» [4: 7].

Русской усадьбе посвящены работы Д. С. Лихачева [7], Т. П. Каждан [5], В. Г. Щукина [14]. «Усадьбы XIX века все более стали привлекать к себе внимание исследователей и архитекторов-реставраторов, сумевших оценить их значение как памятников архитектуры» [5: 8].

Топос усадьбы становится центральным местом действия в произведениях русской литературы рубежа XVIII–XIX веков (повесть

Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия» (1789), послание Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807), произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1825–1832, 1833) и «Дубровский» (1841)). При этом мнения исследователей расходятся в том, насколько правомерно, исходя из усадебного топоса, выделять жанр усадебной повести или даже усадебного романа. С точки зрения В. Г. Щукина, место действия в произведении определяет его жанр [14: 577–588]. Г. М. Ребель утверждает, что «усадебный топос <...> является одним из аспектов художественного мира, его пространственным измерителем, составной частью хронотопа» [12: 1055], но этого недостаточно, чтобы выделить усадебную повесть в качестве отдельного жанра.

В 2000-х годах русская усадьба рассматривается по преимуществу в диссертационных исследованиях: О. А. Поповой¹, М. В. Глазковой², Е. В. Подарцева³ и др., посвященных творчеству

Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева [3], И. А. Гончарова, А. А. Фета и И. А. Бунина.

В контексте женской прозы усадьба не становилась объектом специального изучения. И. Л. Савкина в своей работе о женской прозе 30–40-х годов XIX века обращает внимание на то, что в произведениях женщин-писательниц характерным местом действия является провинция и, как следствие, в повествование вводится образ провинциалки. По утверждению И. Л. Савкиной, женщины-писательницы «в качестве нарратора идентифицировали себя с провинциальной жительницей», поскольку «для них, не имевших узаконенного культурного места, необыкновенно острой была проблема человеческого и писательского идентитета» [13]. Провинция становится местом действия в произведениях М. Жуковой («Две сестры», 1843, «Наденька», 1853), Е. Ган («Любинька», 1842), А. Марченко («Тернистый путь», 1849) и др. В современных исследованиях внимание уделяется, как правило, более широкой теме, а именно гендерному аспекту женской прозы XIX века, как, например, в исследовании М. Ю. Поповой [11] и диссертации О. В. Пензиной⁴.

В зарубежном литературоведении феномену женской прозы также уделяется пристальное внимание. В работе С. А. Kelly с феминистской позиции представлен исторический обзор русской женской прозы. Автор опирается на широкий круг источников (альманахи, журналы) и анализирует творчество в том числе забытых писательниц [16]. S. Gilbert и S. Gubar рассматривают произведения женщин-писательниц, начиная от Джейн Остин и Шарлотты Бронте до Эмили Дикинсон и Вирджинии Вульф [15].

Софья Владимировна Энгельгардт (1828–1894), прозаик, поэт и переводчик, принадлежала к старинному, но обедневшему дворянскому роду Новосильцевых. Она общалась со многими известными людьми своего времени: А. А. Григорьевым, И. С. Тургеневым, А. Н. Островским и, достойным отдельного упоминания, А. А. Фетом, с которым Энгельгардт вела активную переписку.

С. Энгельгардт как автор собственных произведений практически неизвестна, хотя первые ее попытки литературного творчества – стихи на французском – задокументированы исследователями начиная с 1840-х годов. Заканчивается творческий путь Энгельгардт в 1892 году публикацией в журнале «Русское обозрение» последней повести.

Первый ее рассказ («Деревня») появился в журнале «Отечественные записки» в 1853 году. Затем последовали повести: «Утро вечера мудренее» (1853), «Суженого конем не объедешь» (1854), «На весь свет не угодишь» (1855), напечатанные там же. В 1854 году повесть Энгельгардт «Не так живи, как хочется» была опубликована в «Современнике», но впоследствии ее сотрудничество с этим журналом не сложилось, к тому же она оказалась в оппозиции к демократическому направлению, самыми известными представителями которого стали Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский.

Повести С. Энгельгардт «Старик» (1857), «Обочились» (1860) опубликованы в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого был А. В. Дружинин. Большая же часть ее повестей печаталась в «Русском вестнике». С его редактором, М. Н. Катковым, Энгельгардт тесно общалась. С начала 1860-х годов здесь публикуются повести «Судьба или характер?» (1861), «Камень преткновения» (1862), «Где же счастье?» (1864) и др. В 1870-х годах увидели свет повести «На родине» (1870), «Так Бог велел» (1872), «Старая вера» (1879) и др. Последняя повесть писательницы – «Пропажа. Рассказ старосветского помещика» – была опубликована в журнале «Русское обозрение» в 1892 году.

Повести Энгельгардт упоминались в статьях критиков того времени, которые давали им как положительные, так и отрицательные оценки. В статье Б. Ф. Егорова для седьмого тома словаря «Русские писатели. 1800–1917» упоминается отзыв А. В. Дружинина о повести «Суженого конем не объедешь»⁵, поставившего ее автора, как пишет Б. Ф. Егоров, «выше французских писательниц». С. Д. Толстая в своей статье «Мысли по поводу одной повести Ольги Н.», «сочувственно отнеслась к повести «Судьба или характер?»⁶. Крайне негативную оценку повести «Где же счастье?» (1864) дает Д. И. Писарев в статье «Прогулка по садам российской словесности» [10].

В XX веке творчество Энгельгардт не было предметом специального изучения, за исключением отдельных упоминаний. Например, В. С. Нечаева говорит о влиянии на рассказ «Лиза» (опубликован в 1864 году в журнале Достоевских «Эпоха») творчества И. С. Тургенева [9: 132]. Н. П. Генералова в сопроводительной статье к Ежегоднику на 1994 год пишет, что

«повести и рассказы С. Энгельгардт, подписанные псевдонимом “Ольга N.”, оказались прочно забытыми и затерялись на страницах русской периодики 50-х–80-х гг. XIX века»⁷.

Тематика повестей Энгельгардт разнообразна: от семейно-бытовых до философских проблем мучительного поиска человеком своего места в жизни. В своих произведениях Энгельгардт, продолжая ряд писательниц-беллетристок, часто предпринимала попытки привлечь внимание к «обсуждению остросоциальных тем» [6: 691]. По утверждению В. М. Марковича, произведение «тяготеет к беллетристике в той мере, в какой оно “принадлежит” только настоящему» [8: 56].

Особого внимания заслуживают повести на религиозную тему, которая реализуется на персонажном, сюжетном уровне, а также уровне хронотопа. Уже в повести «Судьба или характер?» (1861) возникает образ монастыря, который в дальнейшем становится одним из центральных мест действия. Основной сюжетный мотив – уход человека в монастырь. Б. Ф. Егоров в статье, посвященной С. В. Энгельгардт, пишет, что автор «в свете православного мировоззрения ратовала за гармоничное состояние человека, а сильные страсти оказывались прерогативой дьявола»⁸.

Предметом рассмотрения в этой статье будет повесть «Два новоселья», опубликованная в июльском номере журнала «Русский вестник» за 1864 год.

Для творчества Энгельгардт использование усадебного топоса малохарактерно. Действие ее повестей, как правило, разворачивается в Москве. Повесть «Два новоселья», наряду с повестью «Камень преткновенения» и рассказом «Лиза», также опубликованными в 1860-е годы, является очевидным исключением.

В повести «Два новоселья» местом действия становятся три усадьбы: Хотавки, Дубрава (семья Тугариновых) и Хреновка (семья Каминских). В центре сюжета – история семьи Тугариновых. Повествование открывается экспозицией, описывающей место действия – заброшенную усадьбу в Хотавках, затем автор возвращает читателя на 50 лет назад, чтобы рассказать историю семьи, начиная с женитьбы Алексея Васильевича Тугаринова и заканчивая вторым новосельем в Дубраве. Повествование в повести, таким образом, носит ретроспективный характер.

Смерть жены Тугаринова предрекает печальную участь дома в Хотавках, бывшего некогда богатым поместьем: «две церкви, десятка полтора каменных домов и лавок, базарная площадь, станционный двор; крестьяне народ промышленный, зажиточный» (170)⁹. Настроение утраты передают образы заглохшего сада и мрачных комнат. Флигель – это все, что осталось

от прежнего большого дома, разрушенного до основания в 1806 году. В 1807 году Алексей гибнет под Прейсиш-Эйлау. Состояние заброшенности автор передает с помощью буквально нескольких деталей:

«Штукатурка только местами удержалась на наружных кирпичных стенах, которые издали пестрою массой отделяются от зеленого фона деревьев заглохшего сада, далеко раскинувшегося на холме» (170).

Образ сада, включающий такие поэтические компоненты, как мостики, скамейки, цветники, аллеи и беседки, является, по мнению исследователей, неотъемлемой частью усадебной повести [2: 58]. В повести «Два новоселья» сад не вписывается в привычные рамки поэтики рассматриваемого нами жанра. Автор изображает сад с помощью лаконичных деталей лишь для того, чтобы передать состояние заброшенности, перекликающееся с драматическими событиями в жизни героев, будь то смерть после родов жены Тугаринова или вынужденный отъезд из Дубравы в Хотавки. Только спустя три года после отъезда Бенедикта внука Алексея Тугаринова осмелится вновь пройти по дубравскому саду, в котором «аллеи и цветники заросли травой; с берез поднимались стаи грачей, устроивших свои гнезда на верхушках» (184). Сад после отъезда семьи Тугариновых символично утратил прежний ухоженный вид. Такой сад Д. С. Лихачев определял, как «старый запущенный сад», понимая под ним «переросший себя регулярный сад, в котором особенно остро сочетается победа природы над началом рациональной регулярности» [7]. Сад в повести Энгельгардт становится «закулисным» местом для любовных свиданий Зиберта и Лизы, тогда как Лихвинов встречается с Лизой и Бенедиктой либо в замкнутом пространстве усадебного дома, либо во время прогулок и бесед на дубравской или хотавской дороге.

Любовный конфликт, который является центральным как в сюжете усадебной повести, так и в женской беллетристической прозе XIX века, выстраивается вокруг Лихвинова (ставшего владельцем Дубравы из-за утерянного завещания), Бенедикты (уже упомянутой внучки Алексея Тугаринова), Зиберта (помещика), Лизы (гостьи Каминских). Отношения между героями развиваются в пространстве трех усадеб: Хотавки, Дубрава и Хреновка.

Любовный конфликт Лизы и Зиберта комичен. О ней окружающие отзываются как об «эмансипированной девушке» (201). Ее образ во многом противоположен литературному типу тургеневской девушки, образованной, скромной и замкнутой. Свободолюбивый характер Лизы является,

очевидно, отрицательной ее стороной, поскольку подразумевает раскрепощенность в словах и поступках, осуждаемую в светском обществе. Лихвинов («положительный» герой) поначалу ошибочно принимает ее поступки за проявление честности и искренности, но только до того момента, пока Лиза не начинает настойчиво добиваться его внимания. Все ее действия при этом изображены в карикатурном ключе. Она пишет длинные письма, в которых упрекает его в равнодушии, нарушает приличия, когда принимает его в своей спальне, приезжает к нему домой под надуманным предлогом. Лихвинов пытается стать для Лизы человеком, который поможет ей отказаться от «эмансипированных» взглядов, но терпит поражение, когда во время спектакля в имении Каминских Зиберт не по сценарию целует Лизу на сцене, и в результате его «участие к несчастной девушке сменилось почти отвращением» (234). Лиза не устаивается и авторского сочувствия, поскольку «в ее сердце никогда не западала искра нравственного чувства» (227). Она бесцеремонно вмешивается в зарождающиеся отношения Лихвинова и Бенедикты. В результате образ возлюбленного теряет для Бенедикты свою привлекательность. Она убеждена, что, увлекшись Лизой, он отказался от своих морально-нравственных принципов.

Лихвинов противоположен Зиберту, самолюбивому и болтливому помещику, примыкающему к лагерю «отрицательных» персонажей, поскольку он легко приспосабливается к обстоятельствам, в зависимости от того, где находится и с какими людьми общается. Он, в отличие от Лихвинова, стремится стать «своим» в имении Каминских, однако «перед великосветскими своими знакомыми он отрекался от этой родной среды, единственной, где он жил полной жизнью» (223). В Хотавках его поведение, напротив, выглядит бестактным и неуместным. Точную характеристику Зиберту дает Бенедикта, когда говорит, что он «отвратительно хорош собой» (185).

Усадьба в Хреновке противопоставлена усадьбам в Хотавках и Дубраве и является формой «отрицательного» мироустройства, то есть изображения негативных сторон русской жизни. Интерьер усадьбы отражает черты характера, свойственные хозяйке Варваре Степановне Каминской: ее нечистоплотность вкупе с самолюбием и стремлением быть принятой в высшем обществе. Эта двойственность выражается через образы, построенные на обонятельном и зрительном восприятии: «сильный запах табаку», «кровать, стоявшая в углу, под пологом сомнительной чистоты», «диван, обитый

побуревшим и местами изорванным сафьяном» (219). При этом хозяйка одета в дорогую мантилью поверх грязной блузы, ее плохо расчесанные волосы прикрыты великолепным чепцом. О неустроенности усадьбы говорят и другие детали, на первый взгляд незначительные: когда Лихвинов в первый раз приезжает к Каминской, его встречает лакей в изорванной, грязной одежде; когда он приезжает на спектакль и знакомится с ее дочерьми, удивляется тому, что «они выросли честными девушками» (220); Каминская ради пышной свадьбы дочери заложила имение. О ее прошлом известно мало: она «рано вышла замуж, рано овдовела, сильно расстроила свое имение и нажила дурную славу» (220).

В противоположность Каминским семья Тугариновых сохраняет как семейные, так и народные традиции («положительное» начало), поэтому разрушение Хотавок и переезд в Дубраву стали для нее тяжелым испытанием. В усадьбу в Дубраве Маргарита (дочь жены Тугаринова от первого брака) переезжает вместе с новорожденными сестрами Марфой и Марией (дочери Тугаринова). Тугаринов приобрел ее перед отправкой в действующую армию, и именно там начинается устройство нового «родового гнезда».

Имение в Дубраве служит пространством, в рамках которого развернуто повествование о детстве. Детские воспоминания сестер Марфы и Марии основаны на запахах и тактильных ощущениях. Самым ярким из них становится воспоминание о том, как сестры «добрались до верхней полки вот этого шкапа, нашли на ней граненый флакон с розовым маслом и надушили себе ручки» (180). Спустя годы это детское воспоминание усилит боль Марфы от потери Дубравы.

На всем протяжении повествования в дубравской усадьбе живут в основном женщины. Знакомство с мужчинами делает мир усадьбы разомкнутым и, как правило, нарушает его гармонию. Так, молодой муж Маши, Радомский, «ветренный и взбалмошный человек, сохранивший все привычки холостой жизни» (175), способствует тому, что облик усадьбы меняется, потому как ему не понравилась «старинная отделка... и вышедшая из моды мебель».

Марфа воспринимает перемены болезненно, ей важно, чтобы маленькая Бенедикта (дочь Марии и Радомского), сирота, оставшаяся на ее попечении, росла в атмосфере, в которой жила ее мать. Тем самым обеспечивается преемственность поколений:

«Не без труда собрали прежнюю мебель, валявшуюся на чердаках и перенесенную в людские, дополнили ее новою, заказанной по старинным образцам; столовую расписали боскетом, как было в то время, как Маша

и Марфинька сживали за обедом <...> стены гостиной обтянули штофом, подобранным под цвет прежнего <...> также собрали большую старинную люстру с гранеными стеклышками и повесили ее опять на том месте, где она уже висела целые десятки лет» (175–176).

Хронологические маркеры «прежний», «старинные», «как было в то время», «целые десятки лет» свидетельствуют о временном периоде, на протяжении которого Тугариновы сохраняют свой семейный уклад. Он отражается прежде всего в воспитании Бенедикты, которое зиждется на устных преданиях и поверьях, чтении книг «о том, как волхвы приходили с дарами к младенцу Христу; или о том, как пчелы мед собирают; или о том, как Дмитрий Донской побил татар на Куликовом поле» (176). Важное влияние на жизнь Бенедикты оказала близость к природе. Природные образы (колосющаяся рожь, венки из васильков, поля, холмы, дороги) тесно переплетаются с крестьянским миром, с которым владельцы усадьбы имеют устойчивые связи. Среди крестьян выделяются такие персонажи, как кормилица Матрена, ее дочь Малаша, няня Василиса Ивановна, живущие с ними бок о бок. Связь с крестьянским миром проявляется и на уровне кровного родства. Лихвинов, будущий владелец Дубравы и муж Бенедикты, прямо говорит о своем крестьянском происхождении: «мой прадед был из вольноотпущенных, – это я знаю наверное, из официальных документов, которые мне довелось перебрать после смерти отца» (197). Дворянская культура в повести (что характерно для усадебной повести) постоянно взаимодействует с народной: святки, гуляния, праздники, хозяйственная и благотворительная деятельность [2: 58].

После вынужденного переезда во флигель в Хотавках (духовное завещание Маргариты, в котором она отписала Дубраву Марфе, было утеряно) их привычная жизнь налаживается не сразу, пройдет три года, прежде чем это случится, а до этого момента Марфа и Бенедикта будут страдать от того, что «оторваны от родной дубравской почвы» (180). Отъезд в Москву, ставший для них вынужденным из-за неустроенности флигеля в Хотавках, не заглушает тоски по усадебной жизни, потому как балы и светские приемы им совершенно чужды.

Флигель в Хотавках постепенно преобразуется, и это становится символом созидательного женского начала, воплощенного прежде всего в образе Марфы Алексеевны:

«В Хотавках понемногу все пришло в порядок: флигель поновлен снаружи и отделан внутри; домашнее хозяйство пошло как следует; в саду посажено множество молодых деревьев, клумбы усыпаны цветами, ко-

торые так любит Марфа Алексеевна и которые так живо напоминают ей Дубраву» (180).

Утеря завещания, смерть Лихвинова-старшего и возвращение его сына из-за границы, с одной стороны, становятся драмой семьи Тугариновых, но, с другой стороны, именно Лихвинова автор наделяет правом вернуть Дубраву законным владельцам. Во многом именно поэтому финал повести «Два новоселья» отличен [1: 9] от традиционного финала усадебной повести, в котором герои не обретают счастья. Достаточно вспомнить романы И. С. Тургенева (из-за небольшого объема их часто относят к повестям: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»), романную трилогию И. А. Гончарова («Обломов», «Обрыв», «Обыкновенная история»). По утверждению Доманского,

«в усадебной повести нет трагических финалов, но и нельзя назвать их оптимистическими, т. к. главные герои не достигли счастья <...> Мгновения счастья, гармонии, испытанные однажды героями, и есть высшее вознаграждение судьбы, их жизненный пик, которого им уже никогда не достичь» [2: 58].

Финал повести «Два новоселья», напротив, завершается семейным вечером, когда «у всех так радостно было на душе!» (245).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, повесть «Два новоселья» С. В. Энгельгардт можно рассматривать в контексте поэтики усадебной повести, жанровые основы которой были заложены в творчестве И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др. Место действия в ней – русская усадьба, которая становится не просто фоном, но и «действующим лицом» сюжета, во многом определяющим его основные коллизии. Образы героев словно вписаны в интерьеры усадеб. Если Маргарита и Марфа отражают созидательное, «положительное» начало, когда благодаря их стараниям усадьбы в Хотавках и Дубраве преобразуются, то Каминская – начало разрушительное, «отрицательное», потому как грязь и неустроенность она прикрывает ширмой показного расточительства.

Сюжет повести складывается на основе тесного взаимодействия событий общественной и культурной жизни, быта, истории семьи и любовной коллизии, которая играет в сюжете доминирующую роль. Энгельгардт включает в повествование и изображение мира народной культуры (святки, гуляния), и описания природы (поля, холмы, дороги). Пейзаж помогает создать настроение грусти, утраты, радости. В то же время повесть Энгельгардт отличается от классической усадебной повести утопическим разрешением конфликта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 180 с.
- ² Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 274 с.
- ³ Подарцев Е. В. Мир русской усадьбы в творчестве Л. Н. Толстого: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 171 с.
- ⁴ Пензина О. В. Женская проза XIX века: гендерный аспект авторства: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 177 с.
- ⁵ Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. СПб., 1865 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения 26.01.2024).
- ⁶ Данная статья готовится к публикации и выйдет в седьмом томе словаря «Русские писатели. 1800–1917».
- ⁷ Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть I. (1858–1873: Письма 1–50) // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского дома на 1994 г. СПб.: ГА «Академический проект», 1998. С. 43–144.
- ⁸ См. примечание 6.
- ⁹ Энгельгардт С. В. Два новоселья // Русский вестник. 1864. Ссылки на данное издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинина Н. Л. Проблемы беллетристики как вида литературы в литературоведении 1920–1930-х годов (проблемы жанра и стиля). Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1997. 179 с.
2. Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX век: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2006. № 291. С. 56–60.
3. Ерохина Е. А. Еще раз об организации сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 152–162. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-11
4. Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). М.: Санта-Оптим, 2002. 56 с.
5. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. 320 с.
6. Кленова Ю. В. Классика, беллетристика, массовая литература: проблема границы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1 (3). С. 687–693.
7. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991. 371 с.
8. Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. С. 53–66.
9. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 305 с.
10. Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности. Разрушение эстетики. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 287 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0360.shtml (дата обращения 22.01.2024).
11. Попова М. Ю. Феномен женской прозы в русской литературе 1840–1860-х годов: проблемы изучения // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Вып. 3. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020. С. 26–30.
12. Ребель Г. М. Усадебный топос и жанровая специфика тургеневского романа // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1055–1060. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1055-1060
13. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://a-z.ru/women_cd1/html/s_vved.htm (дата обращения 22.01.2024).
14. Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Т. 4 (XIX век). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 574–588.
15. Gilbert S., Gubar S. The madwoman in the attic: The woman writer and the nineteenth-century literary imagination. New Haven: Yale University Press, 2000. 719 p.
16. Kelly C. A history of Russian women's writing 1820–1992. Oxford: Oxford University Press, 1994. 497 p.

Поступила в редакцию 26.02.2024; принята к публикации 09.09.2024

Original article

Anastasia A. Kalitnik, Postgraduate Student, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-4792-8458; tancazu@gmail.com

THE IMAGE OF THE MANOR HOUSE IN SOFIA ENGELHARDT'S SHORT NOVEL TWO HOUSEWARMINGS

Abstract. The article deals with the work of Sofia Engelhardt, a nineteenth-century female fiction prose writer. The significance of this study stems from the growing interest among researchers in women's prose, including the exploration

of “forgotten” authors associated with this genre. Contemporary scholars view women’s prose as a distinct gendered phenomenon, characterized by a unique perspective that sets it apart from male-authored works. However, discussions of Engelhardt’s writings tend to be superficial or occur primarily in relation to more celebrated authors such as Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky, and Alexander Ostrovsky. Our analysis focuses on the short novel *Two Housewarmings* written in the 1860s. The aim of this study is to examine the story through the main structural elements of artistic composition: narration, plot, conflict, characters, chronotope, and genre. The novelty of our research is the recognition that the manor house has not previously been the subject of in-depth analysis within the realm of women’s prose. We conclude that *Two Housewarmings* fits within the genre of the so-called “manor house short novel”, which was widely prevalent in the nineteenth-century Russian prose.

Key words: narrative, manor house short novel, chronotope, female prose, Sofia Engelhardt, nineteenth-century Russian literature

Acknowledgements. The author expresses her deep gratitude to her academic supervisor, Doctor of Philological Sciences, Professor A. V. Chernov, for his help in writing the article.

For citation: Kalitnik, A. A. The image of the manor house in Sofia Engelhardt’s short novel *Two Housewarmings*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1093

REFERENCES

1. Vershinina, N. L. Problems of fiction as a type of literature in literary studies of the 1920s and the 1930s (problems of genre and style). Pskov, 1997. 179 p. (In Russ.)
2. Domansky, V. A. Russian manor house in the nineteenth-century fiction: cultural aspects of the study of poetics. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2006;291:56–60. (In Russ.)
3. Erokhina, E. A. Once again about the organization of I. S. Turgenev’s estate plot (by the stories of the 1850s). *Cherepovets State University Bulletin*. 2022;3(108):152–162. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-11 (In Russ.)
4. Zlochevsky, G. D. Society for the Study of the Russian Manor House (1922–1930). Moscow, 2002. 56 p. (In Russ.)
5. Kazhdan, T. P. The artistic world of the Russian manor house. Moscow, 1997. 320 p. (In Russ.)
6. Klenova, Yu. V. Classics, fiction, mass literature: the problem of the boundary. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17:1(3):687–693. (In Russ.)
7. Likhachev, D. S. Poetry of gardens: A study of the semantics of park and garden styles. Garden as a text. St. Petersburg, 1991. 371 p. (In Russ.)
8. Markovich, V. M. Revisiting the distinction between the concepts of “classics” and “fiction”. *Classics and modernity*. Moscow, 1991. P. 53–66. (In Russ.)
9. Nechaeva, V. S. M. M. and F. M. Dostoevsky’s journal *Epokha* (Epoch). 1864–1865. Moscow, 1975. 305 p. (In Russ.)
10. Pisarev, D. I. A walk through the gardens of Russian literature. Destruction of aesthetics. Moscow, 2011. 287 p. Available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0360.shtml (accessed 22.01.2024). (In Russ.)
11. Popova, M. Yu. The phenomenon of women’s prose in Russian literature of the 1840–1860s: learning problems. *INITIUM. Literary fiction: experience of modern interpretation: collection of articles by young researchers*. Issue 3. Ekaterinburg, 2020. P. 26–30. (In Russ.)
12. Rebel, G. M. Manor topos and genre specificity of Turgenev’s novel. *Bulletin of Udmurt University*. 2020;30:6:1055–1060. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1055-1060 (In Russ.)
13. Savkina, I. L. Provincials of Russian literature (women’s prose of the 1830s and the 1840s). Wilhelmshorst, 1998. 223 p. Available at: https://a-z.ru/women_cd1/html/s_vved.htm (accessed: 22.01.2024). (In Russ.)
14. Shchukin, V. G. Poetry of the manor house and prose of the slum. *From the history of Russian culture*. Vol. 4 (the XIX century). Moscow, 1996. P. 574–588. (In Russ.)
15. Gilbert, S., Gubar, S. The madwoman in the attic: The woman writer and the nineteenth-century literary imagination. New Haven, 2000. 719 p.
16. Kelly, C. A history of Russian women’s writing, 1820–1992. Oxford, 1994. 497 p.

Received: 26 February 2024; accepted: 9 September 2024

ЛАРИСА ДМИТРИЕВНА БЕДНАРСКАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

(Орел, Российская Федерация)

ORCID 0000000262837346; bednarskaya.l.d@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ А. А. ШАХМАТОВА В XXI ВЕКЕ

А н н о т а ц и я . В книге А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» заложены идеи, которые по-новому воспринимаются на современном этапе развития лингвистики. Со времен В. В. Виноградова не было значительных исследований взглядов ученого, они в основном подвергались критике, поэтому актуальность и научная новизна статьи заключаются в позитивном анализе этих идей и обосновании их научных перспектив. Наследие ученого-энциклопедиста А. А. Шахматова анализируется с позиций структурно-семантического направления современной лингвистики, предтечей которого он был. Это и оригинальная подробнейшая классификация односоставных предложений, почти не изменившаяся до настоящего времени, но главное – это современное для нашего времени осознание системы и структуры языка. Само расположение материала говорит о том, что А. А. Шахматов в восприятии частей речи шел от античности, от коммуникативной роли предложения и его составляющих, определяя новаторскую методологию своего исследования. Огромный синкретичный фундаментальный фон историко-диалектологических исследований разных языков позволил сделать выводы, которые современники не восприняли, их значение стало понятно почти через век. Идеи А. А. Шахматова питают современные теории и научные дискуссии о соотношении слова, словосочетания и предложения-структуры, о первооснове мышления – коммуникации, о синтаксических отношениях – основе «строя» языка, о различении субстанций и отношений между ними, о логико-синтаксических типах предложений, о коммуникативном синтаксисе и актуальном членении предложения и т. д. В этом аспекте анализируются теория многоаспектности синтаксических единиц В. В. Бабайцевой, ее теория переходности и синкретизма, впитавшие идеи А. А. Шахматова. Они определили развитие теоретического синтаксиса и его практической интерпретации в образовательном процессе в конце XX и в XXI веке.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, синтаксис русского языка, теория многоаспектности синтаксических единиц, В. В. Бабайцева

Для цитирования: Беднарская Л. Д. Развитие лингвистических идей А. А. Шахматова в XXI веке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 60–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1094

ВВЕДЕНИЕ

А. А. Шахматов – ученый-энциклопедист, объединивший в своем научном творчестве исследователя «древнейшего периода» языка, диалектолога, компаративиста, широко и глубоко изучавшего славянские и другие индоевропейские языки, руководителя работы над Словарем русского языка, организатора и вдохновителя многочисленных фольклорных, этнологических и диалектологических экспедиций, прежде всего на Русский Север, ректора Московского университета. Его идеи заложили фундамент современного русского синтаксиса в его структурно-семантической интерпретации, они не уми-

рают, а постоянно развиваются. Работ, глубоко анализирующих в последнее время наследие А. А. Шахматова, не наблюдается, это объясняет краткость списка используемых источников.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

В 1911/12 учебном году в Петербургском университете А. А. Шахматов прочитал курс лекций «Очерк современного русского литературного языка», так началось создание монументального «Синтаксиса русского языка», который ученый писал до своей безвременной смерти. Эта уникальная книга создана на базе фундаментальных исследований по истории русского и сла-

вянских языков и диалектологии, что позволило А. А. Шахматову сделать новаторские теоретические выводы, на много лет опередившие время.

Оригинальная подробнейшая классификация односоставных предложений почти не изменилась до настоящего времени. Но главное – это современное осознание системы и структуры языка. Вначале описывается простое предложение, его состав и члены как определяющая структура, а затем – части речи, причем вначале дается подробнейшая характеристика существительному и глаголу с его производными – причастием и деепричастием. Так закладываются фундаментальные основы для функциональной грамматики, возникшей только во второй половине XX века. Описание каждой части речи предваряет мощная историческая и полилингвистическая многоаспектная эмпирическая база, позволяющая сделать опережающие время теоретические выводы. Само расположение материала говорит о том, что А. А. Шахматов в восприятии частей речи шел от античности, от первичной коммуникативной роли предложения и его составляющих. Об этом он говорит в самом начале своего труда, определяя новаторскую методологию исследования, правда, еще объединяя единицы синтаксиса со словом: «Синтаксисом называется та часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове...» [6: 17].

Огромный синкретичный фундаментальный фон историко-диалектологических исследований разных языков позволил сделать выводы, которые современники не восприняли, их значение стало понятно почти через век. О самом главном – соотношении слова и предложения-структуры, первооснове мышления – коммуникации-структуре А. А. Шахматов пишет в самом начале своего бессмертного труда. Что появилось раньше – слово или предложение? Вопрос задан имплицитно, но за ответом на него чувствуется огромная интеллектуальная обобщающая бесчисленные языковые факты работа мысли ученого:

«Все, что напряженными усилиями многих ученых выяснено по вопросу происхождения языка, убеждает в том, что язык возник как средство общения людей между собою; это общение имело целью сообщение говорящим не названий отдельных представлений, а тех или иных сочетаний представлений, соответствующих душевным его переживаниям, обнаруживающих факты его мышления. Следовательно, словесный знак получили сначала не отдельные восприятия, ощущения, чувства, хотения, а такие сочетания соответствующих им представлений, которые возникали в душе говорящего для обнаружения его воли, для утверждения или отрицания чего-либо; и лишь позже, путем расчленения

этих словесных знаков простых или сложных сочетаний, получились слова, означающие отдельные представления. <... > Как указано, в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова <...> обычно словосочетания и слова обретаются в составе предложения (здесь и далее курсив мой. – Л. Б.)» [6: 17].

Эти слова звучат во Введении как методологический манифест, оставшийся, однако, не услышанным даже ближайшими учениками. На протяжении всего XX века на страницах теоретических, в том числе академических, изданий велась нескончаемая дискуссия о том, какова исходная единица языка – слово, словосочетание или предложение? Анализ этой теоретической невнятицы посвящена моя новая монография «От слова к предложению или от предложения к слову?», находящаяся в печати.

В самом начале своей гениальной книги А. А. Шахматов пишет:

«Задачей синтаксиса является изучение как предложения, т. е. словесного выражения единицы мышления (это “школьное” определение предложения дожило до 80-х годов XX века. – Л. Б.), так и *выделившихся* указанным путем словосочетаний и слов, насколько, однако, эти последние – в своей ли форме или в своем употреблении – *не потеряли связи с предложением, сохранив значение частей или членов предложения*» [6: 17–18].

Таким образом, определяющая роль в соотношении *предложение – словосочетание* отдается предложению, а в соотношении *член предложения – часть речи – лексема – члену предложения*. Даже лучший ученик А. А. Шахматова В. В. Виноградов не обратил внимания на эти слова.

В самом начале книги содержатся идеи, которые стали воплощаться в жизнь через десятилетия. Вслед за А. А. Потемной логические компоненты суждения А. А. Шахматов называет психологическими: «термин *коммуникация* предпочитаю термину *пропозиция*, ибо пропозиция – термин логики» [6: 19]. «Сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой – те внешние средства, которыми она обнаруживается» [6: 20]. Для него коммуникация вмещает в себя и суждение, и грамматическое предложение, рождающееся в речи.

А. А. Шахматов говорит о тайне зарождения и оформления языковыми значениями мысли:

«Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является внутренняя речь, т. е. облеченная в слуховые, частью зрительные знаки мысли; во вну-

тренней речи конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации <...> вызвавший ее психологический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но и ряд других элементов в виде *представлений об отношениях и чувствах*, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу во внешнюю речь через посредство той же внутренней речи» [6: 20].

Так закладывается база для исследования самого процесса мышления посредством языка – когнитивизма, о котором заговорили только во второй половине XX века.

Чрезвычайно важными, вскрывающими сущность синтаксиса, опередившими свое время являются рассуждения *о синтаксических отношениях, различении субстанций и отношений* [6: 21]. Интересно то, что в русистике и XIX, и XX века уже после работ Ф. И. Буслаева в состав определений членов предложения не включается понятие *синтаксические отношения*, в лучшем случае говорят о «связях»: А. А. Потебня и Л. В. Щерба, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и А. М. Пешковский, Л. А. Булаховский и В. А. Богородицкий, В. В. Виноградов и Н. Ю. Шведова обходятся без этого фундаментального понятия. Как правило, в определениях синтаксических отношений, данных в словарях и монографиях, присутствует односторонний подход: учитывается или только типовая семантика грамматической категории, или только ее формальное выражение, часто отождествляются понятия *отношение* и *значение*, хотя чуткие лингвисты давно ощущают разницу между ними.

Первичным шагом в процессе познания мира является осознание отношений между «субстанциями» объективной действительности, в свою очередь, отраженных языком, и облечение этих отношений в языковую форму. «Субстанции» здесь не лексемы, а денотаты, имеющие разную структуру, на функционирование которых в речи влияют отношения, структурируемые в предложении. Взаимодействие языковых форм в синтаксической структуре влияет на понятийное лексическое значение, именно поэтому слово-лексема приобретает многозначность в функции члена предложения, становится полисемантической. Новое значение многозначного слова на основе метафоризации, чаще всего контекстуальной, появляется, проявляется и развивается только в предложении и сложном синтаксическом целом и лишь затем закрепляется в лексиконе – неслучайно значения лексем, прежде всего многозначных, в словарях

иллюстрируются предложениями. Человеческий разум с помощью языка способен осознать отношения разного уровня абстрагирования посредством осмысления «вещей» разной степени отвлеченности в их взаимных соотношениях. Понятие отношения предопределяет языковую структуру, в которой они проявляются, это отношения между компонентами структуры. Отношение в математике приближено к максимально абстрактной «субстанции», которая сама выступает как отношение. Язык, отражая осознаваемую разумом действительность, тоже помогает увидеть онтологические отношения между объективно существующими «субстанциями», выражаемыми языковыми формами. Отношения в языке – это отраженные мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности. Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определенную языковую форму выражения объективно существующих отношений. Отношения формируют модели предложений, а модель – структурная схема – представляет собой множество потенциальных параметров и совокупностей уже языковых взаимозависимых значений, составляющих систему компонентов структуры [5: 51 и сл.].

Именно на основе отношений, по А. А. Шахматову, выделяются «члены коммуникации» – грамматические члены предложения, и тут же высказываются мысли о разных семантических типах простых предложений: глагольном акциональном (*собака побежала*) и именном кваликативном (*Иванов офицер; он портной*). Через много лет эти мысли воплотятся в теорию логико-синтаксических типов предложения Н. Д. Арутюновой [1] и В. В. Бабайцевой [4]. Вслед за Ф. И. Буслаевым А. А. Шахматов выделяет члены предложения на основе синтаксических отношений: предикативных, атрибутивных, «объективных» и «предикативно-атрибутивных» [6: 29]. Описывая второстепенные члены предложения, А. А. Шахматов, однако, иллюстрирует их словосочетаниями – «грамматическими единствами» [6: 31–32]. Краткое описание словосочетаний предшествует описанию второстепенных членов [6: 36–37].

Исследуя природу коммуникации, А. А. Шахматов пишет о «расчленении предложения». Предложение *испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* членится на субъект *испуганная нами ворона* и предикат *взлетела на высокую липу*, то есть речь здесь идет не об отдельных

членах предложения, а о составе подлежащего и сказуемого – теме и реме. «Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях» [6: 28]. Так закладывается теория актуального членения предложения за много лет до открытий Пражского кружка.

А. А. Шахматов – автор теории двусоставных – односоставных предложений. Свой анализ он начинает с самых трудных для исследования односоставных именных предложений: «Как и всякое другое предложение, односоставные соответствуют коммуникации, сочетавшей представление о субъекте с представлением о предикате» [6: 49–50]. Подробнейшая их классификация, учитывающая тончайшие структурно-семантические оттенки, огромное количество иллюстраций из разных языков и эпох до сих пор вызывают восхищение. Во второй половине XX века В. В. Бабайцева объяснила их логико-лингвистическую природу.

По В. В. Бабайцевой, многоаспектность простого предложения обусловлена уже процессом его зарождения, планирования выбора языковой формы для выражения компонентов суждения. При возникновении мысли субъект речи определяет информационный центр высказывания и возможности его тема-рематического членения. Зарождение мысли связано с наглядно-чувственными образами: ощущениями, восприятиями и представлениями, которые сочетаются с вербальными средствами [3: 39], диктуют выбор структурной схемы *будущего предложения* в зависимости от коммуникативной задачи. В результате говорящий выбирает один из трех видов суждения: типичное логическое суждение с вербализованным субъектом и предикатом (двусоставное предложение); логико-психологическое суждение, в котором один из компонентов мысли представлен наглядно-чувственным образом, а другой – вербализованным понятием (односоставные предложения: *Красота! Светает*); или «нечленимое» суждение, в котором нет вербализованных компонентов (*Увы!*). Однако все три вида мысли выражают ее как двучленную, состоящую из определяемого и определяющего. В нечленимом предложении предмет мысли представлен в сознании как ощущение, восприятие или представление, вербализована эмоциональная реакция субъекта речи, выраженная междометием (*О!* или *Ах!*) [3: 29 и сл.]. Все три вида мысли оформляются предикативными отношениями, выраженными определенными языковыми формами.

Развивая мысли В. В. Бабайцевой, считаем, что это и есть категориальное грамматическое значение простого предложения – оно сосредоточено в оформлении *отношений* между двумя «субстанциями», осознаваемыми как предмет-денотат и его предикативный признак, как подлежащее и сказуемое [5], причем в качестве неопределенного пока денотата-темы высказывания может быть любая языковая форма, которой приписывается предикативный признак, имеющий в своей основе бытийность. Недаром человеческой мысли было так сложно осознать и определить предикативность предложения. Напомним, что между осознанием и описанием Аристотелем сказуемого и теоретическим определением В. В. Виноградовым предикативности прошло почти две с половиной тысячи лет.

Многоаспектного анализа требует и система членов предложения, которые оказались в центре пересекающихся синтаксического, морфологического, лексического и даже логического уровней. Это мешает поместить их в строгие классификационные рамки, что привело вообще к отрицанию второстепенных членов предложения в Грамматиках, написанных под руководством Н. Ю. Шведовой (1970, 1980–1982). Однако именно через них речевая стихия заполняет и преобразует языковые модели, функционируя в них, проявляя многофункциональность основных единиц языка – предложения и слова. В потоке речи происходит взаимодействие, взаимовлияние категориальных и функциональных значений. Так пополняется словарь путем образования многозначных слов.

Категориальное грамматическое значение части речи максимально близко к логико-грамматическому значению, самому абстрактному уровню семантики. Как синоним термин семантическое прилагается к терминам *понятийное, содержательное, смысловое, семиотическое, семиологическое* и под., то есть к самым разным аспектам лингвистики. Логико-грамматическое членение предложения имеет универсальный характер, так как отражает логическую структуру мысли (суждения-сообщения, суждения-вопроса, суждения-побуждения). С точки зрения логико-грамматической простое предложение всегда двучленно, каким бы способом ни выразился денотат-тема. Языковая форма грамматической категории простого предложения напрямую отражает структуру суждения и только потом наполняется коммуникативными, в том числе оттеночными, коннотативными смыслами, функционируя в речи, причем денотат может быть представлен

языковой формой, выражающей ощущения / восприятия / представления [4: 45 и сл.], в том числе имплицитной.

Простые предложения выражают двучленную мысль, отражение ее в языковых формах различно, оно совмещает логические и психологические аспекты, маркируемые вербализованными понятиями и невербализованными наглядно-чувственными образами, выраженными имплицитно. Это напрямую влияет на выбор для выражения мысли семантической (логико-синтаксической) модели и структурной схемы – определенного состава предложения.

Теория многоаспектности синтаксических единиц В. В. Бабайцевой, ее теория переходности и синкретизма, впитавшие идеи А. А. Шахматова, определили развитие теоретического синтаксиса и его практической интерпретации в образовательном процессе в конце XX и в XXI веке. Это важно понять, учитывая, что язык включает три компонента: систему языка, речевую деятельность и речь [2].

Здесь уместно привести цитату из статьи Л. В. Щербы:

«...мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [7: 24].

На ранних стадиях развития языка эти формы элементарны, диффузны, но они уже существуют. Говорящий не анализирует процесс своего словотворчества, даже когда художественно осмысливает объективный мир, но любой компонент этого языкового осмысления, даже фрейм во внутренней речи, состоящий из слова, реально или потенциально предикативен, так как направлен на коммуникацию. Замечательно сказал А. А. Шахматов: «Простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (то есть вообще определяю-

щую) связь» [6: 19]. Эта догадка открывает портал понимания того, как создавались и создаются первые высказывания и слова, как они развиваются на протяжении тысячелетий. Лингвисты, исследующие теорию номинации, поставившую вопрос об отражательном потенциале языковых единиц, пришли к выводу о том, что процесс номинации ведет к систематизации действительности, сведению бесчисленных субстанций и явлений, отраженных разумом, к их системному упорядочению с помощью формирующегося инвентаря языковых форм.

ВЫВОДЫ

Со времен Аристотеля человечество признает соотносительность логического и лингвистического, то есть единство слова, понятия и языковой модели, смысла и значения языкового знака. Сама формула суждения S – P возникла из реальной действительности, в форме закона, отражающего бинарность мысли: от определяемого к определяющему. Язык закрепляет логику мышления, грамматические формы уже содержат в себе логические формы, а логические формы не могут быть выражены иначе чем в языке. Но логическое может быть выражено только в структуре. То, что Аристотель определил как логические категории, Э. Кант – как априорные схемы рассудка, русские лингвисты исследовали как грамматические категории. В наше время абстрактные научно обоснованные понятия философии постепенно осмысливаются как грамматические категории, которые выражают обозначаемые языковыми формами отношения с помощью разноуровневых единиц языка, объединенных категориальной семантикой в функционально-семантические поля.

Все эти новые теории вырастают из бессмертной книги «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова – живого, неумирающего источника идей, которые питают новые животворные идеи лингвистов в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Б а б а й ц е в а В. В. Основные компоненты структуры языка // Вера Васильевна Бабайцева. Статьи последних лет. М.; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 30–44.
3. Б а б а й ц е в а В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА – Наука, 2011. 496 с.
4. Б а б а й ц е в а В. В. Синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА – Наука, 2015. 576 с.
5. Б е д н а р с к а я Л. Д. Структурно-семантические категории. М.: ФЛИНТА – Наука, 2019. 276 с.
6. Ш а х м а т о в А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
7. Щ е р б а Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

Поступила в редакцию 09.09.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Larisa D. Bednarskaya, Dr. Sc. (Philology), Professor, Orel State University named after I. S. Turgenyev (Orel, Russian Federation)
ORCID 0000000262837346; bednarskaya.l.d@mail.ru

EVOLUTION OF A. A. SHAKHMATOV'S LINGUISTIC IDEAS IN THE XXI CENTURY

Abstract. The book *Syntax of the Russian Language* by A. A. Shakhmatov contains ideas that are perceived in a new way at the present stage of the development of linguistics. Since the time of V. V. Vinogradov, there have been no significant studies of the scholar's views, and they have mostly been criticized, so the relevance and scientific novelty of this article lie in a positive analysis of these ideas and substantiation of their scientific perspectives, which underlie new linguistic theories. The legacy of the polymath scholar A. A. Shakhmatov is analyzed from the standpoint of the structural and semantic direction of modern linguistics, of which he was the forerunner. He was the author of the original detailed classification of mononuclear sentences, which has hardly changed to the present, but the main thing was his awareness of the system and structure of the language, which is modern even for our time. The very arrangement of the material suggests that A. A. Shakhmatov drew on antiquity in his perception of parts of speech, focusing on the communicative role of the sentence and its components. He speaks about this at the very beginning of his work, defining the pioneering methodology of his research. However, the huge syncretic fundamental background of historical and dialectological studies of different languages led to the conclusions that his contemporaries were not able to perceive, as their meaning became clear almost a century later. The ideas of A. A. Shakhmatov feed modern theories, scientific discussions on the relationships between the word, phrase, and sentence as a structure, on communication as the fundamental basis of thinking, on syntactic relations as the basis of the language "structure", on the distinction between substances and relations between them, on logical and syntactic types of sentences, on communicative syntax and the thematic-rhematic structure of sentences, etc. In this regard, the theory of multidimensional syntactic units by V. V. Babaitseva, as well as her theory of transitivity and syncretism, which absorbed the ideas of A. A. Shakhmatov, are analyzed, as they determined the development of theoretical syntax and its practical interpretation in the educational process in the late XX and the XXI centuries.

Key words: A. A. Shakhmatov, Russian syntax, theory of multidimensionality of syntactic units, V. V. Babaitseva

For citation: Bednarskaya, L. D. Evolution of A. A. Shakhmatov's linguistic ideas in the XXI century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):60–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1094

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. Sentence and its meaning: Logical and semantic problems. Moscow, 1976. 383 p. (In Russ.)
2. Babaitseva, V. V. Basic components of language structure. *Babaitseva, V. V. Recent articles*. Moscow; Stavropol, 2014. P. 30–44. (In Russ.)
3. Babaitseva, V. V. System of sentence parts in the modern Russian language. Moscow, 2011. 496 p. (In Russ.)
4. Babaitseva, V. V. Syntax of the Russian language. Moscow, 2015. 576 p. (In Russ.)
5. Bednarskaya, L. D. Structural and semantic categories. Moscow, 2019. 276 p. (In Russ.)
6. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)
7. Shcherba, L. V. About the threefold aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics. *Language system and speech activity*. Leningrad, 1974. P. 24–39. (In Russ.)

Received: 9 September 2024; accepted: 30 September 2024

ИРИНА МИХАЙЛОВНА КОБОЗЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ведущий научный сотрудник лаборатории исследования и сохранения малых языков

Институт языкознания РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4214-2878; kobozeva@list.ru

НАТАЛЬЯ ВАДИМОВНА СЕРДОБОЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследования и сохранения малых языков

Институт языкознания РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2417-5537; serdobolskaya@gmail.com

**ИСТОЧНИКИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КОННЕКТОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
(на материале базы Рускон)**

А н н о т а ц и я . Рассматриваются источники пополнения инвентаря средств связи частей сложного предложения, или коннекторов, в современном русском языке. В отличие от исследований, направленных на этимологический анализ отдельных коннекторов, ставится цель выявить общие тенденции деривации коннекторов в языке XX–XXI веков. Анализируются как единицы, морфосинтаксически неразложимые на синхронном уровне, так и составные коннекторы. Исследование основывается на материале базы данных Рускон, которая включает примеры, синтаксическую и семантическую информацию о 670 коннекторах русского языка. База составлена на основе словарей МАС, БТС, словаря Д. Н. Ушакова, словарей служебных слов под ред. Т. Ф. Ефремовой и В. В. Морковкина, а также Русской грамматики 1980 года. Кроме того, включены коннекторы из базы Конструкткон Национального корпуса русского языка. Работа по извлечению коннекторов из источников проводилась вручную. Для каждого коннектора фиксировалась его часть речи, значение согласно источникам, тип (для частиц), семантическое поле (согласно классификации Рускон) и подзначение. В настоящей работе анализируются новые коннекторы, то есть коннекторы, которые не размечены в источниках как союзы, а имеют помету «модальный уточнитель», «наречие в функции союза», «союзное соединение», «аналог союза» и т. п. Данные единицы классифицируются с точки зрения их частеречного статуса и семантики. Выявлены наиболее крупные источники пополнения инвентаря коннекторов – абстрактные существительные и образованные от них предлоги, наречия, особенно в сравнительной степени; комплексы союзов, союзов и частиц, а также сочетания союзов с демонстративом *тот*. Анализ новых коннекторов позволяет выявить тенденции эволюции русского языка в XX и XXI веках, что определяет актуальность исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коннектор, союз, дискурсивный маркер, вводное слово, грамматикализация, сложное предложение, комплементаризер

Б л а г о д а р н о с т и . Работа поддержана грантом РНФ № 22-18-00528.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 66–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1095

ВВЕДЕНИЕ

Инвентарь средств связи компонентов сложного предложения, или коннекторов, представляет собой крайне подвижное объединение, которое

подвергается постоянным изменениям как в плане самого набора коннекторов, так и в плане их значений (логико-семантических отношений) между клаузами [5], далее: ЛСО; напр. ЛСО

причины у союзов *потому что, так как* и т. п.). Неслучайно для характеристики менее устойчивых и более свободных сочетаний такого типа предложен сначала термин «коннектор» (включающий не только союзы, но и наречия, вводные слова, частицы и др.), а затем «речевая реализация коннектора» (в той или иной степени свободные сочетания коннекторов, такие как *а в то же время, а вместе с тем, и в то же время, но в то же время* и т. п.) [5].

Процесс постоянного пополнения инвентаря коннекторов может быть описан с помощью теории грамматикализации, то есть превращения лексических единиц в грамматические [11: 2] или, шире, в функциональные единицы, такие как союзы, предлоги или частицы [10: 2–4]. Для грамматикализации характерна фонетическая редукция (напр., союз *потому что* в речи часто звучит как [птушь, тушь]), морфосинтаксические изменения: синтагматические, в том числе закрепление определенного порядка слов (коннектор начинает употребляться в абсолютном начале клаузы: *так, тут*), парадигматические изменения, в частности облигаторификация (коннектор становится обязательным в том или ином контексте) и перестройка парадигмы: напр., показатель переформулирования *читай* может употребляться безотносительно к выражению вежливости, форма 2-го л. ед. ч. сохраняется даже в тех случаях, когда уместна вежливая форма *читайте*, в том числе при обращении к незнакомому адресату. При грамматикализации коннекторов происходят также функциональные изменения, а именно десемантизация входящих в него элементов (ср. коннекторы *в таком духе что; выходит*) и расширение употребления. Например, коннектор *тут* не только может указывать на место и употребляться с физическими ситуациями, локализованными в конкретном месте, а становится синонимичен выражению «в таком случае, в такой ситуации» и расширяет свое употребление на нелокализованные в конкретном месте ситуации, в том числе индивидуальные состояния и деятельности. При грамматикализации может также происходить семантическая идиоматизация (некомпозициональность) и ренализация, см. тип 2, описание коннектора *хорошо*.

Вопросы происхождения отдельных союзов и союзных слов СРЯ, то есть коннекторов, грамматикализовавшихся до начала XX века, исследуются в ряде работ (см., напр., [1], [7] и др.), в этимологических и исторических словарях¹. Настоящее исследование направлено на изучение источников пополнения инвентаря коннекторов и определение тенденций образования новых единиц такого типа в современном языке. В цен-

тре внимания находятся наиболее продуктивные средства образования коннекторов, которые задействованы в XX–XXI веках и продолжают активно использоваться в настоящее время. В силу этого мы анализируем единицы, которые вошли в основные словари и грамматики СРЯ, написанные в XX веке, однако еще не получили статуса союза (союзного слова) к моменту создания этих источников.

Работа ведется в рамках проекта по созданию базы данных коннекторов русского языка Рускон. База данных включает единицы из толковых словарей², словарей служебных слов³ и грамматики [9]; т.ж. включены единицы из базы данных Конструктикон⁴. Для каждого коннектора зафиксирована его часть речи, значение согласно источникам, тип (для частиц), семантическое поле (напр., причина, цель, конъюнкция и т. п.) и подзначение. Вручную отсеяны «неконнекторы», в том числе свободные сочетания коннекторов, средства соединения реплик в дискурсе, слова-предложения, устаревшие коннекторы и союзы, неспособные соединять клаузы. На основе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru/; далее: НКРЯ) все коннекторы снабжены примерами и размечены по семантическим и синтаксическим признакам.

Как писал А. А. Шахматов, «факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении» [8: 59]. В настоящей работе мы обращаемся к «близкой» диахронии: ставится задача охарактеризовать продуктивные процессы образования новых коннекторов в современном языке. В силу этого мы отобрали те коннекторы, которые вошли в базу данных Рускон, но не описываются как союзы или частицы в тех источниках, на которые опирается данная база. Это коннекторы следующих лексико-грамматических классов: аналог союза, частица-союз, конструкция с союзом, модальный уточнитель, наречие в функции союза, союзное соединение, устойчивое речение (термин [9], вслед за грамматиками XVIII века), фразеологический оборот в функции союза. Кроме того, включены единицы, которые входят в источники без указания части речи или имеют помету следующего вида: «в значении вводного слова, вводного словосочетания, союза, союзного слова, частицы».

Таким образом, мы рассматриваем только те единицы, которые в момент создания словарей [БТС, МАС, ТСРЯ] и грамматики [9] еще не признаны союзами и находятся в процессе грамматикализации. Такие коннекторы мы условно обозначаем как «новые»; всего на данный момент выделено 217 единиц. Условная гра-

ница современного употребления – 100 лет до текущего периода, 1930-е годы, время создания словаря Д. Н. Ушакова [ТСРЯ]. Ниже данные единицы характеризуются на основании частеречно-го статуса производящей основы и их семантики.

КЛАССИФИКАЦИЯ КОННЕКТОРОВ НА ОСНОВАНИИ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Новые коннекторы, выявленные согласно описанной выше процедуре, могут состоять из одной лексемы, которая грамматикализуется в новой функции (напр. *реже, далее, главное, хорошо*), либо из сочетания слов. В последнем случае мы характеризуем происхождение каждого нового коннектора в зависимости от того «опорного» слова, которое синтаксически является вершиной в этом сочетании. Например, коннектор *в результате* характеризуется как образованный от существительного *результат*, а коннектор *надо сказать* – как образованный от предикатива *надо*. В тех случаях, когда выделить вершину затруднительно – сочетания союзов и частиц (*а именно, да и*), сочетания с указательным местоимением (*да и то*), мы опираемся на семантический критерий: опорным словом считается та часть, которая наиболее близко отражает значение всего коннектора. Например, сочетание *а именно* может выражать значения переформулирования или конкретизации, так же как и союз *именно*, в то время как союз *а* сам по себе эти значения не выражает. В силу этого мы считаем *именно* опорным словом.

На основании частеречного статуса производящего слова (для однокомпонентных коннекторов) или опорного слова (для многокомпонентных) можно разбить новые коннекторы на следующие классы:

1) В основе коннектора – существительное или субстантивированное прилагательное

Это самый большой класс, включающий 36 единиц. Производящие лексемы являются десемантизированными абстрактными существительными, многие из которых вербализуют ЛСО: *время, причина, цель, результат, пример* и нек. др., выступающие в сочетании с предлогами и (иногда) союзами *что* (*в том отношении что*), *как* (*в то время как*) и *чтобы* (*с той целью чтобы*). Представлены следующие морфосинтаксические модели:

- Модель «в + локатив» (иногда с модификатором: *в одном случае, в другом случае*): *в том отношении что, в той связи что, в итоге, в результате*⁵ и др.
- Модель «в + аккумулятив»: *в первую очередь, в то время как, в то же время.*
- Модель «к + датив»: *к примеру, к слову.*

- Модель «по + датив»: *по всей вероятности, по преимуществу, по той причине что, по мере того как, по крайней / меньшей мере.*
- Модель «с + инструменталис»: *с той целью чтобы.*
- Модель «с + генитив»: *с одной стороны, с другой стороны.*
- Модель «на + аккумулятив»: *на первый взгляд.*
- Модель без предлога в инструменталисе (*временами, (одним) словом, другими / иными словами, главным образом, таким образом*) или в номинативе (*правда, главное*).

В составе данного класса коннекторов распространена модель «предлог + демонстратив, отсылающий к зависимой клаузе + абстрактное имя, вербализующее ЛСО + союз», напр. *с + той + целью + чтобы*. Такие коннекторы выступают непосредственно перед зависимой клаузой. В отличие от них, модель без демонстратива и союза (*в итоге, к слову*) не задает ограничений на позицию в составе зависимой клаузы и допускает различный линейный порядок. Субстантив в таких сочетаниях десемантизирован, напр. *слово* в составе коннектора *к слову, смысл* в составе коннектора *в том смысле что*, ср. тж. *главным образом, по мере того как, в том отношении что, с точки зрения того что, с одной стороны... с другой стороны*. Поскольку семантика коннекторов – это выражение ЛСО или близких значений, в данном классе преобладают абстрактные существительные, обозначающие онтологические категории или указывающие на характеристику, ракурс, аспект, точку зрения: *в том смысле что, в том отношении что, с точки зрения того что, с одной стороны... с другой стороны*, а также лексема *слово*, указывающая на речь: *другими словами, иными словами, к слову, одним словом, словом*. Интересен семантический сдвиг у лексемы *правда*, которая в качестве коннектора вводит не истинную информацию вообще, а адверсатив:

(1) «Книга замечательная, **правда**, второй раз перечитывать не возьмусь – тяжело...» [НКРЯ: Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм. 2009–2011].

Интересно также отметить, что есть субстантивы, реализующие три модели образования коннекторов с «переездом» и заменой демонстратива: *по той причине что – по причине того что – по этой причине*. Данные модели различаются степенью грамматикализации (наиболее грамматикализовано сочетание *по причине того что*; наименее грамматикализовано и по своим свойствам близко к свободному сочетанию *по этой причине*) и частотностью в корпусе: *по причине того что* (101 пример в современном подкорпусе НКРЯ, дата создания

после 1930 года), *по той причине что* (471 пример), *по этой причине* (1095 примеров). Различие в позиции указательного местоимения в этом и других сочетаниях может быть семантически мотивировано (в частности, *по той причине что* может быть интерпретировано как выбор из нескольких причин, то есть демонстратив не является десемантизированным, в отличие от *по причине того что*)⁶. Не для всех имен возможны все три модели, ср. *с той целью чтобы* – **с целью того чтобы* – *с этой целью*.

2) В основе коннектора – наречие

Наречия представляют собой наиболее крупный источник коннекторов (43 единицы), что ожидаемо, учитывая, во-первых, что наречия неизменяемы, и во-вторых, что многие единицы данного класса по своей семантике близки к коннекторам – например, наречия, указывающие на последовательность ситуаций (*далее, иногда, потом, затем*), на их частотность (*реже, чаще*) или место в определенной иерархии, задаваемой говорящим (*особенно; не просто... а / но (еще и); преимущественно; тем более (что)*). Если данные единицы занимают позицию в середине клаузы, в частности между аргументами и глаголом, они обычно интерпретируются как ее часть наравне с другими сирконстантами (2). Если же они занимают позицию в абсолютном начале клаузы и имеют просодическое оформление, характерное для вводных слов и сочетаний (3), то трактуются как коннекторы, соединяющие данную клаузу с предыдущей.

(2) «Только ястреб **иногда** пролетит над одинокой могилой» [МАС: 668].

(3) «К ней приходили за житейской мудростью, и она всех мирила и рассуживала; на даче перебивали разные люди вроде ее родного брата, племянницы, невесток, **иногда** там велись серьезные разговоры и споры, собиралось больше десятка человек, кричали и капризничали дети, а потом, быстро наевшись, убежали на улицу, оставляя взрослым пространство и время для скучных и вялых дел» [НКРЯ: Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

Коннекторное употребление возможно также у эпистемических выражений *верно, видимо, наверно, наверное* и наречий верификации *безусловно, бесспорно* и др. Эпистемические выражения приобретают коннекторную функцию в позиции между двух клауз, связанных ЛСО умозаключения, например:

(4) *У них в окнах не горит свет; **наверное**, их нет дома* (Сконструированный пример).

Далее, многие наречия приобретают функцию коннектора, употребляясь в сравнительной степени, – *далее, лучше, скорее, точнее, короче* и др. Большинство из них служат целям пере-

формулирования, то есть объясняют, почему последующее высказывание предпочтительно по сравнению с предыдущим. Данные коннекторы имеют метатекстовое употребление и могут сопровождаться глаголом речи (инфинитив или деепричастие), эксплицитно указывающим на метатекст, напр. *проще (говоря / сказать), правильнее (говоря / сказать), короче (говоря), точнее (говоря / сказать), иначе (говоря / сказать)*. Некоторые наречия допускают такое употребление без глагола речи; при других он обязателен. Сочетания первого типа могут быть проанализированы как опущение глагола речи и отнесены к глагольному типу.

Что ожидаемо, сравнительная степень наречий образует коннекторы сравнения, ср. *скорее... чем; скорее... нежели; так же как; чем... лучше*.

Интересен семантический переход у наречия *просто*: в коннекторном употреблении *просто* обозначает адверсатив (5) или степень для оценочного выражения: «до такой степени ужасная компания, что...» (6), «настолько кошмарно, что...» (7).

(5) «Ложки обычные, **просто** надо научиться ими пользоваться в условиях невесомости <...>» [gazeta.ru. 16.09.2021].

(6) «Там у них такая компания была – ужас, **просто** колония по ним плачет!» [НКРЯ: Нина Дашевская. Скрипка неизвестного мастера. 2015].

(7) «Если нет черных и белых полос в жизни – наступает кошмар, **просто** захлебываешься в отсутствии ориентиров» [https://ru.citaty.net/tsitaty/ 2022].

Наречие *чисто* и производная от наречия частица *прямо*, кроме основного значения, могут обозначать «только», «совершенно», «совсем» (МАС), а в коннекторном употреблении вводят симулятивные ситуации и могут быть заменены на (как) *будто*:

(8) «Там у нас на волоке дощаник с солью обмелел... веришь ли, на два года мужикам хватило, **чисто** бог послал» (НКРЯ) (ср. *прямо* Бог послал).

Наречие *мало* входит в рамочный комплекс *мало того что... а тут еще*, где значение незначительного количества переосмысливается как ироничная характеристика высокой степени нежелательной ситуации.

3) В основе коннектора – предикатив (14 единиц)

Как и наречия, предикативы выступают в коннекторной функции для кодирования ЛСО верификации или умозаключения: *видно (что), возможно, действительно, должно быть, естественно... но, несомненно, очевидно, понятно*, а также присоединения: *надо сказать* и заместительного отношения: *нельзя сказать чтобы... но*. Кроме того, есть коннекторы, вклю-

чающие предикативы сравнения *все равно как, все равно что*, модальный предикатив *нужно... чтобы* и оценочный предикатив *хорошо*, описанный в [6]. Данный коннектор возникает в результате последовательного опущения союза *что* при предикативе *хорошо*, ср. (9) и (10):

(9) «*Хорошо, что ты не поехала со мной*» [НКРЯ: В. К. Кетлинская. Мужество. 1934–1938].

(10) «*Ужас, что делается, хорошо ты не поехала никуда*» [УК НКРЯ].

Примеры опущения находятся не только в устной речи, ср.:

(11) «...он... вдруг жажнул кулачищем по столу, *хорошо* я успел кружку поднять» [Алексей Моторов. 2013].

В терминах теории грамматикализации [10], [11], происходит реанализ (переразложение) конструкции с предикативом и союзом, вводящим сентенциальный актант. Комплекс «хорошо, что Р» (*Ты не выключила утюг. Хорошо, что я был дома*) сначала начинает употребляться без союза: «хорошо Р» (*Ты не выключила утюг. Хорошо, я был дома*), затем *хорошо* начинает осмысляться как главная (смысловая) часть коннектора, а вторая часть *что* становится необязательной (*Ты не выключила утюг, хорошо я был дома*). Это отражается на просодическом уровне: *хорошо* произносится без ударения и без паузы перед началом следующей клаузы.

4) В основе коннектора – глагол (32 единицы)

Глаголы речи активно используются для формирования коннекторов зоны переформулирования – это инфинитивы и деепричастия в сочетании с наречиями, как правило, в сравнительной степени *иначе говоря, коротко говоря, короче говоря, лучше сказать, правильное говоря / сказать, проще сказать, точнее говоря* и др. (см. тип 2). Инфинитив и деепричастия глаголов речи используются также для обозначения аддитивности (*к слову сказать*), обобщения (*вообще говоря*), конкретизации (*собственно говоря*) и присоединительного значения (*да и то сказать*).

Далее, ряд коннекторов включают глаголы в 3-м лице единственного числа настоящего времени: это эпистемические выражения (*кажется, может; тж. может быть; может быть... может быть, может быть... но, может... (а) может*) и коннекторы умозаключения *выходит, стало быть* и *значит*.

Более редкие модели образования коннекторов от глаголов включают форму 1-го лица множественного числа *скажем* (значение конкретизации), императив *читай* (переформулирование), инфинитив с отрицанием *не сказать чтобы... а / но* (переформулирование и заместительные отношения) и сочетание *что касается того что* (топик).

5) В основе коннектора – вопросительное слово и местоимение (32 единицы)

Вопросительные слова служат основой для союзных слов на ранних этапах развития русского языка, поэтому вполне ожидаемо, что процесс грамматикализации сочетаний с вопросительными словами в коннекторы продолжается и в XX веке, ср. коннекторы *где бы, не столько... сколько, поскольку... постольку, сколь... столь (и), сколь ни, сколько... столько же (и)*. Интересен семантический переход у местоимений *тут, так: тут* теряет локативное значение и приобретает значение смены топика, ср.:

(12) «*Так о чем вы хотели со мной посоветоваться?*» Он нахмурился еще немного, но потом все равно рассказал. «*Понимаешь, – говорит. – Я тут жениться решил. Но у невесты моей вроде как уже есть ребенок*» [НКРЯ: Андрей Геласимов. Чужая бабушка. 2001].

Такое же употребление допускает местоименное наречие (частица в МАС и в словаре [СРЧ]) *так* (20); кроме более старого значения следствия, этот коннектор приобретает также значения конкретизации (синоним *например*), ср. (21); исключения (22) и противительности (23):

(13) «*Наши расчеты не подтвердились. Промучились мы долго; так мы, я продолжу, решили теперь сделать по-другому*» [Видоизмененный пример из Русграм⁷].

(14) «*Мухин не раз высказывался против такого подхода. Так, еще лет десять назад в одном из журналов он опубликовал на эту тему большую статью*» [ОСРЯ].

(15) «*Мы с ней не дружим – так, перекинемся иногда несколькими словами*» [СРЧ].

(16) «*Поехал бы, так денег нет*» [БТС].

Активной производящей основой является демонстратив *то* (в отличие от *это*), отсылающий к другой клаузе; конкретное ЛСО задает или отрицание, или другой союз, или частица. В XX веке грамматикализуются сочетания, основанные на катафорической отсылке *то* к клаузе в постпозиции: *не то что... а, не то что... но, не то чтобы... а, не то чтобы... но, не то... не то, то ли... то ли*. (Ср. грамматикализованные к XX веку коннекторы *а то; (а) не то*, которые в источниках уже признаются союзами.)

Зафиксированы также коннекторы *не что другое как, не что иное как*, производные от других местоименных основ. Относительно коннекторов с *этот* и *всё* см. тип 6.

6) В основе коннектора – предлог

Обширный ряд коннекторов (28 единиц) включает сочетание предлога с демонстративом *то*, отсылающим к другой клаузе, или вопросительным местоимением (анафорически: *вследствие чего* или катафорически: *вследствие того что*); при этом конкретное ЛСО задает предлог.

Речь идет о предлогах, способных управлять абстрактными именами, ср. *в силу того что, в подтверждение того что, для того чтобы, вслед за тем как* и др.; согласно [2], [3], способность к образованию союзов крайне характерна для единиц такого типа. Если предлог многозначный, коннектор чаще всего специализирован в одном его значении, характерном для ситуаций (подвид десемантизации). Уточним, что сам предлог может появляться в результате грамматикализации знаменательных слов, напр. *вследствие* < *следствие*, однако в настоящей работе мы не рассматриваем более глубокие ступени грамматикализации.

В этом классе можно выделить подкласс коннекторов, вводящих подчиненные клаузы и клаузы иного типа – сочиненные, вводные или же клаузы, присоединяемые на дискурсивном уровне.

А) Подчинительные коннекторы. В русских грамматиках, включая новейшую корпусную [Русграм], в категорию «составные союзы» включаются сочетания, имеющие структуру «предлог + *то* (в требуемом предлогом падеже) + *что / чтобы / как*». В [9] зафиксировано около 40 таких сочетаний, ср. *благодаря тому что, сверх того что, вслед за тем как, не считая того что*. Сочетания *в связи с тем что, в подтверждение того что, вместо того чтобы, вплоть до того что, между тем как, независимо от того что, смотря по тому* большая часть источников относит к уже грамматикализованным союзам.

В таких сочетаниях демонстратив используется катафорически:

(17) «Поэтому гарантирую, что проблем не будет независимо от того, что мы вступили в НАТО сейчас, а кто-то 15–20 лет назад» [Коммерсант, 21.12.2020].

Данные единицы употребляются как коннекторы с финитными клаузами и как предлоги с номинализациями:

(18) *вслед за освобождением города – вслед за тем, как город освободили.*

(19) *благодаря охотному участию детей в игре – благодаря тому (,) что дети охотно участвовали / участвуют в игре.*

Значение предлога в таких парах обычно не меняется; исключение составляет уже грамматикализовавшийся союз *меж(ду) тем (,) как*, не допускающий номинализации с тем же значением (ср., однако, фразему *между делом*).

Комплекс *то + что / чтобы / как* (реже: *будто*) + S образует именное словосочетание, которое в грамматике составляющих называется «сложной именной группой», то есть основной способ номинализации клауз. Кроме того, мно-

гие коннекторы такого типа имеют пару с местоимениями *что* и *это*, которые включают анафорическую отсылку и демонстрируют свойства сочинения (см. ниже тип Б):

(20) *вследствие того что – вследствие чего – вследствие этого.*

(21) *из-за того что – из-за чего – из-за этого.*

Данные коннекторы находятся на различных стадиях грамматикализации; при этом, по видимому, наименее грамматикализованными являются сочетания с *это*. Зафиксированы также сочетания с местоимением *весь*: *прежде всего, судя по всему*.

Б) Коннекторы, вводящие ассоциированные клаузы (дискурсивные маркеры, сочинительные коннекторы и коннекторы во вводных сочетаниях)

Если подчинительные коннекторы включают катафорическую отсылку к предикации в постпозиции, то данный тип образуется по модели «предлог + анафорическое местоимение *то / это / что*», напр. *кроме того, между тем, помимо того, сверх того, вследствие этого, из-за чего, более того, вместе с тем, тем самым*. В соответствии с этим данные коннекторы следуют ранней модели, представленной в уже грамматикализованных союзах *поэтому, притом*.

Особая модель зафиксирована у двухместных коннекторов *и без того Р, но / а (тут) (ещё) Q; на то_и Р, чтобы Q*. Здесь сочетание с предлогом и катафорическим *то* используется как часть конструкции с (практически) обязательной второй частью:

(22) «**Смоленская земля и без того** обильно полита кровью защитников Родины, **но** здесь, в Ельне, их полегло особенно много» [НКРЯ: И. К. Архипова. Музыка жизни. 1996].

(23) «**Вообще-то** в демократическом обществе не может быть абсолютной консолидации, **она на то и демократическое, чтобы** в нем существовали разные взгляды, разные группы интересов» [НКРЯ: Александр Храмчихин. Комплекс полноценности // «Отечественные записки», 2003].

7) В основе коннектора – уже существующие союзы (13 единиц)

Наиболее распространены сочетания с *а, и, да, но*, находящиеся в разной стадии грамматикализации, напр.: *а к тому же, и к тому же, и так, а еще, да еще, но ведь*. Источниками новых коннекторов являются также сочетания с *или (или иначе, или правильнее)* и *как (кроме как, как например)*. Как также образует семантически некомпозиционные сочетания с наречиями, ср. *как скоро, как вдруг* (у данных сочетаний затруднительно определить синтаксическую вершину, поэтому они могут быть также отнесены к нареч-

ным, тип 2). Некоторые источники, однако, уже считают данные коннекторы союзами, а не свободными сочетаниями.

8) В основе коннектора – частица (17 единиц)

В силу самого определения коннектора, частицы являются самым первым кандидатом для коннекторного употребления (ср. *ведь, же, мол*), поэтому такие случаи мы здесь не рассматриваем. Однако иногда частицы в коннекторной функции приобретают особое значение, которое нехарактерно для них при употреблении в составе клаузы. Это происходит с частицей *собственно* (значение согласно МАС: ‘именно’, ‘непосредственно’), которая в коннекторном употреблении имеет присоединительное значение. Кроме того, семантически некомпозициональны сочетания частиц *всё же* (значение уступки, которого нет у обоих компонентов), *ещё бы* в конструкции «Р (X) – ещё бы X-у не Р-инф» (оценка положения дел Р как неизбежного и безальтернативного; обычно следует за клаузой, выражающей Р).

Некомпозициональны также сочетания союза и частицы *а уж* (аддитивное значение, которого нет у компонентов), сочетания *пускай... а / зато / но / однако* (допущение, в отличие от *пускай* (желание)), *если даже, если и, коли даже и коли и* (уступительно-условное значение, в отличие от условного *если*), *если же и коли же* (альтернативное, «второе» условие, в отличие от *если и коли*), *лишь бы* (условие или цель, в отличие от ограничительного *лишь*), *ладно бы... а то* (условие и противительность, в отличие от утвердительной частицы *ладно*).

Ряд сочетаний по своему значению следуют производящей основе, однако признаются отдельными коннекторами в силу частотности всего сочетания как единого целого: это *а то и* (дизъюнкция, как и *а то*), *а все-таки* (противительность, как и *все-таки*), ряд сочетаний с *разве*: *разве вот, разве лишь, разве только, разве что, разве только что* (исключение, как и *разве*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы над базой данных Рускон были выявлены коннекторы, которые к моменту появления словарей [БТС, МАС, ОСРЯ, СРЯ, ТСРЯ,

ТССЧРРЯ] и грамматики [9] не признаются союзами, а находятся в процессе грамматикализации в функции средства связи частей сложного предложения. Настоящая работа обобщает данные по таким коннекторам и выявляет пути грамматикализации коннекторов в XX веке. Наиболее крупным источником пополнения инвентаря коннекторов являются слова, непосредственно выражающие ЛСО, – абстрактные существительные (*причина, образ, отношение* и т. п.) и образованные от них предлоги, а также наречия (*тогда, потом, далее*), в том числе сравнительная степень (*точнее, короче* и др.). Обширный класс составляют комплексы союзов, союзов и частиц, а также сочетания союзов с демонстративом *тот*. Данный демонстратив обычно отсылает к ассоциированной клаузе анафорически или катафорически, образуя устойчивые сочетания с предлогами (*в силу того что*), союзами (*а то*) или частицами (*то ли... то ли*). Глаголы речи в сочетании с наречиями образуют коннекторы, по большей части кодирующие переформулирование.

Пути грамматикализации многих союзов и коннекторов в СРЯ типологически широко засвидетельствованы, например, переход демонстративов в союзы (будь то в качестве части союза или целого), закрепление условных союзов с эмфатическими частицами в функции уступки, употребление вопросительных местоимений и глаголов речи в функции союзов (обычно, однако, в функции комплементаризера или показателя цели и причины, а не в коннекторах переформулирования или конкретизации). Для местоименного наречия образа действия (*так*) в типологии описан переход в комплементаризер (англ. *like*, нем. *so*); в русском языке данный показатель активно используется для выражения целого ряда значений, включая смену топика, конкретизацию, противительность и исключение.

Наиболее интересными представляются семантические переходы, которые наблюдаются у существительного *правда*, наречий *чисто, прямо, просто*, у многозначного коннектора *так* и местоимения *тут* в качестве коннектора. Любопытны также семантические переходы предикатива *хорошо* и частицы *ладно* (в комплексе *ладно бы... а то*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986–1987; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: В 2 т. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999.

² БТС – Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [Гл. ред. С. А. Кузнецов]; ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: Т. 1–4 / Сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935–1940; МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

- ³ ТССЧРРЯ – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: Ок. 15 000 словар. ст.: Ок. 22 000 семант. единиц, 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2004. 814 с.; ОСРЯ – Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / В. В. Морковкин [и др.]; Под ред. В. В. Морковкин; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Изд. 2-е, испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. 425 с.; СРЧ – Шимчук Э. Г., Щур М. Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1999. 146 с.
- ⁴ Конструктикон: Bast, R., A. Endresen, L. A. Janda, M. Lund, O. Lyashevskaya, D. Mordashova, T. Nessel, E. Rakhilina, F. M. Tyers, V. Zhukova. 2021. The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://constructicon.github.io/russian/> (дата обращения 07.08.2024).
- ⁵ Заметим, что многие сочетания данного типа имеют аналоги в классе предлогов (напр., *в результате эксперимента*), которые, с свою очередь, могут становиться коннекторами, присоединяя клаузы (*в результате того, что ты потерял ключи*).
- ⁶ Дополнительно о свойствах коннекторов *по той причине что* и *по причине того что* см. в [4], где они рассматриваются в более широком контексте конструкций, включающих существительное *причина* и союз *что*.
- ⁷ Русграм – Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.
2. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. Реестр русских предложных единиц. А – В (объективная грамматика). Кн. 1. М.: URSS, 2018. 304 с.
3. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. А – В (объективная грамматика). Кн. 2. М.: УРСС, 2018. 800 с.
4. Гончаров А. А., Кобозева И. М. Еще раз о существительном *причина*: конструкции с синтаксическим актантом, вводимым союзом *что* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог 2022». М.: РГГУ, 2022. № 21. С. 236–246.
5. Зацман И. М., Инькова О. Ю., Кружков М. Г., Попкова Н. А. Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и ее применения. 2016. Т. 10, № 1. С. 106–118. DOI: 10.14357/19922264160110
6. Иомдин Л. Л. *Хорошо меня там не было*: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций // Nomachi M., Danylenko A. & Piper P. (eds.). Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. Proceedings from the 36th meeting of the commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists. München; Berlin; Washington, 2014. P. 423–436.
7. Пичхадзе А. А. К истории союза / частицы *хотя* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Под ред. А. А. Пичхадзе. СПб. [и др.]: Нестор-История, 2020. С. 286–294.
8. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка [Старопечатное и редкое издание] / С введ. ст. С. И. Бернштейна. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
9. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980.
10. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press, 2004. 387 p.
11. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge University Press, 1993. 276 p.

Поступила в редакцию 23.09.2024; принята к публикации 04.10.2024

Original article

Irina M. Kobozeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-4214-2878; kobozeva@list.ru

Natalia V. Serdobolskaya, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-2417-5537; serdobolskaya@gmail.com

**GRAMMATICALIZATION SOURCES FOR RUSSIAN CLAUSE LINKERS
(based on materials from the RUSCON database)**

Abstract. This research article examines the sources of replenishment for the connective elements (clause linkers) in complex sentences, known as connectors, in modern Russian. Unlike studies focused on the etymological analysis of individual connectors, this study aims to identify the overarching trends in the derivation of connectors in the language

from the XX and XXI centuries. The paper analyzes both morphosyntactically indecomposable units at the synchronic level and compound connectors. The research utilizes data from the RUSCON database, which contains examples and provides syntactic and semantic information on 670 Russian connectors. This database was compiled using various sources, including *The Concise Academic Dictionary of the Russian Dictionary*, *The Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language*, D. N. Ushakov's dictionary, dictionaries of function words edited by T. F. Efremova and V. V. Morkovkin, and the 1980 edition of the *Russian Grammar*. Additionally, connectors from the Construction database of the Russian National Corpus were incorporated into the study. The process of extracting connectors from these sources was conducted manually. For each connector, relevant information such as part of speech, meaning according to the sources, type (for particles), semantic field (according to the RUSCON classification), and sub-value was documented. This paper specifically analyzes new connectors — those not classified as conjunctions in the sources but labeled as 'modal markers', 'adverbs functioning as conjunctions', 'conjunction phrase', 'analogues of conjunctions', and similar categories. These units are classified based on their part-of-speech status and semantics. The study highlights the primary sources contributing to the inventory of connectors — abstract nouns and prepositions derived from them, adverbs (especially in the comparative degree), complexes of subordinators and conjunctions, subordinators with particles, and combinations of subordinators with the demonstrative pronoun 'that'. The study of these new connectors sheds light on the new trends in the Russian language evolution during the XX and XXI centuries, underscoring the significance of this study.

Key words: clause linker, conjunction, discourse marker, introductory word, grammaticalization, complex sentence, complementizer

Acknowledgements. The work is supported by the Russian Science Foundation's grant No 22-18-00528.

For citation: Kobozeva, I. M., Serdobolskaya, N. V. Grammaticalization sources for Russian clause linkers (based on materials from the RUSCON database). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):66–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1095

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. The history of words: About 1500 words and phrases and more than 5000 associated words. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.)
2. Vsevolodova, M. V., Kukushkina, O. V., Polikarpov, A. A. Russian prepositions and similar expressions: Materials for the functional-grammatical description of the real usage of words. (M. V. Vsevolodova, Ed.). The register of Russian prepositional elements. A – B (objective grammar). Book 1. Moscow, 2018. 304 p. (In Russ.)
3. Vsevolodova, M. V., Vinogradova, E. N., Chaplygina, T. E. Russian prepositions and similar expressions: Materials for the functional-grammatical description of the real usage of words. (M. V. Vsevolodova, Ed.). The register of Russian prepositional elements. A – B (objective grammar). Book 2. Moscow, 2018. 800 p. (In Russ.)
4. Goncharov, A. A., Kobozeva, I. M. Revisiting the noun *prichina* (reason): complement constructions with the subordinator *chto* (that). *Computer linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the Dialogue international conference*. Moscow, 2022. No 21. P. 236–246. (In Russ.)
5. Zatsman, I. M., Inkova, O. Yu., Kruzhekov, M. G., Popkova, N. A. Representation of cross-lingual knowledge about connectives in supracorpora databases. *Informatics and Applications*. 2016;10(1):106–118. DOI: 10.14357/19922264160110 (In Russ.)
6. Iomdin, L. L. *Khorosho menya tam ne bylo* (good thing I wasn't there): syntax and semantics of one class of Russian colloquial constructions. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists* (M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper, Eds.). München; Berlin; Washington, 2014. P. 423–436. (In Russ.)
7. Pichkhadze, A. A. The history of the conjunction/particle *khotya* (although). *Essays on the syntax of the Old Russian and the Middle Russian language*. (A. A. Pichkhadze, Ed.). St. Petersburg, 2020. P. 286–294. (In Russ.)
8. Shakhmatov, A. A. An essay of the modern standard Russian language. Moscow, 1941. 288 p. (In Russ.)
9. Russian grammar. In 2 vols. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Moscow, 1980. 1496 p. (In Russ.)
10. Heine, B., Kuteva, T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2004. 387 p.
11. Hopper, P. J., Traugott, E. C. Grammaticalization. Cambridge, 1993. 276 p.

Received: 23 September 2024; accepted: 4 October 2024

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. А. ШАХМАТОВА

А н н о т а ц и я . Анализируется синтаксическая теория А. А. Шахматова с точки зрения ее эвристического потенциала и актуальности для современного языкознания. Доказывается, что понятие коммуникации в качестве психологической основы предложения, введенное А. А. Шахматовым в начале XX века, служило и продолжает служить надежным ключом к осмыслению предложения как важнейшей языковой единицы, а также для объяснения направлений его исторического развития. В отличие от господствовавших в европейском языкознании мнений, согласно которым в сочетании двух представлений, составляющих основу предложения, главным может быть любое из них в зависимости от воли говорящего, А. А. Шахматов утверждал, что господствующее и подчиненное представления коммуникации являются таковыми не по воле говорящего, а по их природе: господствующее представление – это представление о субстанции в материальном мире, подчиненное представление – это представление о ее изменчивом признаке, свойстве. Именно эта изменчивость представления о признаке, продиктованная природой его обозначаемого, и является толчком для синтаксического изменения в предложении, ибо язык, отражая опыт этнического существования, является важнейшим средством выражения этнического мышления. В этом состоят суть и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова, убедительно подтвержденные исследованиями по историческому синтаксису русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Шахматов, синтаксическая теория, коммуникация, предложение, типология предложений, мышление, эвристический потенциал, русский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Универсальность и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 75–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1096

ВВЕДЕНИЕ

Языкознание, которое на протяжении XIX столетия развивалось в основном как сравнительно-историческое, к концу столетия добилось общепризнанных внушительных результатов прежде всего в области исторической фонетики и в меньшей степени в области исторической морфологии. Были выявлены и сформулированы, в частности, многие важнейшие закономерности в развитии фонетического строя индоевропейских языков, успешно реконструированы древнейшие праязыковые состояния. Вместе с тем за тот же период наименее исследованным не только в историческом и сравнительно-историческом аспектах, но даже в синхронно-описательном оставался синтаксис. Поэтому к концу столетия безусловно актуальными и востребованными в науке о языке в целом стали исследо-

вания синтаксические, которые призваны были преодолеть прежде всего ограниченность синтаксиса логического, продолжавшего господствовать и в науке, и в школьном преподавании с XVIII столетия.

Вопросы и проблемы синтаксиса особенно остро стояли в преподавании языка в средних учебных заведениях. Поэтому вполне естественно начало XX столетия в России было отмечено появлением целой серии монографических синтаксических работ, выполненных крупнейшими представителями русского языкознания этого времени: А. В. Добиашем¹, Н. К. Грунским², Е. Ф. Будде³, учеником и последователем А. А. Потебни Д. Н. Овсяннико-Куликовским в развитие научных идей своего учителя [5]⁴, А. М. Пешковским [6] и др.

Синтаксисом русского языка в этот же период глубоко заинтересовался и А. А. Шахматов, которого всегда влекли малоисследованные проблемы в науке. Среди новых работ по русскому синтаксису его особо заинтересовал «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского, который первым изданием вышел из печати в 1914 году и которому, как он считал, «принадлежит совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису» (цит. по [4: 7]). А. А. Шахматов совершенно справедливо называл его «ценнейшим научным пособием», в котором

«автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествовавшими исследователями, а прежде всего Потебней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного» [4: 8].

Над синтаксисом русского языка А. А. Шахматов работал с 1916 года до конца жизни в 1920 году⁵.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. А. ШАХМАТОВА

Приступая к работе над синтаксисом русского языка, А. А. Шахматов имел в виду не столько русский литературный язык, который и являлся собственно предметом изучения в школе и вузе, сколько русский язык в целом со всеми его богатствами. Необходимо было, однако, предварительно найти ответ на вопрос о том, как, каким путем двигаться, чтобы все составляющие синтаксиса русского языка были адекватно выявлены и научно квалифицированы.

Все еще продолжавший господствовать логический синтаксис Шахматова не устраивал потому, в частности, что в нем слишком узко трактовалось предложение в качестве основного предмета синтаксиса, отождествляясь исключительно с суждением. Конструкции, выражающие волю, предписание, модальность, вопрос, субстанциальность, понятием «предложение» не охватывались, тем самым они полностью выпадали из синтаксиса. Вместе с тем только что наметившийся прямо противоположный, формальный подход к синтаксическим исследованиям, предложенный, в частности, и его учителем Ф. Ф. Фортунатовым, согласно которому задача синтаксиса – заниматься не логическими или психологическими основами языковых фактов [8: 192], а только лишь связями между словами, выявляемыми в словосочетаниях, его и вовсе не устраивал, поскольку в этом случае предложение оказывалось вообще утраченным, ибо оно выступало в качестве особой разновид-

ности словосочетания. При этом многие типы синтаксических конструкций характеризовались как «неграмматические». Грамматическими признавались лишь те предложения, в которых подлежащее в именительном падеже соотносилось со спрягаемой глагольной формой соответствующего лица. При таком решении вопроса о предложении как предмете синтаксического изучения многие реальные типы предложений – безличные, инфинитивные, номинативные, вокативные, двусоставные тождества и другие – также выпадали из синтаксической системы. И такое решение вопроса А. А. Шахматова тоже не могло удовлетворить.

Таким образом, оба подхода, во-первых, были почти идентичны по результатам и, во-вторых, далеки от объективного описания и объяснения синтаксической системы русского языка в целом. Поэтому А. А. Шахматов отказался как от старого, логического, так и от нового, формального, подхода к синтаксическим исследованиям, предложив свой, третий, путь, восходящий, с одной стороны, к историко-генетическим идеям А. А. Потебни, а с другой стороны, к идеям и функционально-синтаксическим принципам А. М. Пешковского.

Следует отдельно заметить, что А. А. Шахматов и А. М. Пешковский, блестяще осветившие один и тот же современный русский синтаксис, но по-разному и с разных сторон, были близки научно-методологически и несомненно испытывали взаимное влияние. Именно об этом свидетельствует высокая оценка, данная А. А. Шахматовым первому изданию «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского. Совершенно ясно также, что основательной причиной для коренной переработки «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковским к третьему изданию в 1928 году, когда, как он сам писал в предисловии к этому изданию, «около 3/4 текста было написано заново»⁶, мог быть выход из печати отдельными изданиями в 1925⁷ и 1927⁸ годах «Синтаксиса русского языка» А. А. Шахматова, на что указывает и сам А. М. Пешковский, ссылаясь на статью С. И. Бернштейна «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова», опубликованной в XXV томе Известий Отделения русского языка и словесности Российской академии наук в Петрограде в 1922 году⁹.

Определяя главную и универсальную единицу синтаксиса в качестве предмета исследования, А. А. Шахматов вслед за А. А. Потебней стано-

вится на историко-генетическую точку зрения, в соответствии с которой

«язык возник как средство общения людей между собою <...> с целью сообщения говорящим не названий отдельных представлений, а тех или иных сочетаний представлений, соответствующих душевным его переживаниям, обнаруживающих акты его мышления» [9: 17].

Все другие структурные единицы языка – словосочетания и слова – складывались «уже путем расчленения этих словесных знаков». Такие первичные словесные знаки, изначально являвшиеся средствами общения и сообщения, и называются предложениями.

Назначение языка, по А. А. Шахматову, – это словесное выражение мышления, психологическую основу которого «составляет тот запас представлений, который дал предшествующий опыт» [9: 17].

«Психологическую же основу предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем *коммуникацией*» [9: 17].

Введенное в научный обиход А. А. Шахматовым понятие «коммуникации», не сводимое ни к логическому или психологическому суждению, ни к понятию «пропозиция» в логике, но всегда представляющее собою выражение *сочетания представлений*, позволяло систематизировать все функционально и социально значимые языковые знаки, которые так или иначе служили целям общения между говорящими для передачи соответствующей мысли или реализации собственной воли либо желаний.

Коммуникация, по А. А. Шахматову, всегда двучленна и состоит из сочетания господствующего и подчиненного представлений, являющихся таковыми по их сути: представления о субстанции и представления о ее признаке, свойстве или отношении. А. А. Шахматов называет их соответственно психологическим субъектом и психологическим предикатом, которым в языке соответствуют грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое [9: 21]. Субъект и предикат коммуникации образуют два ее состава, следовательно, коммуникация всегда двусоставна. Выражаясь в синтаксисе, коммуникация может проявляться по-разному, а именно: 1) в полном объеме, что конституирует двусоставное предложение, в котором каждому составу коммуникации соответствует свой состав предложения; 2) двум составам коммуникации может соответствовать и один состав предложения, если одно

из представлений коммуникации остается языковыми средствами не выраженным.

Шахматовское определение субъектно-предикатных отношений в психологическом суждении принципиально отличалось от тех определений, которые были предложены представителями психологического направления в языкознании Габеленцем, Паулем и Вундтом [9: 22–26], в толковании которых господствующим членом психологического суждения является предикат, актуализируемый волей говорящего (логическим ударением). Прокомментировав психологическое суждение-пример Пауля *Карл едет завтра в Берлин*, в котором в зависимости от логического ударения предикатом может быть любое из входящих в него слов, а также пример Вундта *Сегодня день моего рождения*, где господствующим представлением также признается слово с логическим ударением, А. А. Шахматов уверенно заключает, что им «психологический субъект определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате» [9: 25]. Вместе с тем с учетом соображений Габеленца он допускает

«возможность в мышлении и таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению» [9: 24–25].

То, как понимать господствующее и подчиненное представления коммуникации, являются ли они таковыми по их природе или по воле говорящего, имеет, таким образом, основополагающее значение для синтаксической теории А. А. Шахматова, поскольку это служит ключом к убедительному объяснению введенного им понятия «состава предложения». В зависимости от того, как коммуникация выражается в предложении, выделяются две группы предложений по составу: 1) предложения, в которых «субъект и предикат коммуникации находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные» [9: 31]; 2) предложения, в которых «сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене», это предложения односоставные [9: 30]. История становления и развития этих типов предложения А. А. Шахматовым не рассматривается, но его синтаксическая теория универсальна и в полной мере применима и к их истории. Трудно согласиться с гениальным В. В. Виноградовым, который, в частности, писал о теории коммуникации:

«Шахматовское учение о коммуникации как об основном акте мышления, лежащем в основе всех разновидностей предложений, носит явно метафизический и субъективно-идеалистический отпечаток. Непригодность этого учения для уяснения сущности предложения и для последовательного разграничения основных видов и типов его в русском языке непосредственно очевидна из самого «Синтаксиса» А. А. Шахматова» [1: 7].

Заметим, однако, что представления, сочетающиеся в коммуникации в понимании Шахматова, соотносительны с субстанциями и их признаками во внеязыковой действительности. Ничего субъективно-идеалистического в этом понимании не просматривается. Оценка В. В. Виноградова больше подходит для характеристики суждений Габеленца, Пауля и Вундта, за которыми Шахматов не следует.

Что касается эвристического потенциала шахматовской теории коммуникации, то он безусловен: его синтаксическая теория служила и служит ключом к объяснению разнообразия и систематизации типов предложений в русском языке в их становлении и развитии. Шахматовская синтаксическая теория не имеет аналогов и существует уже более ста лет, и за это время альтернативы ей ни в отечественной, ни в мировой науке не было предложено. Как показывает история русского языка, исторически предложение в согласии с теорией А. А. Шахматова развивалось разнонаправленно, развертываясь либо в субъектном, либо в предикатном направлениях коммуникации, а также центростремительно. Развитие предложения в субъектном направлении, в направлении господствующего представления, когда предикатное направление оказывалось приглушенным, привело к зарождению и утверждению односоставных номинативных, вокативных предложений и предложений представления, предложений так называемого именительного представления по терминологии А. М. Пешковского. Развитие предложения в предикатном направлении привело к зарождению и утверждению односоставных инфинитивных и множества разновидностей безличных предложений. Развитие получил также и особый тип двусоставных эмфатических предложений, которые А. А. Шахматов назвал двусоставными несогласованными. Становление всех названных типов предложения в истории русского языка было долгим и последовательным, см. об этом [7: 56–160].

Все эти типы в современном русском языке блестяще и исчерпывающе описаны Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка», нередко и с отдельными историческими комментария-

ми. Уверенно можно утверждать, что «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова – это своеобразная энциклопедия русского синтаксиса, научные идеи которого мобилизуют и направляют исследовательскую мысль вот уже более ста лет, не говоря о систематизированном им колоссальном фактическом материале, о чем писал и В. В. Виноградов [1: 26].

Наряду с предложением как основной единицей синтаксиса предметом изучения в синтаксисе являются, по А. А. Шахматову, также единицы субпредложенческих подуровней – это грамматические единства, соотносительные с грамматическими составами предложения; словосочетания, вычленимые из грамматических единств; и слова, которые со стороны формы характеризуются в качестве частей речи и со стороны функции – в качестве членов предложения. Тех и других у Шахматова оказывается больше, чем обычно принято в традиционных грамматических исследованиях, потому что он часто опирается преимущественно на детализованные семантические критерии.

В заключение приведем обзор членов предложения, составленный самим А. А. Шахматовым, куда входят: 1) главный член односоставного предложения, 2) подлежащее двусоставного предложения, 3) сказуемое двусоставного предложения, 4) двойное сказуемое (одно глагольное, другое адъективное: *Он был болен*), 5) второстепенное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях (представляемое деепричастием: *Что имеем, не храним, потерявши, плачем*), 6) главный член господствующего состава несогласованных двусоставных предложений, 7) главный член зависимого состава таких предложений, 8) дополнительное сказуемое в некоторых односоставных предложениях (*Хожу печальный*), 9) дополнительное второстепенное сказуемое в некоторых односоставных предложениях (деепричастие: *Не видав работы, не видать вам и покоя*), 10) зависимые члены: определение, 11) предикативное определение, 12) приложение, 13) предикативное приложение, 14) служебные члены: связки. «Вне предложения стоят обращение и вводные слова» [9: 48].

В соответствии с предметом исследования «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова включает в себя три больших раздела: I. «Синтаксис предложения» с развернутым описанием типологии предложений («Учение о предложении» – 17–273); II. «Синтаксис словосочетания» («Учение о словосочетании» – 273–419); III. «Синтаксис частей речи» (420–508).

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, предмет синтаксиса в его расширенном значении структурирован и включает в себя три уровня. Но единственно главным его объектом является предложение как коммуникативная единица, для которой словосочетания, слова и части речи служат своеобразным строительным материалом, свойства и функциональная предназначенность которого зависят от его положения в предложении. И слово, и часть речи распознаются в связной речи, в предложении, и в этом А. А. Шахматов следует за А. А. Потембей.

Безупречно последовательно и логически непротиворечиво систематизировать огромный языковой материал практически невозможно, тем более, если в качестве основного руководствоваться семантическим принципом, который у А. А. Шахматова оказывается все-таки преобладающим. Именно поэтому у него получается такое большое количество членов предложения, потому же частью речи оказывается,

например, и префикс, лишенный признаков слова – целью оформленности и целью значимости; аналогично обстоит дело и со связкой в качестве члена предложения, хотя она не имеет своего лексического значения. Если бы А. А. Шахматов успел закончить свой «Синтаксис», как задумал, все три его раздела выглядели бы несколько по-другому. Но даже в его незавершенном первом варианте «Синтаксис русского языка» Алексея Александровича Шахматова – это одна из безусловных вершин в истории русской лингвистической науки и в истории русской культуры. Реализованная в нем синтаксическая теория универсальна и неопровержима. Можно уверенно утверждать, что «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова и «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского послужили основной научной опорой впервые составленной у нас в стране Большой Академической грамматики русского языка [3].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Добиаш А. В. Об элементарно-синтаксическом анализе в средней школе (применительно к греческому языку). Киев: Тип. П. Барского, 1899. 47 с.
- ² Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Т. I. Вып. 1–2. СПб., 1911. 339 с.
- ³ Будде Е. Ф. Основы синтаксиса русского языка. Казань: М. А. Голубев, 1913. 47 с.; Он же. Учебник грамматики русского языка. Ч. II. Синтаксис. М., 1913. 76 с.
- ⁴ См. также: Овсянко-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907. 240 с.
- ⁵ Имея в виду трудные условия жизни ученых в послереволюционное время, М. Горький писал в письме Фрильофу Нансену в начале сентября 1920 года: «Датский Красный Крест прислал продуктов в подарок русским ученым. Это произвело превосходное впечатление в мире работников русской науки. Но, к сожалению, они вымирают один за другим. Умер Шахматов (А. А. Шахматов умер 16 августа 1920 года. – З. Т.), умерли Венгеров, Тураев..., плохо чувствует себя Ольденбург и другие» [2: 130].
- ⁶ Пешковский А. М. Предисловие к третьему изданию // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е, совершенно переработанное, издание. М.; Л., 1928. С. 7.
- ⁷ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1: Учение о предложении и словосочетаниях. Л., 1925. 441 с.
- ⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 2: Учение о частях речи: дополнения. Л., 1927. 212 с.
- ⁹ Пешковский А. М. Предисловие к третьему изданию... С. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. С. 3–26.
2. Горький – Нансену // Переписка М. Горького: В 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986. 446 с.
3. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960. 703 с. Т. II. Синтаксис. Часть первая. М., 1960. 703 с. Т. II. Синтаксис. Часть вторая. М., 1960. 440 с.
4. Истрина Е. С. Работа А. А. Шахматова над синтаксисом // Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.
5. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902. 322 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003707057> (дата обращения 10.08.2024).
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 1. М., 1914 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/rsl01004193636> (дата обращения 10.08.2024).
7. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 208 с.
8. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 21 т. Т. I. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.

9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Поступила в редакцию 27.09.2024; принята к публикации 04.10.2024

Original article

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
savitarsampo@rambler.ru

UNIVERSALITY AND HEURISTIC POTENTIAL OF A. A. SHAKHMATOV'S SYNTACTIC THEORY

Abstract. The article analyzes the syntactic theory of A. A. Shakhmatov from the point of view of its heuristic potential and relevance for modern linguistics. It proves that the concept of communication as the psychological basis of a sentence introduced by A. A. Shakhmatov in the early XX century has always been a reliable key to understanding the sentence as the most important linguistic unit and to explain the directions of its historical development. In contrast to the prevailing opinions in European linguistics, according to which in a combination of two notions that form the basis of a sentence any of them can be the main one depending on the will of the speaker, A. A. Shakhmatov argued that the dominant and subordinate notions of communication depend not on the will of the speaker, but on their own nature: the dominant idea is the idea of a substance in the material world, while the subordinate idea is the idea of its changeable sign or characteristic. This variability of the idea of a characteristic, dictated by the nature of what it denotes, is the impetus for syntactic changes in a sentence, because language, which reflects the experience of ethnic existence, is the most important means for expressing ethnic thinking. This is the essence and heuristic potential of the syntactic theory of A. A. Shakhmatov convincingly confirmed by research on the historical syntax of the Russian language.

Keywords: Shakhmatov, syntactic theory, communication, sentence, sentence typology, thinking, heuristic potential, Russian language

For citation: Tarlanov, Z. K. Universality and heuristic potential of A. A. Shakhmatov's syntactic theory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):75–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1096

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. The teaching of Academician A. A. Shakhmatov on grammatical forms and parts of speech in the modern Russian language. *From the works of A. A. Shakhmatov on the modern Russian language*. Moscow, 1952. P. 3–26. (In Russ.)
2. From Gorky to Nansen. *Correspondence of M. Gorky: In 2 vols*. Vol. II. Moscow, 1986. 446 p. (In Russ.)
3. The grammar of the Russian language. Vol. I. Phonetics and morphology. Moscow, 1960. 703 p. Vol. II. Syntax. Part one. Moscow, 1960. 703 p. Vol. II. Syntax. Part two. Moscow, 1960. 440 p. (In Russ.)
4. Istrina, E. S. A. A. Shakhmatov's work on syntax. *Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian language*. (E. S. Istrina, Ed.). Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)
5. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. The syntax of the Russian language. St. Petersburg, 1902. 322 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003707057> (accessed 10.08.2024). (In Russ.)
6. Peshkovskiy, A. M. Russian syntax in scientific coverage. Moscow, 1914. Available at: <https://viewer.rsl.ru/rsl01004193636> (accessed 10.08.2024). (In Russ.)
7. Tarlanov, Z. K. The formation of the typology of Russian sentences in relation to ethno-philosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
8. Fortunatov, F. F. Comparative linguistics. *Fortunatov, F. F. Selected works: In 21 vols*. Vol. I. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
9. Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian Language. (E. S. Istrina, Ed.). Moscow; Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)

Received: 27 September 2024; accepted: 4 October 2024

ДАРЬЯ БОРИСОВНА ТЕРЕШКИНА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой би-
лингвального образования

Новгородский государственный университет имени Ярос-
лава Мудрого

(Великий Новгород, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА В СКАЗКАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ, ЗАПИСАННЫХ А. А. ШАХМАТОВЫМ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются нарративные и вненарративные элементы повествования, обнаруживаемые в записях сказок Олонецкой губернии, осуществленных А. А. Шахматовым в 1884 году и опубликованных в сборнике Н. Ончукова в 1908 году. Максимально возможная на то время по адекватному воспроизведению устной речи письменная ее фиксация позволила осуществить моделирование коммуникативной ситуации произнесения сказочного текста. Новизна исследования состоит в установке факта, что сказка в передаче А. А. Шахматова предстает не только собственно нарративом, развивающимся по законам устного народного повествовательного жанра, но и сложным актом коммуникации повествователя, слушателя (собирателя), героев повествования, внешних по отношению к героям и повествователю сил и т. д. В качестве вненарративных стратегий указываются пояснения-усиления, к которым прибегают информанты, прямые обращения к слушателю (собирателю), разветвленная система вводных конструкций; нарративные стратегии включают в себя речевую характеристику героев нарратива, полилоги, «внутреннюю речь» героя, «двойное рассказывание», «обратную связь» с Богом и умершими героями и др. Актуальность обращения к письменному наследию прошлого вызвана сложностью фольклорного текста, необходимостью широкого спектра методов и способов его описания, расширением самого понятия «текст» и вписыванием его в речевую ситуацию рассказывания, соединением понятий «жанр фольклора» и «речевые жанры», а также пониманием фольклора как традиционного и одновременно индивидуального отношения к миру и человеку в нем. Выводы исследования подтверждают значение научной работы А. А. Шахматова в области решения сложной задачи перевода в письменный текст произведения словесного творчества, соединяющего коллективное фольклорное и индивидуальное начало, а также всей системы характеристик нарративного дискурса в момент рассказывания, позволяющего расширить базовые понятия теории текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сказка, А. А. Шахматов, нарратив, вненарративные элементы, инвариант, коммуникативная ситуация

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена в рамках гранта РНФ «Концептосфера “новгородского текста”: база данных и интерпретация» Российского научного фонда, грант № 24-28-20343.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терешкина Д. Б. Коммуникативные стратегии нарративного дискурса в сказках Олонецкой губернии, записанных А. А. Шахматовым // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1097

ВВЕДЕНИЕ

А. А. Шахматов, великий русский лингвист, историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусской литературы и летописания, был замечательным и, как оказалось, прозорливым фольклористом-диалектологом и этнографом. Он сделал свои первые научные фольклорные записи в поездке по Олонецкому краю в 1884 году: 71 сказка, 11 былин,

2 духовных стиха, 30 загадок, а также свадебные песни и причеты. Русский Север всегда был объектом пристального внимания собирателей старины, и, продолживший исследования известных фольклористов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга и историка русского языка М. А. Колосова, А. А. Шахматов внес значительный вклад не только в фольклористику (зафиксировав ценные тексты), но и изучение фольклорной

коммуникации, которой ученый уделял особое внимание. За июль и август 1884 года он посетил Заонежье, Кондопожскую, Великогубскую, Шунгскую и Толвуйскую волости. Н. Е. Ончуков, осуществивший в 1908 году публикацию сказок, в том числе записанных А. А. Шахматовым, отмечает, что именно они «самым тщательным образом передают все особенности оригинала»¹. Поскольку записи велись исключительно письменно, многое из фонетических особенностей говора сказителей было упущено или унифицировано; не сохранились и имена некоторых сказителей, а также необходимые сведения о них. Однако в своих ранних фольклорных записях А. А. Шахматов заложил основы методики фиксации текстов в полевых условиях, что уже в начале XX века позволило создать программы для сбора и изучения народной словесности². Скрупулезность в указании всех элементов произносимого информантом текста позволила сохранить в фиксации акта рассказывания не просто сюжет фольклорного текста и его речевое оформление, но и множественные факторы коммуникативной ситуации, воссоздающие вариативные сценарии коммуникативных стратегий рассказчика.

Коммуникативной стороне исследования фольклорного текста в последнее время уделяется большое внимание:

«Очевидно, что дальнейшая разработка нарратологической проблематики в применении к фольклорному тексту должна строиться с учетом специфики устной речи и особенностей коммуникативной ситуации экспликации текста» [7: 210].

В теории нарратива господствующим становится взгляд на текст о событии как на коммуникативный акт, рассмотренный одновременно в синхроническом (в практике анализа категорий нарратологии) и диахроническом (в понятиях исторической поэтики) аспектах [2], [6].

Акт произнесения текста информантом исследуется с разных позиций; все более детальным становится изучение внетекстовых факторов речевой ситуации рассказывания (пения, сказывания и др.). Современные технологии фиксации актов коммуникации в ситуации произнесения фольклорного текста (которые, как известно, не сводятся только к воспроизведению собственно фольклорного текста) позволяют изучать фольклор с новых позиций [1]. Тем более важным оказывается исследование записей XIX века, которые, не имея детальных характеристик современных фиксаций текстов, тем не менее

предоставляют возможность судить о коммуникативных стратегиях рассказчика только исходя из записи непосредственно его речи. Записи сказок Олонецкой губернии, осуществленные А. А. Шахматовым, оказываются в этом смысле богатейшим материалом.

Коммуникативные стратегии рассказчика сказок Олонецкой губернии в записях А. А. Шахматова разделены нами на две группы: 1) собственно нарративные и 2) вненарративные.

Собственно нарративные элементы речевого дискурса гораздо уже, чем текстовые, поскольку записанный А. А. Шахматовым текст больше собственно нарратива. Вненарративные элементы А. А. Шахматов помещает в скобки; в записях других собирателей в сборнике Н. Ончукова такой тщательной фиксации особенностей рассказывания не наблюдается (в том числе в материалах самого Н. Ончукова), а по поводу записей М. Пришвина составитель сборника даже посетовал, что они обработаны в сторону большей книжности и правильности (Примеч. 1: XIV). Наблюдения над особенностями записанного А. А. Шахматовым текста проиллюстрируем на примере одной из наиболее распространенных и интересных сказок всего корпуса – «Иван Попович и прекрасная девица» (Примеч. 1: 202–213), записанной «от старушки Тараевой в с. Кондопоге Петрозаводского уезда Олонецкой губернии» (Примеч. 1: 202).

ВНЕНАРРАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Обращения к настоящему речевой ситуации (обращение к адресату текущего момента речи – собирателю): «Жил-был священник (как у нас в Кондопоге всё ровно)»; *указание рассказчика на свою забывчивость* (не позволяющую в деталях обрисовать ситуацию): «И брат всё медленно книгу читает. Есь не в каком царьствии (царьсва не знаю назвать)»; *пояснения-усиления*: «есь у царя доцька прекрасная дивица, хто на ю посмотрит, тот с ума рехнётца (хто на ю посмотрит)»; *повторы уже сказанного ранее (опасение, что слушатель (собиратель) забыл детали рассказа)*: «Ниужели моя сестра до того достойна, что за зверя замуж думать» (а у родителя так благословлено, что за перьвого свата дать)».

Примечательным оказывается коммуникативный прием не просто обращения к собирателю как собеседнику, но и *включения его в ситуацию нарратива* – чаще всего с частицей «вишь» («видишь»):

«Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с ними, подходит большаа сестра. “Милый братец, Иван Поповиц, пойдём на могилу, к Божьему храму к родителям своим” (попахать вишь хотят родителей своих)».

Вненарративными элементами становится в тексте целая система вводных слов, междометий и наречий, выражающих *отношение рассказчика к сообщаемому* (сочувствие героям, их положению и т. д.), и трансляция этого отношения адресату (собирателю): «Сестра закричала, смолиласи брату своему: “Братец мой, красота у меня ведь непомернаа...” (просит брата, вишь)». Важным элементом оказывается *пояснение непонятных собирателю, по мнению информанта, слов*: «Ён огвёрнулся (оделся) скоро и пошел», а также *прочие пояснения самого различно-го рода*:

«Был у него единый сын Иван Поповиц (изотчины у него не было). Потом стал у них татинька нездоров (тому помереть надо); стал ён сыну своему наказывать о дитях своих...».

Стоит отметить следующее обстоятельство. Чем динамичнее становятся события рассказа, тем больше пояснений приходится делать сказителю. Приведем пример:

«Росплатецтя Иван: “Ах же, милы зятева мои, не оставьте горевать меня, спустите эту шуку в синёе море” (шуку пёхнуть надо в синёе море, затым что нетелей оттуда выгонит). Лёв зверь кинул лапу на шуку, а медведь и дви (у лева, видно, силы болеэ), спёхнули шуку в море; в мори шука стрепехталась, а нетели с моря в гору побежали, а пастуху то и надо: ворон хватил быка за верховища, так и тащит с воды».

Наблюдения над «непонятными текстами», фиксируемыми без обработки в полевых условиях, все более интересуют исследователей народной традиционной культуры:

«Дословно расшифрованные полевые записи с трудом можно понять даже при наличии поясняющих комментариев собирателей. <...> рассказ представляет собой не столько изложение событий <...> сколько череду реплик преимущественно прямой речи и комментариев к ним информанта для собирателя <...> В этом то ли рассказе, то ли сценке по памяти мы имеем несколько уровней коммуникации, каждый из которых встроен в другой по принципу матрешки» [1: 13–14].

НАРРАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Собственно нарративные коммуникативные приемы в сказках, записанных А. А. Шахматовым, несомненно, занимают центральное место в акте рассказывания. Среди них главным становится само по себе повествование, воспроиз-

ведение нарратива – с эмоциональным включением, подробностями «из уст очевидца»: «Что за чудо за эдако, в эхтом мести и царьева не видано (не бывало, вишь, никогда, тут царьево сочинилось)». Процесс погружения в ситуацию нарратива порождает явление «обретения родства» с главным героем рассказа: он становится как бы своим, родным, и номинации героя трансформируются от нейтрального «Иван» к уменьшительно-ласкательным «Иванушко», «Ванюшка» и др.

Важным приемом в рассказывании истории является детальная передача прямой речи героев как косвенной, так и прямой речью:

«Потом стал у них татинька нездоров (тому помереть надо); стал ён сыну своему наказывать о дитях своих: как большаа дощери придёт перьвый сват, за того и выдать дощку, и другой дощери так же, как придёт перьвый сват, так и дать ю такождо, и так же и третьей дощери, как перьвый жених посватает, за того и выдать нужно».

Передача прямой речи, в том числе в форме диалогов, происходит с максимальной близостью к живой, непосредственной речи: «Выбегала сестра среди бела двора, стречает брата своего: “Откули тебя Бог принёс? Как же ты сюды зашол?”».

Пожилая женщина-информант, из уст которой звучала записываемая А. А. Шахматовым сказка, была, судя по всему, превосходной рассказчицей, обладающей богатым воображением и способностью полного погружения в изображаемое. В сказке «Иван Поповиц и прекрасная девица» мы видим не только редкий в фольклоре мотив чтения героем книги (в данном случае – растянувшееся на многие года действие героя), но и передачу «цитирования книжного текста» (то есть то, о чем именно читал главный герой):

«Тут ёны стали жить с братом, три сестры и брат. И брат всё медленно книгу читает. “Есь не в каком царьсвию” (царьсва не знаю назвать), “есь у царя дощка прекрасная дивица, хто на ю посмотрит, тот с ума рехнёття” (хто на ю посмотрит)».

Примечательны нарративные элементы, указывающие на особенности речевого взаимодействия героев:

«Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с ними, подходит большаа сестра. “Милый братец, Иван Поповиц, пойдём на могилу, к Божьему храму к родителям своим” <...> Ну и пошли ёны на могилу».

Чрезвычайно занимательны указания на коммуникацию героя с самим собой, внутреннюю речь, которая, не имея никакого содержательного значения в нарративе, передает тонкие грани образов главных героев и (что важнее) образа рассказчика:

«...“а жалаю прикрасну дивицю привести в тимницю, посадить возли меня рядом на стул, выцеловать несколько раз”. Пошел сторож: “Этакой подлець, какии ричи говорит: целовать прикрасную дивицю”. Однако же донёс прикрасной дивици слова его».

Сложные стратегии, когда в коммуникативной ситуации обозначены несколько коммуникантов, не единожды встречаются в создаваемом сказителем тексте, как в следующем примере, где не менее пяти участников речевой ситуации: девица, служитель, Иван (герои сказки), рассказчица, собиратель (стороны речевой ситуации рассказывания сказки информантом собирателю фольклора – слушателю):

«И говорит прикрасна дивица служителю своэму: “Поди купи у Ивана эту штуку у него, пусть продас мни” (кукшиньчик этот). Приходит сторож к нему и говорит: “Продай мни кукшиньчик, прикрасной дивици. Много ли тиби денег требуетца за то?”».

Коммуникация героя с самим собой («думание вслух») несколько раз встречается в цитируемой сказке и зачастую отражает сомнения героя, его душевную борьбу, видимую лишь повествователю:

«...читал ён ни много ни мало три года в ряд и дочитал до того места, что ити ему надо не в какоэ царсьвие, взять эту дочьку замуж за себя. “Не дурак ли я буду, что я пойду. Несколько сватало ю кнезей и бояр и некого ей не дадут, неужель она за меня пойдёт? Нет, однако, я пойду”».

Входит в нарратив и коммуникация героя с Богом (причем с «обратной связью»): «Смолитца Иванушка ко Господу: “Господи Боже мой, выведи меня на путь”. Пошел Иванушка путём-дорожкой, показал Господь дорожку ему», а также с упоминавшимися в рассказе (например, умершими) героями: «Матушка в земли говорит ей: “Бежи, дочь, домой, гляди, чорный ворон налетит, хватит тебя за верховищо и унесёт”». Примечательны коммуникативные связи говоримого сейчас с уже рассказанным ранее (то есть тем, что знает слушатель и чего не знает герой рассказа): «А прикрасна-то дивица не знала умысель его (что он делаат)». Это не только делает многомерным нарратив произносимого текста, но и сложной саму коммуникативную ситуацию рассказывания. Важно отметить, что мастерство сказительницы проявляется еще и в том, что, помня о деталях своего рассказа (о которых, быть может, уже успел забыть слушатель), она после целой череды повествуемых событий обращается к этим деталям как важным, значимым:

«Жили они побыли, маменька у них и померла. Вылили ёны патрет чугунный, снесли к Божьей Матери, в церквы поставили. <...> (Спустя достаточно большой

фрагмент текста. – Д. Т.) Слили патрет на татиньку такой же чугунный и так же к Богородици в церков к собору поставили (к жены так и поставили патрет, патрет о патрет)».

Этот пример говорит о сложных коммуникативных связях, которые держит в памяти и которыми управляет информант: сказитель – собиратель, сказитель – герои рассказа, герои рассказа между собой (в изложении информанта их речи – прямой и косвенной), герои рассказа живые – с умершими, герой в его коммуникации с Богом. При этом надо учесть, что это устный текст, рождаемый здесь и сейчас, и все стратегии должны быть скоординированы в ситуации нарратива и его переживания в момент речи.

Отмеченные нами нарративные и вненарративные стратегии рассказывания наблюдаются и в иных текстах сказок, записанных А. А. Шахматовым от разных информантов («Попадья, дячок и работник» – от Феофана Алексева Пормакова (Бирина) 62 лет из с. Кондопога Петрозаводского уезда (Примеч. 1: 222–224), «Замахнись, а не ударь» – от крестьянки Петрозаводского уезда (Примеч. 1: 228–232) и др.). Расширение анализируемого материала позволяет утверждать, что выявленные стратегии характерны (в большей или меньшей степени) для всех информантов А. А. Шахматова и, следовательно, для фольклорной сказки в целом.

Рассматривая три жанровые разновидности фольклорных текстов (рождественские колядки, заговоры и пословицы) как тексты сложной внутренней структуры, отдельные части которых могут иметь различные прагматические характеристики, С. М. Толстая пишет, что такие тексты обнаруживают

«разные коммуникативные (внутренние и внешние) характеристики, разное соотношение внутренней структуры, определяемой речевым поведением персонажей, и “внешней” коммуникативной функции, определяемой использованием текстов исполнителями в конкретных обрядовых или внеобрядовых (повседневных) ситуациях» [5: 182].

В полной мере подобное наблюдение может быть отнесено и к жанру фольклорной сказки – как в момент ее рассказывания, так и в процессе восприятия письменного текста, являющегося максимально точной фиксацией устного его инварианта [3].

Уникальный случай двойного рассказывания сказки в одном тексте был зафиксирован А. А. Шахматовым в сказке «Оклеветанная сестра», записанной от крестьянки д. Талая Гора

Петрозаводского уезда Лукерьи Филимоновны Марковой 21–22 лет. Кроме «двойного нарратива» (всю историю любви брата и сестры, которую пыталась известить невестка, рассказывает сначала сказительница, а потом (в составе нарратива) – сама пострадавшая, после чего злодейка и была наказана), сказка содержит повествование о многомерных и чрезвычайно сложных коммуникативных связях участников событий – клевете, обмане, переодевании, подмене писем, ложной информации, передаваемой устно, пари и условиях, применяемых в ситуации общения недругов, и т. д. Сложность коммуникаций внутри нарратива обуславливает сложность восприятия повествуемого слушателями – им приходится чутко следить за сюжетными поворотами, чтобы понять, что к чему. Этим отличается устная передача повествовательного текста; тем более ценным является адекватная запись такого текста со всеми «темными местами», обусловленными дискретностью процесса рассказывания, усиливающей дискретность художественного текста как такового.

«Дуализм фольклорного текста делает возможным получение объективных научных результатов лишь при условии точного воспроизведения звучащего текста в письменной форме» [4: 147].

Интересно то, что в некоторых случаях очевидными оказываются гендерные различия в тематике и стилистике сказок. «Оклеветан-

ная сестра» – типично «женская» сказка. Вообще женщинам свойственно рассказывать именно волшебные сказки, с разветвленным сюжетом, деталями, перипетиями. «Мужские» сказки часто бытовые, иногда скабрёзные, с вульгаризмами (см., напр., сказку «Чесалка», записанную в с. Кондопоге Петрозаводского уезда от Феофана Алексеева Пормакова (Бирина) 63 лет). Впрочем, скабрёзные сказки мастерски рассказывают и женщины (см., напр., сказку «Поп и ночлежник», записанную в с. Толвуя Петрозаводского уезда от некой Марьи Павловны, возраст которой не указан).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные сценарии коммуникации стали очевидными благодаря интуитивному убеждению А. А. Шахматова в необходимости фиксации по возможности максимально полного говоримого (не только рассказываемого) информантом текста. В этом смысле работа А. А. Шахматова с фольклором Олонецкой земли отразила важнейший этап формирования научного подхода к собиранию и сохранению устного народного творчества. Задолго до появления в полевых исследованиях звукозаписывающих аппаратов А. А. Шахматов заложил основы традиции максимально полной фиксации речевой ситуации рассказывания, без которой полноценное изучение фольклора оказывается невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 33). С. 201.
- 2 Чернышев В. И. Программа для собирания особенностей великорусских говоров. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселова И. С., Степанов А. В. Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
2. Волошинова Т. Ю. Эстетика тождества: назад в будущее? Читатель художественного текста как субъект коммуникации в современном обществе // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 186–192.
3. Померанцева Э. В. Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
4. Сердюк М. А. Фольклорный текст через призму его субстанциональных свойств // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (136). С. 146–149.
5. Толстая С. М. Коммуникативная структура фольклорного текста (колядка, заговор, пословица) // Текст в языке, речи, культуре: Сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2017. С. 174–183.
6. Филонов Е. А. Художественное повествование как объект нарратологии и исторической поэтики // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 8 (38). С. 67–71.
7. Черванёва В. А. Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 201–215.

Daria B. Tereshkina, Dr. Sc. (Philology), Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF NARRATIVE DISCOURSE IN THE TALES OF THE OLONETS PROVINCE RECORDED BY A. A. SHAKHMATOV

Abstract. The article examines the narrative and non-narrative strategies of the storytelling in the fairy tales of the Olonets Province recorded by A. A. Shakhmatov in 1884 and published in the compilation of N. Onchukov in 1908. At that time, the most advanced techniques of written representation of oral speech were used, which ensured its accurate fixation, and this enabled the modeling of the communicative context in which the fairy tales were told. The novelty of this study lies in its assertion that, in A. A. Shakhmatov's presentation, the fairy tale operates not only as a straightforward narrative following the conventions of oral folk narrative tradition but also as a multifaceted act of communication involving the narrator, the audience (or collector), the story's characters, and some forces external both to the characters and the narrator. This study identifies non-narrative strategies such as explanatory amplifications used by the informants, direct appeals to the audience (or collector), and a complex set of introductory phrases. In contrast, narrative strategies encompass various elements, including the verbal characterization of the narrative's heroes, polylogues, the characters' "inner speech", "double narration", and "feedback interactions" with God and deceased characters, etc. The relevance of revisiting the written heritage of the past stems from an acknowledgment of the intricate nature of folklore texts. This complexity demands a diverse array of methods for analysis, broadening our understanding of the term "text", contextualizing it within the framework of storytelling, and merging the concepts of "folklore genre" and "speech genres" into the understanding of folklore as a traditional yet uniquely personal perspective on the world and human's place within it. The findings of this study underscore the importance of A. A. Shakhmatov's contributions to the challenging endeavor of transcribing verbal creativity into written form, merging collective folklore principles with individual expressions, and illuminating the intricate characteristics of narrative discourse as it unfolds. These insights ultimately contribute to expanding foundational concepts of the text theory.

Key words: fairy tale, A. A. Shakhmatov, narrative, extra-narrative elements, invariant, communicative situation

Acknowledgements. The article was written as part of the Russian Science Foundation's grant No 24-28-20343 "Conceptosphere of the "Novgorod text": database and interpretation".

For citation: Tereshkina, D. B. Communicative strategies of narrative discourse in the tales of the Olonets Province recorded by A. A. Shakhmatov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1097

REFERENCES

1. Veselova, I. S., Stepanov, A. V. Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North). *RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2019;4:10–24. (In Russ.)
2. Voloshinova, T. Yu. Aesthetics of identity: back to the future? The reader of a literary text as a subject of communication in modern society. *Topical issues of the theory of communication: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2004. P. 186–192. (In Russ.)
3. Pomerantseva, E. V. Russian oral prose. Moscow, 1985. 272 p. (In Russ.)
4. Serdyuk, M. A. Folkloric text described from the point of its substantive features. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;2(36):146–149. (In Russ.)
5. Tolstaya, S. M. The communicative structure of folklore texts (carols, spells, proverbs). *Text in language, speech, culture: Collection of research articles*. Minsk, 2017. P. 174–183. (In Russ.)
6. Filonov, E. A. Narrative of fictional text as an object of narratology and historical poetics. *Science and Business: Ways of Development*. 2014;8(38):67–71. (In Russ.)
7. Chervaneva, V. A. Changing points of view as a device in the texts of oral tradition: on the issue of the observer in folklore. *RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2022;4(2):201–215. (In Russ.)

Received: 7 September 2024; accepted: 30 September 2024

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ШУЛЕЖКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования заведующий Научно-исследовательской словарной лабораторией

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

(Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0314-6721; shulezkova@gmail.com

ШАХМАТОВСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ КАК ОПОРА ПРИ СОЗДАНИИ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ БЕСПИСЬМЕННОГО ЭТНОСА

А н н о т а ц и я . Автор поднимает проблему преемственности лексикографических приемов описания языковых единиц, в том числе сверхсловных, разработанных А. А. Шахматовым. Первый и второй выпуски II тома «Словаря русского языка», созданные под его редакторством, являют собой новаторский труд тезаурусного типа. Они демонстрируют продуктивность использования в словарном деле принципов антропоцентризма, историзма, системности и коммуникативности при описании языковых единиц словного и сверхсловного типа. Опыт А. А. Шахматова сыграл не последнюю роль в становлении отечественной лексикографии и фразеологии. Особую актуальность его лексикографическая концепция приобретает в условиях вымирания под давлением цифровой цивилизации языков малых бесписьменных народов. Утратив собственный язык, этнос, как правило, теряет и свою идентичность. Такая судьба грозит и нагайбакам, одному из малочисленных коренных народов Южного Урала. Задавшись целью помочь нагайбакам избежать «растворения» среди соседних многочисленных наций, магнитогорские лингвисты разработали программу внедрения нагайбакской письменности. Центральное место в ней, помимо изобретения алфавита и написания краткой грамматики, принадлежит созданию различного типа словарей исчезающего языка. И в этом деле шахматовская концепция, требующая ориентации на живую разговорную речь народа, сыграла решающую роль. После публикации русско-нагайбакского и нагайбакско-русского словаря-перевертыша, нагайбакско-русского словаря с грамматическими пометами, а также словаря нагайбакских пословиц, перед коллективом встала задача издания нагайбакского фразеологического словаря. В решении этой сложной задачи шахматовские принципы описания русских сверхсловных единиц, подвергнутые анализу в предлагаемой статье, приняты как основополагающие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словарь-тезаурус, словарная статья, сверхсловная единица, бесписьменный народ, угроза исчезновения, живая разговорная речь, культура народа

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование осуществлено при поддержке гранта Российского научного фонда и Правительства Челябинской области. Проект № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как базы для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шулержкова С. Г. Шахматовские принципы лексикографирования как опора при создании словарей для бесписьменного этноса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098

ВВЕДЕНИЕ

В научной деятельности академика А. А. Шахматова активная редакторская и творческая работа над «Словарем русского языка» (СРЯ) занимала не очень много времени. Он приступил к ней в 1895 году, спустя всего несколько месяцев после блестящей защиты магистерской диссертации, которая завершилась присуждением

ему степени доктора русского языка и словесности, а также приглашением молодого ученого на должность адъюнкта Петербургской Академии наук. При его непосредственном участии (и как собирателя иллюстративного материала, и как автора словарных статей, и как редактора) было создано два первых выпуска второго тома СРЯ. Хотя общее руководство работой

над словарем Шахматов продолжал осуществлять до 1916 года (см. [5: 189–196]), только в выпусках 1897 и 1898 годов была реализована его новаторская лексикографическая концепция, кардинально отличающаяся от позиции Я. К. Грота, редактора трех выпусков 1-го тома СРЯ [5: 208]. Именно первые два выпуска 2-го тома позволяют признать шахматовский опыт «уникальным примером словаря тезаурусного типа, аналога которому в русской лексикографии до сих пор не было и нет» [7: 891].

Программу работы над «Словарем русского языка», ответственность за продолжение которого на него была возложена, Шахматов озвучил на заседании возглавляемого им коллектива [3: 899–902]. Указав на то, что словарь оправданно «черпает материал не из одних только литературных произведений, а также из языка делового и научного», так как «предназначается не для одних филологических, но также для практических целей» [3: 900], новый редактор предложил два пути выполнения основной задачи «Словаря»:

1) «расширить круг писателей, из которых черпается словарный материал»; 2) «признав язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, источником Словаря сделать живой русский язык» [3: 900].

Сложившаяся в 1895–1898 годах шахматовская система, при которой синхронное описание лексико-фразеологического фонда языка, взятого во всех сферах его функционирования, сочетается с историко-этимологическим и лингвокультурологическим его анализом, остается по-прежнему образцом полноты, тщательности и научной достоверности. Лексикографический опыт Шахматова был настолько впечатляющим, что в разное время, «особенно в конце XX века вновь и вновь возникали разговоры о том, что “хорошо бы иметь словарь русского языка шахматовского типа”» [2: 948].

Но не все ученые однозначно отнеслись к лексикографическому опыту Шахматова. Став председателем Словарной комиссии Академии наук, выдающийся лингвист Л. В. Щерба в 1929 году высоко оценил две идеи А. А. Шахматова: 1) сделать словарь не литературного типа, а «словарь всего русского языка, всех его диалектов, на протяжении XVIII и XIX веков, со включением и фактов живого разговорного языка»; 2) примеры должны были стать основой Словаря, вместо того, чтобы играть лишь иллюстративную роль». Но эти два достоинства, считал Щерба, «имели и плохие последствия: во-первых,

в Словаре соединены несоединимые вещи: литературное и областное»; во-вторых, «ускользнула задача составления Словаря русского литературного языка» [12: 905], то есть он фактически перестал быть нормативным.

Свою статью «Основная идея шахматовской лексикографии» Л. С. Ковтун начинает с попытки примирить эти резко отличающиеся друг от друга оценки:

«...вопрос о шахматовской традиции не терял своей остроты. Профиль академического словаря, предложенный в выпусках под редакцией А. А. Шахматова, вызывал и продолжает вызывать двойственное отношение: а) попытка создать thesaurus в применении к живому языку расценивается как *утопия, замысел, который не может увенчаться успехом*; б) шахматовский период русской академической лексикографии признается ее *научной вершиной*. Итак, с одной стороны, неосуществимость замысла А. А. Шахматова, с другой – высокий научный потенциал выдвинутых им принципов описания словарного состава языка. *Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились*» [4: 62].

Эту мысль развивает Е. В. Пурицкая:

«Сегодня сама лексикографическая практика приорила эти два взгляда существованием словарей разных типов литературного языка, а также диалектных, исторических, терминологических и др. – и очевидно, дело только будущих технологий свести эти словари в одну интегративную базу» [8: 955].

Влияние шахматовской лексикографической концепции на развитие не только отечественного, но и мирового словарного дела охарактеризовал А. С. Герд:

«...в целом мировая лексикография идет, с одной стороны, по линии создания больших многотомных словарей академического типа, а с другой – в направлении углубления типов словарей по запросам общества...» [2: 949].

Об отечественном лексикографическом буме второй половины XX – первой четверти XXI столетия, отразившем обе эти тенденции, написано достаточно много. Что касается первой тенденции, укажем в качестве образца на фундаментальную работу наших ученых над «Большим академическим словарем русского языка» (БАС 2004–2021), 27 томов которого уже дошли до читателя¹. Не могла не повлиять шахматовская лексикографическая концепция и на развитие фразеологии.

Фразеологи не оставили без внимания принципы отбора А. А. Шахматовым сверхсловных единиц в словаре тезаурусного типа, место, какое он определял сверхсловным единицам в структуре словарной статьи, многогранность их описания как элементов языковой системы не только

через характеристику их значений, но и указания на их происхождение, сферы употребления и связь с другими единицами лексико-фразеологического фонда русского языка, а также точное указание источников фиксации примеров их употребления.

Шахматов, естественно, был не первым ученым, решившимся описать русскую языковую стихию через «представление» в словаре не только лексем, но и *сверхсловных единиц* (или *речений*, как обычно называли их составители словарей XVIII–XIX веков). Столетием ранее протопресвитер Московского Архангельского собора, член Российской Академии наук П. А. Алексеев, подвергая историко-семантическому анализу один из важнейших пластов русского литературного языка XVIII века в «Церковном словаре»², в качестве объектов анализа, помимо лексем, привлек и сверхсловные единицы. Система описания в обоих типах словарных статей у Алексеева была одинаковой: каждая языковая единица (как лексема, так и речение) сопровождается 1) указанием на язык-источник; 2) переводом заимствованной единицы на русский язык; 3) названием сочинения и той его части (главы, стиха), к которой эта единица восходит; 4) семантической характеристикой УСК с опорой на их толкование в богословских сочинениях. Так, к примеру, в блоке «А» 1-го тома Алексеевым описано около трех десятков сверхсловных единиц, среди которых значительная часть хорошо известна и современному носителю русского языка: *агнецъ божій*³, *Адамъ ветхій*⁴, *ангельское житіе*⁵, *антоновъ огонь*⁶ и пр. О том, как решалась проблема описания сверхсловных единиц в толковых словарях русского языка рубежа XIX–XX веков, см. [11]. Сущность ее состояла в том, что сверхсловные единицы помещались в конце словарной статьи, возглавляемой лексемой, которая входила в состав сверхсловной единицы в качестве компонента.

Когда А. А. Шахматов разрабатывал программу подготовки к изданию 2-го тома СРЯ, до формирования фразеологии как самостоятельной фразеологической дисциплины оставалось более полувека. Сам термин *фразеология*, правда, попытался ввести в российский научный обиход М. И. Михельсон, создававший свой фундаментальный труд «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» фактически в то же время, когда шла работа над 2-м томом СРЯ. Но его предложение российскими лексикографами всерьез не было воспринято, ибо предметом «русской фразеологии» Михельсон считал слишком уж «разношерстные» единицы, объ-

единенные им в общий разряд по одному только признаку – «образности»: он считал, что русская фразеология должна изучать и образные *слова*, и образные пословичные *выражения*, и *поговорки*, и образные *изречения*, свойственные языку народа» [6: VIII]. Лишь с выходом в свет 4-томного словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), термин *фразеология* был «легализован»: в раздел «Как пользоваться словарем» составители включили параграф «Фразеология», где характеризовались приемы введения в словарные статьи «ходячих цельных выражений»⁷.

Неудивительно, что в своих работах, написанных во второй половине 1890-х годов, Шахматов по отношению к сверхсловным единицам оперирует разными их названиями: нейтральными *оборот*, *словосочетание*, михельсоновским термином *ходячие слова* и привычным для лексикографов XVIII–XIX веков термином *речение*. Тем не менее анализ обширного корпуса сверхсловных единиц, подвергнутых описанию в обоих выпусках 2-го тома СРЯ, свидетельствует об очень важном этапе в осмыслении Шахматовым сущности сверхсловных единиц. У него сложилось совершенно определенное представление о том, какими дифференциальными свойствами обладают сверхсловные единицы, занимающие свое законное место в русской языковой системе. В той сфере, где они используются, будь то литературный письменный язык или разговорная речь образованных кругов российского общества, насыщенная церковнославянизмами речь священнослужителей или диалект российской глубинки, арго каторжников или профессиональный жаргон рабочих-железнодорожников, они представлены Шахматовым как естественные элементы живого разговорного русского языка. В среде обитания своих носителей эти сверхсловные единицы характеризуются фактически теми же обязательными свойствами, какие современные сторонники широкого понимания объекта фразеологии признают для них дифференциальными: они сверхсловны, обладают определенной синтаксической структурой и закрепленным за нею значением, они устойчивы с точки зрения компонентного состава и грамматической структуры, а также воспроизводимы.

Уже после прекращения работы над «Словарем русского языка» Шахматов использует для квалификации интересующих нас единиц *собственную терминологию*. Реально он представил ее в «Синтаксисе русского языка», над которым трудился последние годы своей жизни. Опираясь на богатый опыт словарного описания *ходячих выражений*, *речений* и прочих сверх-

словных единиц, Шахматов в своей фундаментальной теоретической работе использует по отношению к ним термин «неразложимые (слово) сочетания» (см. [10: 278, 418–419, 458–459]). Давая определение этому термину и говоря о семантике сверхсловных единиц, он опирался на те свойства, которые проявляются у них в процессе коммуникации, и расценивал их специфические признаки прежде всего с синтаксических позиций. Термином *неразложимость*, на наш взгляд, Шахматов гениально отразил в обобщенном виде совокупность тех дифференциальных признаков сверхсловных языковых единиц, которые затем во фразеологии стали именоваться терминами *единство значения, устойчивость компонентного состава и грамматической структуры, воспроизводимость*. При описании сверхсловных единиц Шахматов непременно учитывал, помимо их специфических структурных и семантических признаков, их коммуникативные (функциональные) и синтаксические свойства. Не лишним будет здесь вспомнить о том, что подглавкой XVIII, состоящей из одного параграфа (§ 488) «Неразложимые словосочетания», в «Синтаксисе русского языка» завершается глава II «Учение о словосочетаниях». В этом финальном для главы параграфе, в частности, говорится:

«Неразложимыми словосочетаниями называем такие словосочетания, которые состоят из двух или нескольких слов, представляющих одно грамматическое целое, но являющихся в такой форме, которая исключает возможность признать их взаимную зависимость и не дает также возможности признать которое-нибудь из них самостоятельным членом предложения; таковым является словосочетание в его совокупности» [10: 418].

Неразложимость, считает Шахматов, может проявляться по-разному, и наиболее очевидно – на семантическом и синтаксическом уровнях.

Не случайно В. В. Виноградов, начиная свою знаковую для рождающейся фразеологии статью «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), ссылается на учение Шахматова о «неразложимых словосочетаниях» [1: 140] и, прежде чем представлять собственную классификацию фразеологических единиц, суммирует представление Шахматова о различных типах неразложимых словосочетаний:

«1) словосочетания, грамматически неразложимые, непонятные с точки зрения живых синтаксических отношений, но лексически вполне свободные <...> (...*пропотеть комната, испортить шуба*);

2) словосочетания, грамматически неразложимые, немотивированные с точки зрения современных синтаксических отношений, но с лексической точки зрения расчлененные, хотя и не вполне свободные <...>

(*два килограмма, два воробья, два пальца <...> пятого января...*);

3) словосочетания, неразложимые по своему лексическому значению, но разложимые грамматически <...> (*игральные карты, великий князь. Красное село* и т. п.);

4) словосочетания, для современной языковой системы одинаково цельные и неразложимые как с синтаксической, так и с лексико-семантической точек зрения <...> (*спустя рукава, очертя голову...*)» [1: 141].

В. В. Виноградов не включил в этот перечень 5-й тип неразложимых словосочетаний, описанных А. А. Шахматовым в главе III «Синтаксис частей речи», – «словосочетания, в которых существительное теряет свое знаменательное значение, сохраняя за собой смысл звена в данном словосочетании» [10: 458]. К такого типа неразложимым словосочетаниям автор «Синтаксиса русского языка» относит выражения *бог с ним, бог его знает, бог даст, помилуй бог; черт возьми, черт деря, черта с два, ни черта не понимать, черт с тобой, черт знает что* и заключает:

«Быть может, такие словосочетания <...> надо признать *неразложимыми (неразделимыми синтаксически)*, ибо, конечно, трудно признать *бог в помилуй бог* подлежащим, в виду сокращения *бог в бо в спасибо*» [10: 458].

Вероятно, основоположник отечественной фразеологии (не без основания) рассматривал подобные сверхсловные единицы как разновидности описанных Шахматовым неразложимых словосочетаний 4-го типа.

Что касается первых двух типов, выделенных В. В. Виноградовым из массы неразложимых словосочетаний, охарактеризованных Шахматовым, то фразеологи вряд ли признают их элементами фразеологической системы русского языка. Да и в концепции Шахматова они рассматриваются как неразложимые лишь с синтаксических позиций, поскольку в предложении играют роль единого члена предложения. Что же касается сверхсловных единиц как элементов языковой системы, то подлинное представление о них Шахматова можно установить, учитывая не только учение о неразложимых словосочетаниях в работе «Синтаксис русского языка», но и конкретные результаты описания им сверхсловных единиц в выпусках СРЯ 1897 и 1898 годов. Если пойти по этому пути, то выяснится, что неразложимые словосочетания, причисленные в приведенной выше классификации к 1-му и 2-му типам, Шахматов не воспринимал как элементы языковой системы. Зато масса сверхсловных языковых единиц, которые можно было бы причислить к 3-му, 4-му (вместе с 5-м) типам, тщательнейшим образом всесторонне представлена им в тезаурусных выпусках СРЯ.

При описании сверхсловных (= неразложимых, как он позже стал их называть) единиц в тезаурусных выпусках СРЯ Шахматов опирался и на опыт П. Алексеева, реализованный в «Церковном словаре», где для сверхсловных единиц создавались отдельные словарные статьи, и на опыт составителей «Словаря Академии Российской»⁸, где *речения* (= устойчивые словесные комплексы = УСК) помещались в финальной части словарной статьи, возглавляемой лексемой, которая, помимо свободного функционирования, могла играть роль семантически ведущего компонента УСК. Объединение этих двух, казалось бы, просто технических приемов в совокупности с сочетанием историко-этимологического, лингвокультурологического, семантического, грамматического и стилистического описания каждой языковой единицы, сопровождающегося примерами ее употребления с точной их паспортизацией, и обеспечили уникальный результат. Трудно даже в современную цифровую эпоху найти аналог лексикографическому шедевр А. А. Шахматова.

В качестве примеров приведу сведения лишь о двух словарных статьях из 1-го и 2-го шахматовских выпусков 2-го тома СРЯ:

«Египетскій, ая, ое (Цсл. егуптьскъ). Прилаг. отъ с. Египеть (*И възвѣщено было царю египетскому, что народъ бѣжалъ*. Исх. 14, 5). Е-ое племя, стар. цыгане въ томъ предположеніи, что они происходили изъ Египта.

Но все египетское племя

Кругомъ пріѣзжихъ въ то же время

С веселымъ шумомъ собралось.

Барат. Цыганка.

Онъ извѣстенъ былъ любовью своею к е-ому племени вообще и къ одной египтянке въ особенности. Вяземск., И. И. Дмитриевъ. Переносно е-скій употребляется для выражения мертвенности, неподвижности въ приложеніи къ словамъ: боги, статуя и т. п.

Какъ египетскіе боги

Дамы прѣютъ и молчатъ

Пушк. Кишин. дамы <...>»

Далее в этой словарной статье описывается 11 сверхсловных единиц, в которых компонент *египетскій* реализует различные переносные значения, близкие к указанному выше:

«Мумія е-ая – говорится о человѣкѣ неловкомъ, неразвязномъ <...> Е-ая работа – безпросвѣтная, кропотливая, изнурительная, тяжкая работа <...> Е-ая тѣма – непроглядная, (по воспоминанію объ одной изъ египетскихъ казней (Их. 10, 22) <...> Е-ий судъ – о судѣ, совершаемому по смерти <...> Е-ия язвы, казни – жестокия, губительныя (Исх. гл. 7 и сл.) <...> Е-ая саранча – всеистребляющая. Истребители (про французовъ с помадами и французенокъ съ шляпами) <...> Е-ий плѣнь – тяжелая неволя <...> Е-ий сим-

воль – Е-ая синь – издавна извѣстная синяя краска изъ измельченнаго мѣднаго стекла» (стлб. 19–20).

Затем в словарной статье «**Египетскій, ая, ое**» следуют тематические блоки составных терминов: ботанических, зоологических, медицинских с указанием их латинских параллелей и источников, откуда они были взяты:

«Египетская дыня. *Бот.* <...> Е-ое жито <...> Е-ое зерно, шестирядный ячмень <...> Е-ий клевер <...> Е-ий лупинъ <...> Е-ий овесъ <...> Е-ое просо <...> Е-ая пшеница <...> Е-ая рожь <...> Е-ий сахарный тростникъ <...> Е-ий тамарискъ <...> Е-ая смоковница <...> Е-ая трава <...> Е-ий тысячелистникъ...

Египетскій голубь. *Зоол.* <...> Е-ая коза <...> Нильская коза <...> Е-ая крыса. Грызунъ <...> Е-ий ланцетонь. Млекоп. <...> Е-ая очковая змѣя. Пресн. <...> Е-ая песчанка. Млекоп. <...> Е-ая цапля. Птица...

Египетская яшма. *Минер.* Разновидность яшмы, встречающейся желваками въ третичныхъ (нуммулитовыхъ) отложеніяхъ Египта...

Египетское воспаление глазъ. *Медиц.* <...> заболѣваніе глазъ, наблюдавшееся въ видѣ эпидеміи въ Наполеоновской арміи во время похода французовъ въ Египеть и описанное подъ приведеннымъ выше названіемъ Ларреемъ. – Е-ий хлорозъ – прогрессивное малокровіе, причиняемое крулою глистою, впивающеюся въ огромномъ количествѣ въ сосуды двенадцатиперстной кишки и высасывающею изъ нихъ кровь...»⁹.

В словарной статье, озаглавленной словом «**Желѣзный, ая, ое**», отмечено 8 его значений:

«1) ‘Сдѣланный изъ желѣза’; 2) Переносно: ‘одѣтый въ желѣзные доспѣхи’; 3) ‘Торгующій желѣзомъ, желѣзные торговцы’; 4) ‘Содержащій въ себѣ желѣзо’; 5) ‘О цвѣтѣ, подобномъ цвѣту желѣза’. Похожій на желѣзо: а) Неподвижностью <...> *желѣзный взглядъ* <...> б) Крѣпостью и плотностью или твердостью: *желѣзное здоровье* <...> в) Сокрушающею силою»¹⁰; 6) ‘О войскахъ, о войнахъ – стойкіе, непреодолимые’ // ‘О человѣкѣ, также – могущественный, крѣпкій нравственно’; 7) Переносно: ‘Неуклонный, твердый, неизмѣнный <...> Строгий, неумолимый <...> Грубый, жесткій’; 8) **Железные ворота** – ‘тѣсный проливъ мѣжду островомъ и материкомъ или мѣжду двумя островами’»¹¹.

При этом характеристика каждого из значений дополняется блоком сверхсловных единиц, содержащих в своем составе в качестве компонента заглавную лексему. В общей сложности в словарную статью «**Желѣзный, ая, ое**» включено более 80 оборотов, которые детально раскрывают семантическую многогранность заглавного слова и представляют значительный пласт фразеологического корпуса русского языка XIX столетия. Приведем лишь несколько примеров:

желѣзныя губы палача – инструмент, которымъ выжигали клеймо на лицѣ тяжкихъ преступниковъ, *желѣзная решетка* – тюрьма, *желѣзный грошъ* – монета, не имѣющая никакого достоинства, никакой цѣны, *желѣзные браслеты, шутл.* – ручные канда-

лы, *железный канцлер* – Бисмарк, *железное колесо* – арктический пояс, *железные ворота* – узкий пролив между островом и материком или между двумя островами; весьма глубокий и расположенный так, что в нем во время морских приливов и отливов происходит стремительное течение воды, *железная каша* – гречневая каша, которая варится докрасна целый день в печи и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хочется сказать о значимости словарных идей выдающегося российского ученого для нашего научного коллектива. Больше века прошло после того, как были опубликованы два выпуска СРЯ, в которых А. А. Шахматов реализовал свою лексикографическую концепцию. Обращение к его опыту для нас, сотрудников Магнитогорской словарной лаборатории, не было случайным. Более 20 лет мы занимаемся созданием словарей, и каждый раз, приступая к новому проекту, приходится разрабатывать концепцию будущего словаря и определять пути достижения конечной цели. Самые сложные из них – «Большой фразеологический словарь старославянского языка» и «Фразеологический словарь нагайбакского языка». Работая над пятитомником БФССЯ, три тома которого уже опубликованы, мы жестко следовали шахматовским принципам 1) полноты, всеохватности источников, сопровождая создание старославянской фразеологической картотеки сплошной выборкой из всех известных современной науке памятников общеславянского литературного языка Средневековья; 2) историко-этимологической и грамматической характеристики описываемых устойчивых словесных комплексов (указывая на язык-источник оборота и приводя его буквальный перевод на славянский язык); 3) семантизации, отражающей через те-

матические, синонимические, антонимические отношения место устойчивых словесных комплексов в языковой системе, и 4) точной паспортизации каждого примера, подтверждающего сформулированное значение УСК.

Шахматовская лексикографическая концепция играет не последнюю роль и в определении стратегии нашей работы над созданием различного типа словарей для бесписьменного нагайбакского народа, компактно проживающего на Южном Урале. В этом случае самым важным для нас стал принцип ориентации на живой разговорный язык этноса. Начав с «Русско-нагайбакского и Нагайбакско-русского словаря»-перевертыша, материалы для которого можно было проверить через элементарные ответы на вопросы «Как по-нагайбакски называется...?», мы организовали активную работу по сбору связанных текстов (легенд, преданий, воспоминаний о предках, рассказов об обычаях, праздниках), записей песен, частушек, молитв, пословиц, поговорок, в результате чего родились толковый словарь нагайбакских пословиц и поговорок, а также сборник частушек. Имея такие источники, мы смогли, разработав нагайбакский алфавит, издать нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами и русско-нагайбакский разговорник, а также проанализировать в цикле исследовательских статей своеобразие менталитета уникального малого этноса, отраженного в ряде лексико-фразеологических блоков нагайбакского языка, объединенных тематически (религиозным мировоззрением, семейными традициями, домашним укладом, казачьим прошлым и пр.). И только сейчас можем начать подготовку к созданию нагайбакско-русского фразеологического словаря, следуя заветам А. А. Шахматова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.
- ² Алексѣевъ П. А. Церковный словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, тако иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ: В 3-х частяхъ. М.: Типографія Императорскаго Московскаго университета, 1773–1776.
- ³ Там же. Ч. 1. М.: Типографія Императорскаго Московскаго университета, 1773. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 22.
- ⁶ Там же. С. 25.
- ⁷ Как пользоваться словарем // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. Т. 1. А–Юрины. М.: Гос. институт «Советская энциклопедия», 1935. С. XXI–LXXV.
- ⁸ Словарь Академіи Россійской: В 6 частяхъ. Санктпетербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.
- ⁹ Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ первый (съ начала издѣлія – четвертый). Е–Жел. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1897. С. 19–20.
- ¹⁰ Там же. С. 320.
- ¹¹ Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ второй (съ начала издѣлія – пятый). Железный – За. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1898. С. 321–326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды / Отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
2. Герд А. С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 948–954.
3. «Записка» А. А. Шахматова о «Словаре русского языка» 1895 г. // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 899–902.
4. Ковтун Л. С. Основная идея шахматовской лексикографии // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 62–68.
5. Макаров В. И., Коготкова Т. С. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) // Отечественные лексикографы XVII–XX века / Под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 187–218.
6. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. 792 с.
7. Приемышева М. Н. Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 887–899.
8. Пурицкая Е. В. «Большой академический словарь русского языка»: шахматовские идеи и литературный язык нашего времени // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 955–962.
9. Судаков Г. В. Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 878–886.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е. В. Клобукова; Ред. и коммент. Е. С. Истоминой. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
11. Шулержкова С. Г. Фразаграфическая концепция Н. Д. Ушакова // Филологический класс. 2023. № 4. С. 130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142
12. Щерба Л. В. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища представителя комиссии Л. В. Щербы // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 904–909.

Поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Svetlana G. Shulezhkova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute for the Humanities, Head of Lexical Research Laboratory, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0314-6721; shulezhkova@gmail.com

A. A. SHAKHMATOV'S PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHY AS PILLARS OF CREATING DICTIONARIES FOR ETHNOSES WITHOUT WRITTEN LANGUAGES

Abstract. The author brings up a question of the continuity of lexicographic techniques applied for the description of linguistic units (including superword units) developed by A. A. Shakhmatov. The first and second issues of the second volume of *The Dictionary of the Russian Language* created under his editorship are the innovative work of the thesaurus type. They demonstrate the productivity of using the principles of anthropocentrism, historicism, systemicity, and communicativity in lexicography when describing linguistic units of the word and superword types. Shakhmatov's works play an important role in the formation of Russian lexicography and phraseography. Its lexicographic concept acquires particular relevance in the context of extinction of non-written languages under the pressure of digital civilization. Having lost its own language, ethnos, as a rule, loses its identity. This could be the fate of the language of the Nagaybaks, one of the small indigenous peoples of the Southern Urals. To avoid the "dissolution" of the Nagaybaks among the neighboring peoples, linguists from Magnitogorsk have created a program for the introduction of the Nagaybak written language. Besides creating the alphabet and writing a concise grammar, the program aims at creating various types of dictionaries of the endangered language. In this situation, Shakhmatov's lexicographical principles orientated towards the live colloquial speech of the people played a decisive role. After publishing the Russian-Nagaybak and Nagaybak-Russian dictionary, the Nagaybak-Russian dictionary with grammar notes and the dictionary of Nagaybak

proverbs, the team faced the task of publishing a Nagaybak phraseological dictionary. Shakhmatov's principles of describing Russian superword units analyzed in this article served as a basis for addressing this demanding task.

Key words: thesaurus, dictionary entry, superword unit, oral ethnos, danger of extinction, spoken language, ethnos culture

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation and the government of the Chelyabinsk Region as part of the project No 23-18-20045 "Creation of the Nagaybak written language as the base for saving the unique culture and language of one of the small indigenous ethnic groups of the Southern Urals".

For citation: Shulezhkova, S. G. A. A. Shakhmatov's principles of lexicography as pillars of creating dictionaries for ethnos without written languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7);87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1098

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. The main types of phraseological units in the Russian language. *Vinogradov, V. V. Lexicology and lexicography: Selected works*. (V. G. Kostomarov, Ed.). Moscow, 1977. P. 140–161. (In Russ.)
2. Gerd, A. S. *The Unabridged Academic Dictionary of the Russian Language as a thesaurus-type dictionary. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 948–954. (In Russ.)
3. A. A. Shakhmatov's 1895 "Note" on *The Dictionary of the Russian Language. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 899–902. (In Russ.)
4. Kovtun, L. S. The main idea of Shakhmatov's lexicography. *Topics in the Study of Language*. 1971;2:62–68. (In Russ.)
5. Makarov, V. I., Kogotkova, T. S. Alexey Alexandrovich Shakhmatov (1864–1920). *Russian lexicographers of the XVII–XX century*. (G. A. Bogatova, Ed.). Moscow, 2000. P. 187–218. (In Russ.)
6. Mikhelson, M. I. Russian thought and speech: One's own and alien: An insight into Russian phraseology: A collection of figurative words and parables: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1994. 792 p. (In Russ.)
7. Priemysheva, M. N. Thesaurus of the Russian language according to the principles of A. A. Shakhmatov: pro et contra. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. St. Petersburg, 2015. P. 887–899. (In Russ.)
8. Puritskaya, E. V. *The Unabridged Academic Dictionary of the Russian Language: Shakhmatov's ideas and the literary language of our time. Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 955–962. (In Russ.)
9. Sudakov, G. V. Shakhmatov as a lexicographer and modern lexicographic practice. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 878–886. (In Russ.)
10. Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian language. (E. S. Istomina, Ed.). Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)
11. Shulezhkova, S. G. Phraseographic conception of N. D. Ushakov. *Philological Class*. 2023;4:130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142 (In Russ.)
12. Shcherba, L. V. A memorandum on the state of affairs in the Dictionary Commission of the Academy of Sciences of the Comrade Representative of the Commission, L. V. Shcherba. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the scholar*. (O. N. Krylova, M. N. Priemysheva, Eds.). St. Petersburg, 2015. P. 904–909. (In Russ.)

Received: 8 July 2024; accepted: 23 September 2024

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ГЕНЕРАЛОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник группы лексикологии русского языка XVI–XVII вв.

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

О ДИФFUЗНОСТИ СЕМАНТИКИ КАК СВОЙСТВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я . Целью исследования является изучение природы и особенностей семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков. Явление недифференцированности в одном контексте нескольких смыслов активно изучается на материале современных текстов и в меньшей степени исследовано в диахронии, хотя в исторических текстах русского языка это явление обнаруживается еще в большей степени, имея при этом несомненную специфику. Базой настоящего исследования послужили памятники старорусского языка делового и обиходного содержания, в которых в период Московской Руси и шли живые процессы формирования будущего национального русского языка. Причинами частого явления диффузности в языке XVI–XVII веков выступают наследие древнерусского языкового состояния, для которого был характерен семантический синкретизм, а также активный процесс формирования полисемии в старорусский период. Был выявлен ряд проявлений семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков: контексты с совмещением недостаточно разошедшихся значений будущего полисемантического слова, несегментированность семантического пространства слова, частая многозначность фразеологических единиц, полиномия лексем конкретного значения, проявляющаяся, с одной стороны, в их возможности обозначать ряд схожих объектов, с другой стороны, в множественности номинаций для конкретных предметов, текстовый характер синонимии, осложненной морфологической, словообразовательной и лексической вариативностью, обилие дублетных наименований, недифференцированность семантики производящих и словообразовательных производных. Таким образом, семантическая диффузность выступает в качестве существенной, базовой характеристики лексико-семантической системы старорусского языка, и дальнейшее рассмотрение семантических процессов в языке периода начального формирования национального языка продуктивно с этой точки зрения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : семантическая диффузность, старорусский язык, историческая лексикология, лексическое значение, контекст, полисемия, семантический синкретизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Генералова Е. В. О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099

ВВЕДЕНИЕ

Явление диффузности семантики изучается в собственно лингвистическом, лексикографическом, когнитивном и прагматическом аспектах, при исследовании стилистики художественного текста и природы синонимии, в теории метафоры, теории заимствования, практике синхронного перевода. Объектом рассмотрения выступают отдельные лексемы, группы слов и лексика в определенных типах текстов (исследуется, например, функционирование слов с диффузной семантикой в разговорной речи, рекламных текстах, политическом дискурсе и др.). Под диффузной семантикой понимается неопре-

деленность содержания языковой единицы в связи с размытым, неявным лексическим значением, сочетание «двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов)» [5: 31]. Концепция диффузности семантики на основе учения В. В. Виноградова о типах лексического значения разрабатывалась Д. Н. Шмелевым, который первым поставил вопрос о недифференцированности семантики в ряде употреблений лексических единиц, определил принцип диффузности как совмещение значений в многозначном слове и обосновал природу диффузности как естествен-

ного, сущностного свойства языка [15: 94–95]. Схожей точки зрения придерживается А. Киклевич, охарактеризовавший диффузность семантики как способность языковой или речевой единицы передавать различные смыслы в одном и том же контексте, подчеркнув, что эти интегральные семантические признаки вытекают из функционирования языковой единицы [16: 151].

Ряд исследователей [1: 476–477], [3: 129–130] последовательно различают языковую и речевую семантическую диффузность, обращая внимание на то, что «языковая неоднозначность – это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, то есть это свойство языковых единиц, проявляющееся в некотором речевом высказывании» [3: 129]. Причины семантической диффузности напрямую связаны с условиями ее возникновения: это могут быть особенности устной разговорной обиходной речи при размытой семантике базовых единиц в повседневном дискурсе [7: 92–93], индивидуальный стиль и авторская интенция при создании метафорического сложного образа, стремление различных научных школ и отдельных исследователей к более глубокому проникновению в сущность объекта исследования и к полноте его описания при амбисемии термина, заключающейся в диффузном характере интенционала [13: 134–135], особенности усвоения иноязычной лексики при роли семантической диффузности как способа хранения многозначных слов в менталитете носителей языка [14: 43] и др. При этом нельзя не согласиться и с А. В. Леонтьевой, рассматривающей явление диффузности как «ментальное образование»:

«...подразумевая под диффузностью сложный лингвистический феномен, мы интерпретируем его не только лишь как неполноту, размытость и неясность вербальной репрезентации, а как глубокое многогранное явление в ментальном и языковом конструировании» [10: 44].

Вопрос о семантической диффузности был поставлен на материале современных текстов, однако в исторических памятниках русского языка это явление обнаруживается еще в большей степени, имея при этом несомненную специфику.

Настоящая статья посвящена рассмотрению явления семантической диффузности в диахронии, на материале старорусского языка. Целью исследования является изучение природы и особенностей семантической диффузности в исторических текстах. Базой исследования послужили памятники русского языка XVI–XVII веков делового и обиходного содержания, поскольку именно в этих языковых подтипах в период Мо-

сковской Руси шли живые процессы формирования будущего национального русского языка.

ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФфуЗНОСТИ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОГО И ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВЕКОВ

Анализ исторических текстов языка Московской Руси позволяет сделать вывод, что явление семантической диффузности встречается в них нередко. См., напр.:

Буде пытан не больно, велѣли пытать накрѣпко (АМГ I, 171, 1621 г.) (наречие *больно* совмещает прямое значение ‘болезненно, с причинением боли’ и переносное значение ‘сильно, интенсивно’, на которое указывает контекстуальный антоним *накрепко*);

Сказывают что вв (!) Аглинской землѣ оба воиска жестоко меж себя билися и короля с поля збили (В-К II, 14, 1642 г.) (в семантике наречия *жестоко* совмещаются значения ‘безжалостно, беспощадно, немилосердно’ и ‘интенсивно сильно’);

Из государева розгрому с того с Никольского монастыря старцы и слуги от правезу розбежались и монастырь запустил (Ладога, 131, 1599 г.) (совмещение в семантике глагола *запустить* прямого значения ‘стать пустым, обезлюдеть’ и переносного ‘прийти в упадок’).

Представляется, что для исторических текстов диффузность характерна в большей степени, чем для современного состояния. Это явление в истории языка имеет особые причины. Во многом оно обусловлено феноменом семантического синкретизма как органического свойства древнего языка. Фундаментально описав семантический синкретизм как категорию языка, В. В. Колесов убедительно доказал, что в развитии русского языка следует говорить

«о смене культурных парадигм, о разложении исходного семантического синкретизма, развитии семантических представлений и различных этапах ментализации – освоении культурных символов через категории и формы родного языка, который постоянно изменялся в своих формах и значениях» [9: 5].

Семантический синкретизм как «нерасчлененность древнего значения» [8: 85] в значительной степени характерен для состояния древнерусского языка, для описываемого в настоящей статье старорусского периода имеет место уже разложение синкретизма («расчленение синкретизма» в терминологии М. В. Пименовой [11: 42]) и разработка объема понятия, но старорусский язык не может не наследовать в известной мере предыдущее языковое состояние.

Кроме того, существенно, что в исторических текстах можно наглядно наблюдать так

называемое «скольжение» значения, то есть не явные изменения семантики в связи с еще формирующейся полисемией. Связь явления семантической диффузности с полисемией кажется вполне убедительной, поскольку диффузность – это «процесс смещения значения, вызванный возможностями семантики соответствующей лексической единицы (прежде всего, под воздействием полисемии, а также других свойств слова)» [2: 35]. Тексты же XVI–XVII веков демонстрируют самый процесс сложения многозначности, постепенного обособления значений друг от друга. Естественно, имеют место контексты, в которых эти расходящиеся значения еще совмещаются. Например, у гнезда *заповед-* и, в частности, у существительного *заповедь* формируется комплекс значений: 1) ‘приказ, повеление’, 2) ‘религиозное предписание, установление, завет’, 3) ‘запрет, запрещение’, а также 4) ‘штраф’. Но в ряде употреблений сложно сказать однозначно, какая семантика реализуется в контексте (‘приказ, повеление’ или ‘запрет’): *И та де заповедь* [о невывозе медных денег] *учинена не для одних царского величества торговых людей. Учине на та заповедь для иных государств торговых людей* (РШЭО, 147, 1649 г.), *Тѣ Володимеравы крстьяне за рубеж ходили Шулга с товарищи торгуют хлѣбам и солю и медам и всяким товарам мима твою гсдрву заповед* (Южн. челобитные, 19, 1622 г.).

С учетом того что появление новой семантики в ряде случаев сопровождается грамматическими изменениями, имеет место трудность в определении не только семантики, но и грамматических характеристик лексемы. Например, у некоторых существительных в старорусском языке совмещается исходная и метонимическая семантика, в связи с чем неясны морфологические признаки слова. Так, у лексемы *встреча* в старорусском языке фиксируются несколько значений (‘подготовленный прием’ и метонимическая семантика ‘люди, посланные встречать кого-л.’), но в ряде контекстов происходит их совмещение, и сложно сказать, использовано в контексте неодушевленное или уже одушевленное существительное: *Лета 7075-го июля в 20, в неделю, на Ильин день, не доехав Стекольна с версту, сказали послам приставы, что велено им послов поставити на острову на Валмарси, а будет, сказали, к послом на тот остров встреча от короля* (Ст. сп. Воронцова, 7, 1586 г.). Другим примером сложности грамматической характеристики языковой единицы может служить функционирование в языке XVI–XVII веков лексемы *караул*, известной и как многозначное существительное (с процессуальной семантикой

‘несение сторожевой службы’ и метонимическими значениями), и как междометие. Но в некоторых контекстах слово *караул* не может быть однозначно охарактеризовано, возможна его интерпретация и как вообще призыва, крика о помощи, и как конкретного призыва к стражам порядка (*караулу* как страже): *А сказали стрельцы... как будут у Варварских ворот, и тот индеец кричит караул и велит того человека отвести в приказ, а сказал, что де с него тот человек схватил шапку* (Россия и Восток (Инд.), 86, 1672 г.), *А как де он, Федор, кричал караул и привел на Потешной двор, в то число был с ним, Федором, ратушской салдат Микита Селен* (РД IV, 215, 1705 г.).

Таким образом, в исторических текстах часто наблюдаются контексты с совмещением значений и даже грамматических признаков, сопровождающих разные значения, из-за неразшедшей полисемии.

Можно и в целом говорить о частой неразделенности или недостаточной отделенности значений многозначного слова, размытости, широте и несегментированности общего семантического пространства слова, что является наследием семантического синкретизма. Например, в текстах русского языка XVI–XVII веков не сегментировано семантическое пространство лексем с корнем *искус-* (*искус*, *искушение*, *искусить*, *искуситься* и др.), они все могут обозначать и приобретение опыта, и навыки, умения, и проверку, испытание (самые разные, вплоть до испытаний, которым подвергаются готовящиеся принять постриг). Четко не расходятся ни сами значения, ни основы, их имеющие (ср. в современном языке можно видеть семантическую специализацию основ *искус-* и *искуш-*), не определена и их коннотация (одна и та же основа может иметь семантику и с нейтральной, и с положительной (как при значении ‘умение, мастерство’), и с негативной (как при значении ‘соблазн, прельщение, искушение’) окраской. См. *искуситься* ‘приобрести достаточный опыт’ (*И мастеръ... можетъ пицаль или пушку разумомъ своимъ полнымъ сполна и достаточно вылити ...И такъ ты въ тѣхъ дѣлѣхъ можешъ и далече искуситися* (Устав ратн. д. I, 155, 1621 г.)) и ‘поддаться какому-л. соблазну’ (*А мы, холопи твои [солдаты полка воеводы Лазарева], въ тѣ дни твоей государевы казны и воеводы не покинули, дурна никакова не учинили и тебя, государь, ни въ чемъ не прогнѣвили ... шатости не искусились* (ДД III, 1000, 1648 г.)).

Ярко эта размытость, широта семантического пространства ощущается в семантике ряда каче-

ственных прилагательных и производных от них наречий (см. *коварный, добрый, вечный* и др.).

Существенно обогащают семантическую палитру многих лексем региональные данные, с учетом значительной диалектной дифференциации старорусского языка. Отдельные значения фиксируются только в памятниках территориально ограниченного ареала (семантическое регионализмы), внося новые смыслы в нечетко очерченное в донациональный период семантическое пространство. Например, прилагательное *дешевый*, помимо общераспространенных значений ‘имеющий небольшую стоимость; недорогой’ и ‘о цене: небольшой’, имеет в пермских памятниках и особое значение, представляющее собой специфический поворот семантики – ‘легко доставшийся’ (см. *На воровские денги... купил вершок шапошной дал за тот вершок гривну и он де Лучка ему Федкѣ говорил давай де больше денег у тебя де дешевые денги... у вас де промысел добр* (Сл. Перм. I, 148, 1691 г.)); прилагательное *дикий*, помимо общераспространенных значений ‘о животных: неприрученный человеком, живущий на воле’, ‘о растениях: не культивируемый человеком’, ‘о земле: необрабатываемый, заброшенный’, ‘о цвете: серый’, в пермских и сибирских текстах фиксируется с семантикой ‘глухой, непроходимый’ (см. *И лѣса дикие и селища чуцкие и заросли по озеркам и источки и островки и наволочки дикие* (Сл. Перм. I, 148, 1614 г.), *Межа... з другую сторону по диким лесом по суземь* (Сл. Сибир., 35, 1683 г.)) и др.

Одним из следствий размытости и широты семантического пространства лингвистических единиц в языке донационального периода является нередкая многозначность фразеологических единиц. При том, что фразеологическая многозначность встречается существенно реже, чем лексическая, в текстах старорусского языка многозначность устойчивых сочетаний – нередкое явление. Особенность фразеологической полисемии в языке этого периода заключается в близости значений фразеологизма друг к другу, то есть лингвистическая единица как бы еще и не окончательно определилась в магистральном пути развития своей семантики. См.

сам собою 1) без посторонней помощи или вмешательства (*Вода людемъ здоровая есть та, которая от источников земныхъ сама собою истекаетъ* (Назиратель, 124, XVI в.)); 2) лично (*А знаетъ меня сынъ мой, игумень Макарей, самъ собою* (Арх. Стр. I, 98. 1500 г.)); 3) по собственному желанию, самовольно (*Да указал ты, гсдрь Андреи Илич, мнѣ холопу своему всѣмъ крѣстьяны про Ивана Гарасимова сыскать, как твои боярскои скот быка и теллицу бил,*

по крѣстьянскому ли велению или сам собою (Арх. Безобразова, 1681 г.));

по греху(-ом, -ам) 1) без умысла, по ошибке (*То по грѣхам стало, не нарочным дѣлом, за то меня не повѣщуй* (Разг. Фенне, 378, 1607 г.); 2) к несчастью, на беду, по несчастью (*И того ж часу в столовой полате пришил к послом... королевской боярин большой Петр Брагде, а говорил: Государь де наш король по грехом недомагает: как пошел в столовую, и короля изымал оморок* (Ст. сп. Воронцова, 11, 1586 г.)).

В отношении семантики конкретных существительных явление неопределенности семантики проявляется в тенденции к полиномии, несвойственной современному литературному языку (за исключением разговорной речи). С одной стороны, лексема с конкретной семантикой может иметь множество ЛСВ-номинаций различных предметов и не специализируется в обозначении определенного предмета, а с другой стороны, напротив, для номинации одного предмета используется ряд дублетных наименований, то есть в старорусском языке многие конкретные существительные еще не специализируются в определенном значении, как это произойдет позже, в национальном языке, а обозначают некоторое количество объектов, объединенных общим признаком. Например, основные значения слова *колода* в старорусском языке – ‘толстый лежащий ствол или массивный, большой обрубок дерева, толстое бревно’ и ‘колодка для узника, состоявшая обычно из двух плах с проемами в центре и петлями и замками по краям’ (в современном языке это значение закрепилось за суффиксальным производным *колодка*, поскольку в современном языке слова *колода* и *колодка* специализировались в своих значениях). Но помимо этих двух значений слово *колода* в языке деловых и обиходных памятников Московской Руси обозначает самые разные предметы из выдолбленного бревна: ‘выдолбленное из толстого бревна широкое корыто для спуска сусла из чана на винокурне или рассола на солеварне’, ‘кадка, выдолбленная из куска дерева’, ‘лодка-долбленка’, ‘брус, идущий вдоль середины днища по длине судна и служащий основанием его корпуса’ (фиксируется только в памятниках севера Московской Руси), ‘дверной и оконный косяк, притолока’, ‘деревянный станок для крупного огнестрельного орудия с выдолбленным под него желобом, лафет’. С другой стороны, избыточность номинаций для конкретных предметов, дублетных наименований одного объекта проявляется в том, что в языке Московской Руси практически любая лексема может иметь синонимическое соответствие. Е. М. Ис-

серлин выделяет «синонимичность и многозначность слов, обозначающих конкретные предметы действительности» как «характерную черту литературного языка второй половины XVII в.» [6: 27], о синонимичности целого ряда лексем предметно-бытовой лексики в старорусском языке подробно пишет Г. В. Судаков [12: 185–190].

Яркое проявление семантической диффузности в языке этого периода – это и особый характер синонимии. Синонимия в языке донационального периода носит несловарный характер и реализуется именно в тексте. Кроме того, для языка периода Московской Руси характерна осложненность синонимии широкой словообразовательной и морфологической вариативностью: см. *заплот* (*заплота*) – *запруда*, *дубник* – *дубняг* и *дубняк* – *дубовик* ‘дубовый лес’, *кобец* – *кобчик* ‘небольшая хищная птица семейства соколиных’, *кислотный* – *кислый*, *непрестанно* – *беспрестанно* и др. Причем существенно, что многие синонимы в этот период, особенно однокоренные, не обнаруживают ни стилистической, ни смысловой дифференциации, то есть выступают как дублиеты, это характерная особенность синонимии в период средневековья: см. *исток* – *источник* – *источина* – *колодец* – *ключ* ‘родник; ручей протока’, *дубина* – *древина* – *дрюк* – *батог* ‘большая тяжелая палка, используемая чаще всего как оружие’; синонимия может возникать между общерусскими и региональными лексемами: см. *вторник* – *второк* (смоленское), *коваль* (областное) – *ковач* – *кузнец* ‘кто занимается изготовлением и ковкой железных изделий’ (см. подробнее [4]).

Еще одно следствие диффузности семантики – частое отсутствие разграничения семантики основных производящих лексем и словообразовательных производных: см. употребление в текстах как полных синонимов лексем *забор* и *заборец*; *колодезь*, *колодезище*, *колодезек*, *колодезец* и др. Дериваты используются в текстах с той же семантикой, что и исходные лексемы, аффиксы не вносят дополнительных смысловых оттенков, напротив, общее значение корня как бы вбирает в себя максимум возможных смысловых дифференциаций. Например, лексемы *кобылица* и *кобылка* часто фиксируются в текстах с неспециализированным значением ‘взрослая самка лошади’, тождественным значению производящего слова *кобыла*: см. *190-г(о) году февр(о)ля в 4 де(нь)*

послано в Спаское вологоцких троя лошадеи: мерин гнѣд, кобылка голуба, кобылка вороная (Арх. Безобразова II, 463, 1682 г.), *Я [Ф. И. Пазухин] купил было тебѣ [С. И. Пазухину] две кобылицы... и с Москвьы ехал крестыник твои Иван на кобыле изволением Бжииим дорогою едучи пала а кобылица осталас и я ее кормлю до млсти твоеи* (ИНРЯ, 154, 1698 г.).

ВЫВОДЫ

Таким образом, семантическая диффузность как неопределенность, размытость содержания обнаруживается в качестве существенной характеристики лексико-семантической системы старорусского языка. Причинами частого явления диффузности в языке XVI–XVII веков (и большей, чем в современном языке, распространенности этого явления в языке донационального периода) выступают наследие древнерусского языкового состояния, для которого был характерен семантический синкретизм, а также активный процесс формирования полисемии в старорусский период.

Проявлениями семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков являются:

- 1) наличие ряда контекстов, где совмещаются еще недостаточно разошедшиеся значения будущего полисемантического слова,
- 2) несегментированность общего семантического пространства слова,
- 3) нередкая многозначность фразеологических единиц,
- 4) возможность лексем конкретного значения обозначать ряд схожих объектов,
- 5) избыточность (множественность) номинаций для конкретных предметов,
- 6) текстовый характер синонимии, осложненной морфологической, словообразовательной и лексической вариативностью, а также синонимией общерусских и региональных лексем,
- 7) обилие дублиетных наименований,
- 8) недифференцированность семантики производящих и словообразовательных производных.

В целом можно говорить о семантической диффузности как о базовом свойстве лексики языка донационального периода, и это свойство должно быть принято во внимание при рассмотрении различных семантических процессов и явлений в диахронии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

АМГ I – Акты Московского государства. Т. 1 / Под ред. Н. А. Попова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 766 с.
 Арх. Безобразова – Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I / Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова; Сост. Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова; Ред. О. В. Новохатко. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 899 с.

- Арх. Стр. I* – Архив П. М. Строева. Т. 1 // РИБ. Т. 32. Пг., 1915. [6] с., 898 стб.
- В-К II* – Вести-Куранты 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1976. 398 с.
- ДД III* – Донские дела. Кн. 3. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909 // РИБ. Т. 26. 672 с.
- ИНРЯ* – Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1964. 312 с.
- Ладога* – Селин А. А. Ладога при московских царях. СПб.: Нестор-История, 2006. Приложение. С. 129–155.
- Назиратель* – Назиратель / Изд. подгот. В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1973. 752 с.
- Разг. Фенне* – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
- РД IV* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1976. 280 с.
- Россия и Восток (Инд.)* – Вафин Б. Д., Галиуллин К. Р. Россия и Восток. Словарь языка документов по русско-индийским отношениям. Казань: Казанский ун-т, 2012. 251 с.
- РШЭО* – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 654 с.
- Сл. Перм.* – Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I. А–О. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010. 427 с.
- Сл. Сибир.* – Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1991. 179 с.
- Ст. сп. Воронцова* – Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1954. С. 7–62.
- Устав ратн. д. I* – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. 1. СПб., 1777–1781. 231 с.
- Южн. челобитные* – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1993. 234 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 466–483.
2. Артемов А. К вопросу функционирования и применения термина «семантическая диффузность» в лингвистической русистике и богемистике // *Opera Slavica*. 2018. Vol. 28, iss. 2. P. 27–38.
3. Власова Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 2. С. 128–132.
4. Генералова Е. В. О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 98–106. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.98
5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 671 с.
6. Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века: Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961. 80 с.
7. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
8. Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 81–90.
9. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
10. Леонтьева А. В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (043). С. 40–45.
11. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
12. Судаков Г. В. История русского слова. Вологда: ВГПУ, 2010. 333 с.
13. Татаринцов В. А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 133–164.
14. Шкапенко Т. М. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 8. С. 42–47.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973. 280 с.
16. K i k l e w i c z A . K . Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii języka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej. Lask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2007. 453 s.

Поступила в редакцию 02.09.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Elena V. Generalova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

DIFFUSIVITY OF SEMANTICS AS A PROPERTY OF THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The purpose of the paper is to study the nature and features of semantic diffusivity in the Russian language of the XVI and the XVII centuries. The phenomenon of undifferentiation of several meanings in one context is actively researched on the basis of modern texts and is less studied in diachrony, although this phenomenon is found more frequently in Russian-language historical texts, thus having undoubted specificity. The basis for the study is formed by the Old-Russian-language texts of business and everyday content, in which, during the period of Moscow Rus, the living processes of formation of the future national Russian language took place. The reasons for the frequent phenomenon of diffusivity in the language of the XVI and the XVII centuries are the legacy of the Old Russian language, which was characterized by semantic syncretism, as well as the active process of polysemy formation in this period. A number of manifestations of semantic diffusivity in the Russian language of the XVI and the XVII centuries were identified: contexts with the combinations of insufficiently divergent meanings of future polysemantic words, non-segmentation of the semantic space of words, frequent ambiguity of phraseological units, the polyonymy of lexemes with concrete meaning manifested, on the one hand, through their ability to designate a number of similar objects and, on the other hand, through multiple nominations for specific subjects, the textual nature of synonymy complicated by morphological, word-formation, and lexical variability, the abundance of doublet names, the undifferentiated semantics of original words and derivatives. Thus, semantic diffusivity can be characterized as an essential, basic characteristic of the lexico-semantic system of the Old Russian language, and further consideration of semantic processes in the language of the period of initial formation of the national language is productive from this point of view.

Keywords: semantic diffusivity, Old Russian language, historical lexicology, lexical meaning, context, polysemy, semantic syncretism

For citation: Generalova, E. V. Diffusivity of semantics as a property of the lexico-semantic system of the Old Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. On the language of interpretations and semantic primitives. *Selected works*. Vol. 2. Moscow, 1995. P. 466–483. (In Russ.)
2. Artemov, A. To the question of the functioning and application of the term “semantic diffusiveness” in Russian and Czech linguistic studies. *Opera Slavica*. 2018;28(2):27–38. (In Russ.)
3. Vlasova, L. V. Semantic diffusion, semantic ambiguity: conception definitions. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014;1(2):128–132. (In Russ.)
4. Generalova, E. V. On synonymic relations in the language of Muscovite Russia of the XVI and XVII centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2016;3:98–106. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.98 (In Russ.)
5. Zaliznyak, Anna A. Ambiguity in language and ways of its representation. Moscow, 2006. 671 p. (In Russ.)
6. Isserlin, E. M. Vocabulary of the Russian literary language of the XVII century. Materials for the course on the history of the Russian literary language. Moscow, 1961. 80 p. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. Linguistic crystallization of meaning. Moscow, 2010. 351 p. (In Russ.)
8. Kovtun, L. S. About implicit semantic changes. *Topics in the Study of Language*. 1971;5:81–90. (In Russ.)
9. Kolesov, V. V. The philosophy of Russian words. St. Petersburg, 2002. 448 p. (In Russ.)
10. Leontyeva, A. V. Reflection in mental and language reality framing: factors and aspects of diffusiveness. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015;2(043):40–45. (In Russ.)
11. Pimenova, M. V. Lexico-semantic syncretism as a manifestation of formal and content-related linguistic asymmetry. *Topics in the Study of Language*. 2011;3:19–48. (In Russ.)
12. Sudakov, G. V. The history of Russian words. Vologda, 2010. 333 p. (In Russ.)
13. Tatarinov, V. A. Terminological vocabulary of the Russian language: the evolution of problems and aspects of study. *Russian language in modern society*. Moscow, 2006. P. 133–164. (In Russ.)
14. Shkapenko, T. M. Semantic diffusion: the bilingual aspect. *IKBFU's Vestnik*. 2012;8:42–47. (In Russ.)
15. Shmelev, D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary: a study of Russian-language texts. Moscow, 1973. 280 p. (In Russ.)
16. Kiklewicz, A. K. Understand the language. Sketches in philosophy of language, semantics, and linguistics of communication. Lask, 2007. 453 p.

Received: 2 September 2024; accepted: 30 September 2024

ИРИНА ИВАНОВНА КОРОТКЕВИЧ

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Института дополнительного образования
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
ORCID 0000-0002-8628-7318; viachiryinka@gmail.com

А. А. ШАХМАТОВ – ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (исследования белорусской историко-этнографической традиции)

Аннотация. Рассматривается деятельность Витебской ученой архивной комиссии, почетным членом которой был академик А. А. Шахматов. Цель статьи – обоснование интереса А. А. Шахматова и других ученых и общественных деятелей к этнографическим аспектам работы Комиссии, поскольку сбор и публикация материалов, имеющих отношение к отечественному архивоведению, археографии, источниковедению, музееведению и исторической библиографии, играли важную роль в становлении архивного дела в тот период истории государства и позволяли сохранить редкие и считающиеся неактуальными исторические документы. Материалом для исследования стали изданные Комиссией историко-этнографические труды, которые предоставляли научной общественности важные сведения регионального и славистического значения. Основными методами являются историзм и привлечение историко-культурного контекста, позволяющие представить научные интересы А. А. Шахматова в аспекте славистических исследований. Научная новизна статьи заключается в раскрытии роли Комиссии в архивировании и описании славистических и белорусоведческих материалов. Публикации членов Комиссии вызывали интерес общественности и деятелей науки, в том числе академика А. А. Шахматова. Некоторые материалы в изданных работах Комиссии позволяют подтвердить непрерывность белорусской национальной историко-этнографической традиции, продолжительность национальной письменности и культурного наследия белорусских земель, на основании чего можно сделать вывод об актуальности исследования работы Комиссии для истории белорусского литературного языка.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, Витебская ученой архивная комиссия, этнография и история Беларуси, непрерывность историко-культурной традиции Беларуси

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках подпрограммы «Беларускамоўная пісьмовая спадчына XVIII ст. у кантэксце моўнай пераемнасці» государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» НАН Беларуси на 2021–2025, № гос. регистрации 20211516.

Для цитирования: Короткевич И. И. А. А. Шахматов – почетный член Витебской ученой архивной комиссии (исследования белорусской историко-этнографической традиции) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1100

ВВЕДЕНИЕ

Славистические исследования занимают значительное место в научном наследии академика А. А. Шахматова. В частности, им сформулированы теоретические основы развития славянской акцентологии, опубликованы исследования украинского, польского, чешского и других славянских языков в общих исторических обзорах и в специальных работах относительно этногенеза славян [4], [13], [15: 110], [21: 222]. Диалектологические исследования и основные положения концепции

А. А. Шахматова о происхождении восточнославянских диалектов изложены в его рецензиях на работу А. И. Соболевского «Опыт русской диалектологии. Вып. I. Наречия великорусское и белорусское» (СПб., 1897)»¹ [9]. В 1903 году А. А. Шахматов был одним из инициаторов съезда русских филологов, выработал программу академической «Энциклопедии славянской филологии» 1908–1929 годов, академических исследований и лексикографических работ по кашубскому, полабскому, лужицкому, польскому, сербскому, словенскому языкам. В Пе-

тербургском университете читал лекции и вел занятия по истории и исторической диалектологии русского языка, старославянскому языку, синтаксису современного русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, диалектологии белорусского языка (курс «Белорусский язык в современных его говорах») и др. [14: 748]. Академик А. А. Шахматов занимался исследованиями вопросов истории белорусского языка и белорусских летописей [25: 26], и даже совершил в 1908 году научную поездку в Беларусь, во время которой «изучал говоры Борисовского уезда»². Интерес к письменной истории Беларуси проявился в том числе в участии А. А. Шахматова в работе созданного Синодом при Минской епархии Минского церковного историко-археологического комитета (1908–1914), который исследовал и описывал памятники старины, собирал фольклор, изучал церковные и монастырские архивы [10], [12: 320].

Научное наследие А. А. Шахматова высоко оценивалось ученым сообществом [17], [18] и остается актуальным в современных условиях, поскольку открывает перспективы в исследованиях по истории науки, истории общества на рубеже XIX–XX веков и дает новый материал для биографии самого А. А. Шахматова и его корреспондентов [1], [2], [3].

Занимаясь разносторонними лингвистическими исследованиями в области древних языков, диалектологии, становления литературного языка, славянских языков, А. А. Шахматов видел славистику в системе, в ее историко-этнографическом развитии, понимая, что общая картина складывается из разных, на первый взгляд не связанных между собой фрагментов. Поэтому вполне понятен интерес ученого к изысканиям небольших региональных научных сообществ, к которым можно отнести Витебскую ученую архивную комиссию (ВУАК) – научное историческое общество Витебской губернии, которое существовало в 1909–1918 годах и почетным членом которого был А. А. Шахматов. Комиссия была создана по инициативе нескольких энтузиастов: Е. Р. Романова – белорусского этнографа, фольклориста, археолога и публициста; А. П. Сапунова – выдающегося историка, археолога и краеведа Витебщины; В. С. Арсеньева – советника Витебского губернского правления, исследователя в сфере истории и архивного дела. Неслучаен и выбор города для создания архивной комиссии: «...именно здесь в 1862 г. начал свою работу один из трех Центральных исторических архивов древних актов книг,

заложивший архивные традиции в крае» [16: 5]. В Витебском Губернском архивном управлении находились материалы органов управления Витебской губернии за конец XVIII – начало XX века [11: 8].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУАК

Основной задачей Комиссии было устройство губернского исторического архива – разбор дел и документов, предназначенных губернскими и уездными архивами к уничтожению, отбор и публикация материалов, заслуживавших внимания ученого сообщества. Также Комиссия обозначила своей целью изучение и популяризацию истории Витебщины, охрану памятников истории и культуры, собирание предметов старины и проведение археологических раскопок, издание научных и популярных исследований по истории, археологии и этнографии региона, описание архивов и т. п. Отдельным видом деятельности ВУАК стало чествование героев войны 1812 года, которая в свое время сильно затронула северные территории современной Беларуси: на территории нынешней Витебской области был организован российский укрепленный лагерь, а сам Наполеон в Витебске провел две недели и даже встретил свой 43-й день рождения (недалеко от витебской ратуши стоит здание, с балкона которого Наполеон пламенно призывал своих сторонников идти на Москву)³. В октябре 1910 года в связи с подготовкой к 100-летию войны 1812 года в составе Комиссии был создан специальный комитет по чествованию памяти участников войны, поиску братских могил, установлению памятных знаков на местах исторических событий на территории Витебской губернии. На собранные Комиссией средства в Витебске даже был поставлен памятник событиям 1812 года⁴.

К концу 1910 года Комиссия насчитывала 28 членов-основателей, 99 почетных членов, среди которых, кроме А. А. Шахматова, были такие известные ученые и общественные деятели, как Д. И. Довгялло, Д. Н. Кайгородов, Е. Ф. Карский, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. П. Семёнов-Тяньшанский, В. И. Срезневский, П. А. Столыпин, Б. И. Эпимах-Шипило и др., 325 правомочных членов⁵.

ВУАК имела правление, совет, архив исторических документов, свой нумизматический музей, в котором хранилось 1069 монет и 39 медалей, собственную библиотеку на 3700 томов. Существовала Комиссия на субсидии от городов и земств, членские взносы, пожертвования от частных лиц и учреждений, публичные лек-

ции, доходы от изданий. В 1910 году по инициативе Комиссии был открыт Витебский учительский институт, в 1911 году – Витебское отделение Московского археологического института.

ВУАК поддерживала связи с большим количеством научных организаций. Ей присылали свои издания более 100 научных учреждений, библиотек, губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, среди которых такие авторитетные учреждения, как Императорская Санкт-Петербургская академия наук, Калифорнийский университет, Нью-Йоркская публичная библиотека, Московский университет, библиотека Румянцевского музея, Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого, Архангельское общество изучения Русского Севера, Оренбургская ученая архивная комиссия, Императорский Новороссийский университет, канцелярия Государственной Думы, Казанский городской научно-промышленный музей, Виленское православное Свято-Духовское братство, Сенатский архив, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, Псковское археологическое общество, Тамбовский статистический комитет, Туркестанская публичная библиотека и музей, Императорский Варшавский университет и др.⁶

В 1918 году Комиссия была ликвидирована согласно декрету, по которому все архивные комиссии и ученые общества передавались в подчинение Главному управлению архивным делом при Наркомате просвещения. Свой архив, музей и библиотеку ВУАК передала Витебскому отделению Московского археологического института.

В первый год работы ВУАК были изданы «Труды Витебской ученой архивной комиссии» по истории, культуре и этнографии Витебщины, затем они стали выходить под названием «Полоцко-Витебская старина» (всего с 1910 по 1916 год было издано три выпуска). Главными корреспондентами выступали уездные земские исправники, волостные правления, станковые приставы и учителя.

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ ВУАК

В аспекте белорусоведения в трудах ВУАК важным являются исследования Беларуси как отдельного региона с самобытным культурным наследием с точки зрения продолжительности и непрерывности его исторического пути. Члены Комиссии считали необходимым

описывать и подробно анализировать доступные им материалы по истории своего края [5], [6]. В частности, «Полоцко-Витебская старина» издания 1911 года начинается статьей Алексея Парфеновича Сапунова «Исторический очерк Витебской Белоруссии», в которой описываются не столько события Витебщины, сколько всей белорусской территории, указывая на древность истории Беларуси:

«Белорусский край известен с древнейших времен. Здесь пролегал знаменитый путь “из варяг в греки”. В древних сагах скандинавских также находятся любопытные сведения о нашем крае. В этих сагах, задолго до Рюрика, есть известия о Полоцке как о богатом и сильном владении... В XI–XII в. Полоцкое княжество является одним из самых богатых на Руси»⁷.

Однако, несмотря на давность и продолжительность белорусской истории, автор вынужден с сожалением указать на недостаточность сведений о белорусах, их слабой «идентификации» со стороны маститых ученых разных стран:

«Польские этнографы записывали (да и записывают) в провинциальную разновидность нации польской... и народность белорусскую... Некоторые литовско-латышские публицисты в последнее время, ничтоже сумняшеся, в свою очередь, заявляют, что белорусы – славянизированные литовцы. Да и в нашей русской литературе недавно еще возникал вопрос: существует ли самая белорусская народность?»⁸

Между тем этнические белорусы занимают не так уж мало места на карте Империи:

«Живут белорусы в семидесяти двух уездах следующих 14 губерний: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской»⁹.

Более того, белорусский «генетический материал» поучаствовал в образовании великорусской народности, по словам И. Е. Забелина, А. И. Соболевского и самого А. А. Шахматова:

«Уже в историческое время белорусское племя развило свою колонизацию на восток – к Поволжью; таким образом, оно является одним из основных элементов в образовании великорусского племени. Эту мысль проводит недавно скончавшийся И. Е. Забелин в своей “Истории русской жизни”, а также акад. А. И. Соболевский (“Лекции по истории русского яз.”) и акад. А. А. Шахматов (в 55 полут. Энцикл. слов. Брокгауза)»¹⁰.

«Первые русские историки (напр., Татищев) название Белой Руси относили к древнему времени и включали в границы ее Ростовско-Суздальскую область. Князей владимирских они именуют белорусскими. Это, заметим кстати, вполне совпадает с указаниями И. Е. Забелина, акад. А. И. Соболевского и А. А. Шахматова на колонизацию Ростовско-Суздальской области белорусскими племенами»¹¹.

Белорусские этнические земли оказывали влияние и на более позднюю историю Российской империи, в частности после разделов Речи Посполитой:

«Указом 23 октября 1772 г. Белоруссия разделена на две губ. – Псковскую и Могилевскую, с отделением части первой в состав губ. Новгородской; Псковская губ. была разделена на 5 провинций: две великорусские (Псковская и Великолуцкая) и три присоединенные от Польши (Двинская, Полоцкая и Витебская)...»¹²

Отдельно следует обратить внимание на описание языка белорусского народа – так называемого белорусского наречия. Исследователь напоминает, что несколько столетий старобелорусский язык являлся официальным языком Великого Княжества Литовского:

«Белорусское наречие было некогда языком местных деловых актов и грамот. По завоевании западного края Литвою, оно осталось государственным языком литовско-русского великого княжества. Языком деловой официальной жизни белорусское наречие оставалось с XIV вплоть до XVIII века. Так, этому языку принадлежит такой замечательный памятник, как Литовский Статут (правильнее – Белорусский, так как он – плод гения белорусского народа), напечатанный в Вильне в 1588 году, и та масса исторических документов, которая появляется в новейших археографических изданиях»¹³,

и приводит образец старобелорусской письменности XVI века:

«Што прудок наш славное памети, король его милость и велики князь литовский, Жикгимонт Август выдаючи ку жвиванью обывателем того паньства, князства литовского, сесь статут права порсполитого земскаго и т. д... А писар земски маеть по русски, литеррами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншим езыком и словы»¹⁴.

Подтверждением высокого статуса старобелорусского языка автор считает тот факт, что по-белорусски и белорусами по происхождению созданы многие литературные памятники:

«На том же белорусском языке написаны так называемые литовские (точнее, западно-русские) летописи: “Летопись Быховца” (изд. Нарбутом в 1827 г.), “Летопись вел. кн. Литовских” (изд. Марциновским в 1827 г., а затем А. Поповым в 1854 г.), “Барколабовская летопись” (охватывающая события 1526–1608 гг.; издана несколько раз: Кулишем, М. В. Довнор-Запольским, Е. Р. Романовым); Скориною, уроженцем Полоцка, издана Библия в 1517 г. в Праге; им же изданы Псалмы и Деяния Апостольские в 1526 г.; Василием Тяпинским, полоцким шляхтичем, переведена на белорусский язык и напечатана около 1580 г. в своей типографии (в Лепельском у.) Библия...»¹⁵

Многогранность и непрерывность исторического пути белорусского народа характеризуют статьи в изданиях ВУАК, среди которых «Полоц-

кий князь Всеслав и его время» преподавателя Витебского учительского института Д. С. Леоновардова; «Сказания исландских, или скандинавских, саг о Полоцке, князьях полоцких и реке Западной Двине», «Чертеж г. Витебска 1664 года», «Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Грозного после завоевания Полоцка в 1563 г.», «Исторический очерк Витебской Белоруссии», «Способы запашки земли и посева хлебов в Белоруссии и в Великом княжестве Литовском в конце 16 и начале 17 века» (по А. Гваньини) А. П. Сапунова; «Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение» витебского врача и краеведа П. М. Красовицкого; «Иезуиты в восточной части Белоруссии с 1579 по 1772 г.» И. Я. Митрошенко; материалы о Грюнвальдской битве 1410 года, о Полоцком кадетском корпусе, мемуары участников Отечественной войны 1812 года на территории Беларуси (причем и с российской, и с французской стороны), документальные материалы об этой войне; статьи о деятельности и воспоминания об ученых, писателях и общественных деятелях, которые каким-то образом имели отношение к деятельности ВУАК или к Беларуси, – В. О. Ключевском и Н. Я. Никифоровском (почетные члены ВУАК), П. А. Столыпине (был губернатором Гродно), И. И. Лажечникове (был вице-губернатором Витебска) и др.

ПРОБЛЕМА НЕПРЕРЫВНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

В современной белорусистике актуальным является вопрос о преемственности белорусского литературного языка, непрерывности литературно-письменной традиции. В середине XVIII века из-за полонизации белорусских земель в Речи Посполитой белорусский язык функционировал преимущественно в устной форме, сохранилось лишь небольшое количество белорусскоязычных или латиноязычных письменных литературных памятников делового, религиозного и художественного стилей [20], [23], [24]. Период XVIII века считается переходным этапом нового белорусского литературного языка [22: 9]. Слабая письменная фиксация культурного наследия белорусского народа в указанный период отмечалась и в историко-этнографических описаниях научных обществ и отдельных ученых [7], [8], [19]. Поэтому ценным фактом для истории белорусоведения является то, что в изданиях ВУАК можно найти элементы письменной фиксации живой белорусской речи середины XVII века, например, написание по-белорусски религиозной полемической литературы – полеми-

ки между православными и униатами: «...многие из политических сочинений в эпоху религиозного движения XVII в. также написаны на белорусском наречии»⁶. Или указание на разговорную традицию диалектов белорусского языка, не имеющую письменной фиксации: «Нынешние белорусские говоры до последнего времени не имели, да и теперь, в сущности, не имеют литературной обработки»⁷. Или же образец живой белорусской речи из ратушной книги Витебска – письменного памятника 1726 года: «...белорусы, как говорится в одном документе, “только фарбу унии по себе показывают, свои же обряды старогреческие заховують (сохраняют; перевод наш. – И. К.), едностью с Римом погоржают (гнушаются)”»⁸. Указание в публикациях ВУАК на традицию употребления белорусского языка в письменном виде в XVII веке представляет значительную ценность для истории белорусского литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Витебская ученая архивная комиссия слабо обеспечивалась в материальном плане, однако она, как и многие другие подобные комиссии, выполняла важную общественную задачу: в меру своих возможностей вела архивную работу в конкретном регионе дореволюционной России. Издания ВУАК «Труды Витебской ученой архивной комиссии», «Полоцко-Витебская старина», а также отдельные публикации и делопроизводственная документация представляют научный интерес прежде всего тем, что содержат публикации документов, к настоящему времени

утраченных. Свидетельством интереса к изданным материалам могут служить письма академиков А. А. Шахматова и М. К. Любавского в адрес Комиссии с благодарностью за присылку им первого выпуска «Трудов...»⁹, в котором были опубликованы сведения о самой ВУАК (личный состав за первый год существования, списки почетных и действительных членов ВУАК, членов Особого комитета по чествованию юбилея войны 1812 года, а также список учреждений, приславших в ВУАК печатные издания, – 103 позиции). Кроме того, в первом выпуске были опубликованы статьи «Галицкие и Литовские митрополиты 14–15 в. и отношение к ним епископов Полоцкой и Туровской епархий», документы из архива Витебского губернского правления о событиях 1812–1813 годов, дневниковые записи и мемуары о дворянских семьях и губернской жизни середины XVIII–XIX веков, воспоминания о И. И. Лажечникове.

Деятельность Витебской ученой архивной комиссии в свое время имела огромное значение для развития регионального и отечественного архивоведения, источниковедения, библиотечного дела и белорусской национальной историографии. Поэтому неудивителен интерес к ее работе со стороны академика А. А. Шахматова. Более того, можно говорить о своеобразном научном взаимообогащении и Комиссии, и читателей ее материалов: престиж изданий Комиссии возрастал в связи с публикацией работ авторитетных ученых, а ученый мир получал малоисследованный фактологический материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды (библиограф. словарь). Т. I. Минск: Изд-во БГУ, 1976. С. 288.
- ² Там же. С. 281.
- ³ Война 1812 года: памятные места, следы Наполеона в Беларуси и легенда о кладе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/dose-vojna-1812-goda-pamjatnye-mesta-sledy-napoleona-v-belarusi-i-legend-a-o-klade-509808-2022/> (дата обращения 11.08.2024).
- ⁴ Віцебская вучоная архіўная камісія: да 115-годдзя з дня заснавання [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://niab.by/newsite/ru/Vitebsk_Scientific_Archival_Commission_vystavka (дата обращения 11.08.2024).
- ⁵ Труды Витебской ученой архивной комиссии за 1909/1910 год. Витебск: Типография наследников М. Б. Неймана, 1910. Т. I. С. 2–4.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Полоцко-Витебская старина / Издание Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Витебск: Типография наследников М. Б. Неймана, 1911. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 1.
- ⁹ Там же. С. 3.
- ¹⁰ Там же. С. 4.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Полоцко-Витебская старина / Издание Витебской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Витебск: Типография наследников М. Б. Неймана, 1916. С. 56.
- ¹³ Полоцко-Витебская старина / Издание Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Витебск: Типография наследников М. Б. Неймана, 1911. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 9–10.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2771. Оп. 1. Д. 155. Л. 63, 73. Витебская ученой архивная комиссия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов и ученое сообщество России // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 112–120.
2. Вовина-Лебедева В. Г. Подготовка к изданию переписки ученых (на примере переписки А. А. Шахматова) // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 85–87.
3. Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. 2019. № 4. С. 3–27.
4. Гордиенко Д. С. Этногенез восточных славян в концепциях А. А. Шахматова // Novogardia. 2022. № 1. С. 19–32 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novogardia.info/index.php/1k/article/view/326> (дата обращения 12.04.2024).
5. Заблоцкая М. В. Витебская ученой архивная комиссия: 1909–1918 гг. (на материале архивных документов) // Романовские чтения – 14: Сб. статей Междунар. науч. конф. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 48–50.
6. Заблоцкая М. В. Изучение белорусской истории в работах деятелей организаций западнорусской направленности на территории Витебской губернии // Религия и общество – 14: Сб. науч. ст. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 192–194.
7. Короткевич И. И. Историко-этнографические описания как источник лингвокультурных сведений о Беларуси XVIII–XIX вв. // Славянские чтения – 2023: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 24–25 мая 2023 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2023. С. 28–31.
8. Короткевич И. И. Этнографические исследования Русского географического общества как источник лингвокультурных сведений о Беларуси XVIII в. // Берковские чтения – 2023. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы VII Междунар. науч. конф. (Брест, 24–25 мая 2023 г.). М.: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН; Минск: ЦНБ НАН Беларуси, 2023. Т. 1. С. 414–418.
9. Крылова О. Н. От Московского кружка для научного изучения русского языка к Московской диалектологической комиссии (1901–1904 гг.) // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 226–242. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-226-242
10. Мшар Е. И. Учреждение Минского церковного историко-археологического комитета // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития: Материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2 ноября 2016 г. Минск: Изд-во Минской духовной академии, 2017. С. 299–306.
11. Национальный исторический архив Беларуси: Путеводитель по фондам. Минск: НИАБ, 2022. 616 с.
12. Никитин О. В. Семейная хроника Шахматовых: необычная книга из норвежского архива // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 318–327.
13. Никитин О. В. «Утрата языка – это утрата народности». Из архивного наследия академика А. А. Шахматова // Русская речь. 2018. № 5. С. 28–35.
14. Поникаровская М. В. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 726–754.
15. Темушев С. Н. Начало формирования западной границы Руси // Беларусь и Европа: историко-культурное наследие и современность: Материалы междунар. науч.-практ. онлайн-конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Минск, 24 апреля 2020 г. Минск: БГПУ, 2021. С. 108–111.
16. Шумейко М. Ф. Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909–1919) // Архіварыус: зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў / Дэпартамент па архівах і справаводстваў Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Мінск, 2009. Вып. 7. С. 3–11.
17. Яковлев В. В. Академик А. А. Шахматов и европейская гуманитарная наука // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26-2. С. 1321–1360.
18. Яковлев В. В., Нечаев П. А. Академик А. А. Шахматов и польское лингвистическое сообщество: контакты начала XX века // Изучение польского языка в России и русского языка в Польше: опыт, проблемы, перспективы: Сб. материалов Междунар. очно-заочной конф. (г. Уфа, 20 мая 2021 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 270–278.

19. Гапоненка І. А. У. К. Стукаліч – літаратуразнавец, гісторык, краязнавец XIX ст.: лінгвістычная спадчына // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філологія = Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023. № 2. С. 45–55.
20. Караткевіч І. І. Беларуская мова ў тэкстах XVIII стагоддзя (погляды на праблему пераемнасці беларускай мовы) // Acta Albaruthenica. Варшава, 2021. Т. 21. С. 219–229.
21. Кулеш Г. І. Гісторыя, стыль і культура беларускага маўлення. Мінск: БДУ, 2023. 247 с.
22. Леванцэвіч Л. В. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: РІВШ, 2020. 192 с.
23. Свістунова М. І. Беларускамоўныя лацінаграфічныя тэксты XVIII ст. у справе вырашэння праблемы перарыву пісьмовай традыцыі // Роднае слова. 2021. № 1. С. 30–34.
24. Свістунова М. І. Да праблемы пераемнасці беларускай літаратурнай мовы: лацінаграфічныя тэксты XVIII стагоддзя // Acta Albaruthenica. Варшава, 2020. Т. 20. С. 239–253.
25. Шакун Л. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Універсітэцкае, 1984. 319 с.

Поступила в редакцию 31.07.2024; принята к публикации 23.09.2024

Original article

Iryna I. Karatkevich, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
 ORCID 0000-0002-8628-7318; viachiryinka@gmail.com

**A. A. SHAKHMATOV, HONORARY MEMBER OF THE VITEBSK
 ACADEMIC ARCHIVAL COMMISSION
 (a study of the Belarusian historical and ethnographic tradition)**

Abstract. The article examines the activities of the Vitebsk Academic Archival Commission, of which Academician A. A. Shakhmatov was an honorary member. The purpose of the article is to substantiate the interest of A. A. Shakhmatov and other scientists and public figures in the ethnographic aspects of the Commission's work, since the collection and publication of materials related to Russian archival science, archeography, source studies, museology and historical bibliography played an important role in the formation of archival affairs during that period of the state's history and allowed to preserve rare historical documents and documents which used to be considered irrelevant. The materials for the study comprised historical and ethnographic works published by the Commission, which provided the scientific community with important information of regional and Slavic significance. The main research methods included historicism and the involvement of the historical and cultural context, which allowed to present the scholarly interests of A. A. Shakhmatov in the Slavic studies domain. The novelty of the study of the Commission's work lies in revealing its role in archiving and describing materials on Slavic and Belarusian studies. The publications of the members of the Commission aroused the interest of the public and scholars, including Academician A. A. Shakhmatov. Some materials in the published works of the Commission enable to confirm the continuity of the Belarusian national historical and ethnographic tradition, the duration of the national writing and cultural heritage of the Belarusian lands, which leads to the conclusion that the study of the Commission's work is relevant for studying the history of the Belarusian literary language.

Keywords: A. A. Shakhmatov, Vitebsk Academic Archival Commission, ethnography and history of Belarus, continuity of the historical and cultural tradition of Belarus

Acknowledgements. The article was written as part of the subprogram “Belarusian-language written heritage of the XVIII century in the context of linguistic continuity” of the state scientific research program “Society and humanitarian security of the Belarusian state” of the National Academy of Sciences of Belarus for 2021–2025 (state registration No 20211516).

For citation: Karatkevich, I. I. A. A. Shakhmatov, honorary member of the Vitebsk Academic Archival Commission (a study of the Belarusian historical and ethnographic tradition). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1100

REFERENCES

1. Vovina-Lebedeva, V. G. A. A. Shakhmatov and the academic community of Russia. *Academician A. A. Shakhmatov: life, works, scientific heritage (celebrating the 150th anniversary)*. St. Petersburg, 2015. P. 112–120. (In Russ.)
2. Vovina-Lebedeva, V. G. Preparation for the publication of correspondence between scholars (a study of A. A. Shakhmatov's correspondence). *Topical issues of source studies: Proceedings of the VI international research and practice conference*. Vitebsk, 2021. P. 85–87. (In Russ.)
3. Vovina-Lebedeva, V. G. The extinct world of Ancient Russian chronicles: today's look. *Russian History*. 2019;4:3–27. (In Russ.)
4. Gordienko, D. S. Ethnogenesis of the Eastern Slavs in the concepts of A. A. Shakhmatov. *Novogardia*. 2022;1:19–32. Available at: <http://novogardia.info/index.php/1k/article/view/326> (accessed 12.04.2024). (In Russ.)

5. Zablotskaya, M. V. Vitebsk Scientific Archival Commission: 1909–1918 (based on archival documents). *Romanov Readings – 14: Collection of articles of the international research conference*. Mogilev, 2020. P. 48–50. (In Russ.)
6. Zablotskaya, M. V. The study of Belarusian history in the works of figures of organizations of Western Russian orientation in the territory of the Vitebsk Province. *Religion and society – 14: Collection of research articles*. Mogilev, 2020. P. 192–194. (In Russ.)
7. Korotkevich, I. I. Historical and ethnographic descriptions as a source of linguistic and cultural information about Belarus of the XVIII–XIX centuries. *Slavic Readings – 2023: Proceedings of the international research and practice conference*. Sterlitamak, 2023. P. 28–31. (In Russ.)
8. Korotkevich, I. I. Ethnographic studies of the Russian Geographical Society as a source of linguistic and cultural information about Belarus of the XVIII century. *Berkov Readings – 2023. Book culture in the context of international contacts: Proceedings of the VII international research conference*. Moscow; Minsk, 2023. Vol. 1. P. 414–418. (In Russ.)
9. Krylova, O. N. From Moscow circle for the scientific study of the Russian language to the Moscow Dialectological Commission (1901–1904). *Philological Class*. 2023;28(4):226–242. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-226-242 (In Russ.)
10. Mshar, E. I. Establishment of the Minsk Church Historical and Archaeological Committee. *Church science at the beginning of the third millennium: actual problems and prospects of development: Proceedings of the international research conference*. Minsk, 2017. P. 299–306. (In Russ.)
11. National Historical Archive of Belarus: Guide to the funds. Minsk, 2022. 616 p. (In Russ.)
12. Nikitin, O. V. Shakhmatov Family Chronicle: an unusual book from the Norwegian archive. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2020;58:318–327. (In Russ.)
13. Nikitin, O. V. “The loss of language is the loss of nationality”. From the archival heritage of Academician A. A. Shakhmatov. *Russian Speech*. 2018;5:28–35. (In Russ.)
14. Ponikarovskaya, M. V. Alexey Alexandrovich Shakhmatov (1864–1920). *The Founding Fathers of the RAIMK: their life paths and contribution to science*. St. Petersburg, 2022. P. 726–754. (In Russ.)
15. Temushev, S. N. The beginning of the formation of the western border of Russia. *Belarus and Europe: historical and cultural heritage and modernity: Proceedings of the international research and practice online conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945* (Minsk, 24 April 2020). Minsk, 2021. P. 108–111. (In Russ.)
16. Shumeyko, M. F. Activity of the Vitebsk Academic Archival Commission (1909–1919). *Archivist: Collection of scientific reports and articles*. Minsk, 2009. Issue 7. P. 3–11. (In Russ.)
17. Yakovlev, V. V. Academician A. A. Shakhmatov and European humanities. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2022;26-2:1321–1360. (In Russ.)
18. Yakovlev, V. V., Nechaev, P. A. Academician A. A. Shakhmatov and Polish linguistic community: contacts of the early twentieth century. *Studying the Polish language in Russia and the Russian language and culture in Poland: experience, problems, prospects: Proceedings of the international online conference*. Ufa, 2021. P. 270–278. (In Russ.)
19. Gaponenka, I. O. V. K. Stukalich – literary critic, historian, local historian of the XIX century: linguistic heritage. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;2:45–55.
20. Karatkevich, I. I. The Belarusian language in texts of the XVIII century (views on the problem of continuity of the Belarusian language). *Acta Albaruthenica*. 2021;21:219–229.
21. Kulesh, G. I. History, style and culture of the Belarusian speech. Minsk, 2023. 247 p.
22. Levantsevich, L. V. The history of the Russian literary language. Minsk, 2020. 192 p.
23. Svistunova, M. I. Belarusian-language Latin texts of the XVIII century in solving the problem of interruption of the written tradition. *Native Word*. 2021;1:30–34.
24. Svistunova, M. I. On the problem of continuity of the Russian literary language: Latin texts of the XVIII century. *Acta Albaruthenica*. 2020;20:239–253.
25. Shakhun, L. I. The history of the Belarusian literary language. Minsk, 1984. 319 p.

Received: 31 July 2024; accepted: 23 September 2024

EDN: PQWVPO

ШАХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ – 2024

Кафедра русского языка Петрозаводского государственного университета (заведующий – доктор филологических наук, профессор Н. В. Патроева) – одна из активно работающих в современной системе университетского гуманитарного профессионального образования в России. Эта активность выражается не только в собственно исследовательской работе, но и в организации и плодотворном проведении научных конференций, проблематика которых сводится в том числе и к изучению и пропаганде отечественной лингвистической классики.

Традиционными стали в Петрозаводском государственном университете, например, «Фортунатовские чтения», основным предметом обсуждения которых является исследование научного наследия знаменитого академика Ф. Ф. Fortunatova, который в юности до переезда в Москву учился в Петрозаводской гимназии, а, став впоследствии академиком, свой летний отпуск ежегодно с 1903 года до конца жизни (1914) проводил в Карелии, в Косалме, расположенной в 25 км от Петрозаводска, где у него был свой дом и где он похоронен. В этот период он оставался самым авторитетным в Европе компаративистом, для общения с которым многие европейские компаративисты «приезжали учиться из Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Франции, Германии, Австрии, Румынии, Сербии» (Петерсон М. Н. Академик Ф. Ф. Fortunatov // Fortunatov Ф. Ф. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. С. 14), так что научные лингвистические традиции Петрозаводска вполне органичны.

Нынешняя конференция под общим названием «Шахматовские чтения в Карелии» проходила 23–26 мая 2024 года и являла собой представительное Всероссийское научное мероприятие с международным участием, посвященное 160-летию со дня рождения великого русского ученого Алексея Александровича Шахматова и 300-летию Российской академии наук.

Заметим, что оргкомитету конференции удалось привлечь внимание к ней представителей

внушительного числа российских университетов и научных учреждений, а также университетов ряда других стран. Так, докладчиками выступали преподаватели университетов и сотрудники академических институтов Москвы (Институт языкознания РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Московский государственный университет), Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт лингвистических исследований РАН), Перми, Оренбурга, Орла, Симферополя, Донецка, Новосибирска, Глазова, Калининграда, Воронежа, Нижнего Новгорода, Иркутска, Петрозаводска, Костромы и многих других, а также вузов Китая, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана и Венгрии.

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языка Института филологии ПетрГУ
Научная библиотека ПетрГУ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА имени В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СЕВЕРО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ОТКРЫТЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНСОРЦИУМ (СЕОНОК)
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (РУСЛИТВУЗ)

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**
(с международным участием)

**«Шахматовские чтения
в Карелии»**

23–26 мая 2024 года,
Россия, Республика Карелия, Петрозаводск

23 мая		24 мая		
09:30–10:00	РЕГИСТРАЦИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	ПетрГУ фойе у актового зала (2 эт.)	10:00–13:30 СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	ПетрГУ (ауд. 220А, 361) Музей истории ПетрГУ
10:00–17:00	ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	ПетрГУ, Актный зал главный корпус на пр. Ленина, 33	13:30–17:00 СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	ПетрГУ (ауд. 317) главный корпус на пр. Ленина, 33
25 мая		26 мая		
10:00–16:00	ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	(продолжение в онлайн-режиме)	10:00–16:00 СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	(продолжение в онлайн-режиме)

Проблематика докладов охватывала разные аспекты научной деятельности Алексея Александровича Шахматова: синтаксис, лексикологию и лексикографию, словообразование, диалектологию, морфологию, проблемы теории русского литературного языка, фразеологию, функционирование языковых единиц в разговорной речи и в художественных текстах, в языке фольклора, а также некоторые моменты его научной и личной биографии.

Значительное количество докладчиков и разнообразие их тематики предопределили порядок работы конференции, в котором пленарные заседания «Научное наследие А. А. Шахматова и актуальные проблемы современного языкознания» приходились на первый день конференции и в онлайн-режиме – на последний день. Кроме того, работали шесть секций: секция 1: «Русский язык в его развитии и функционировании», посвященная Дню славянской письменности; секция 2: «Историческая стилистика, лингвопоэтика, медиалингвистика», посвященная 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина; секция 3: «Язык русского фольклора. Диалектология. Лингвокультурология», посвященная памяти заслуженного деятеля науки Республики Карелия Л. П. Михайловой и 70-летию со дня рождения Н. В. Тищенко; секция 4: «Актуальные проблемы синтаксиса и лексикологии», а также секция молодых ученых и школа молодых исследователей.

Участников конференции от имени ректората университета приветствовал проректор по научной работе профессор В. С. Сюнев.

Перед первым пленарным заседанием с кратким, но содержательным словом к участникам конференции обратилась председатель Оргкомитета профессор Н. В. Патроева, представившая обзор исследовательской проблематики принимающих участие в конференции научных коллективов, тем самым обозначив общую картину научно-исследовательской работы в высшей школе страны в целом.

В день открытия конференции в фойе второго этажа Научной библиотекой ПетрГУ была организована выставка научных работ А. А. Шахматова.

Подводя итоги, можно сказать, что конференция выявила как успехи, так и некоторый дисбаланс в современной картине лингвистических исследовательских изысканий, который связан, в частности, с заметным затуханием широкого интереса к фундаментальным проблемам грамматического строя языка в его истории и современном состоянии. Вместе с тем непропорционально растет количество разного типа словарей без отчетливо обозначенных целей и назначения.

Конференция прошла организованно и плодотворно. Подобного рода конференции в высшей степени полезны и востребованы именно в современных условиях, когда нашей стране приходится в острой борьбе отстаивать свои культурные ценности и пути развития собственной культуры и системы образования. Огромен, кроме всего прочего, воспитательный потенциал отечественной классики, в том числе и научной.

*З. К. Тарланов, доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru*

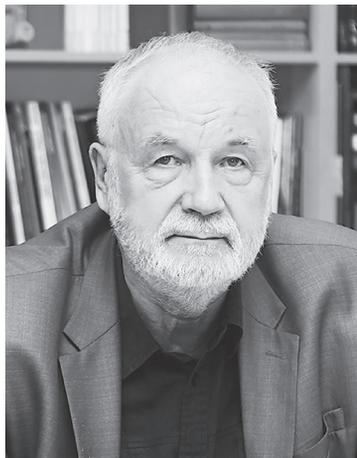
Поступила в редакцию 30.09.2024; принята к публикации 04.10.2024

Scientific information

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
savtar@sampo.ru

THE 2024 SHAKHMATOV READINGS IN KARELIA

Received: 30 September 2024; accepted: 4 October 2024

20 октября исполнилось 75 лет доктору филологических наук, профессору кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ *Владимиру Николаевичу Захарову*

Celebrating the 75th anniversary of Professor *Vladimir N. Zakharov*

ШКОЛА ВЛАДИМИРА ЗАХАРОВА

(к юбилею литературоведа и редактора)

Есть личности, делам которых можно посвящать многотомные монографии. Имя одного из таких людей в российской и мировой филологии – Владимир Николаевич Захаров. Тем ценнее, что судьба и профессиональная деятельность признанного специалиста в области истории русской литературы, исторической поэтики, теории литературы, текстологии, творчества Ф. М. Достоевского связаны прежде всего с Петрозаводским государственным университетом.

В профессиональном сообществе В. Н. Захаров не нуждается в представлении. Круглому юбилею ученого был посвящен сборник научных статей «Филология как призвание» (2019), в котором представлены работы ученых из разных городов России и Италии, продолжающие основные направления его исследований. Книга открывается статьей «“Для меня нет лучшего образования, чем филологическое!” (О Владимире Николаевиче Захарове)», а завершается библиографией исследователя из 365 работ и Приложением, в котором опубликованы письма к юбиляру таких известных литературоведов, как В. Н. Топоров, Н. А. Натова, А. В. Михайлов (см.: Филология как призвание: Сб. ст. к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова / Отв. ред. А. В. Пигин, И. С. Андрианова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 664 с.). Однако уникальные архивные данные об ученике и студенте Владимире Захарове, сохранившиеся в Петрозаводском университете, и новые дела ученого на благо российской науки, осуществленные за последние пять лет, позволяют продолжить рассказ о его призвании.

Будущий ученый родился в Мурманске в семье военного, но через несколько лет вместе с родителями оказался в Петрозаводске. Ориентируясь на отца и мечтая с детства о военной службе, молодой человек поступил в Калининское (ныне Тверское) суворовское военное училище. Как ни странно, но именно там у него зародился серьезный интерес к филологии – этому способствовали занятия в литературном кружке. Не видя возможности реализовать свои гуманитарные интересы и способности в суворовском училище, Владимир Захаров через два года обучения оставил его и вернулся в Петрозаводск. Здесь он окончил 10-й класс 30-й средней шко-

лы и получил характеристику для поступления в университет:

«Володя в данной школе учился половину учебного года 1966–67-го. Прибыл сюда из военного училища имени Суворова г. Калинин. Занимался там преимущественно на отлично, в школе – преимущественно на “5” и “4”. Увлечен литературой, философией. Думает поступать в университет на филологический факультет. Юноша скромный, дисциплинированный, серьезный. Педагогический совет школы рекомендует ученика для поступления в университет на филологическое отделение» (Архив ПетрГУ. Дело № 17/248).

При поступлении на историко-филологический факультет выпускник школы сдавал письменный экзамен по русскому языку и литературе, тема которого была «Семья Болконских в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”».

В Петрозаводском университете В. Н. Захаров учился с 1967 по 1972 год. Среди его педагогов были известные филологи: И. П. Лупанова, Л. Я. Резников, М. М. Гин, Т. Г. Мальчукова, Л. Н. Колесова, М. М. Кислова, К. В. Зенькова, Т. Г. Доля, Н. А. Соколова, Л. В. Павлов, М. Я. Кривонкина, З. Г. Юсупова. В числе специальных курсов студент посещал такие, как «История советской детской литературы», «Натуральная школа», «Теория журналистики», «Ф. М. Достоевский», «М. Горький и его современники», «Актуальные проблемы романтизма»; среди обязательных предметов сдавал со всеми «Научный коммунизм» и «Основы научного атеизма».

Дипломный проект, выполненный на отлично, назывался «Проблема фантастического в творчестве Ф. М. Достоевского (ранний период)». Выбор автора для исследования был нетипичен в 1960–1970-е годы, на чем сделан акцент и в характеристике личностных и деловых качеств выпускника В. Н. Захарова, данной деканом историко-филологического факультета доцентом С. П. Сюневым:

«За время учения в университете проявил большие способности к научной работе, был активным участником всех общественных мероприятий, проводимых в университете.

В период с 1969 по 1970 год им было прочитано более 20 лекций по советской литературе. Лекции читались в городах и районах республики. В. Н. Захаров сделал интересные доклады на нескольких научных конференциях. Его доклады были отмечены в числе лучших.

В. Н. Захаров отличается целеустремленностью и постоянством интересов. Его литературные интересы связаны с творчеством такого сложного и противоречивого художника, как Ф. М. Достоевский.

В. Н. Захаров обладает спокойствием, выдержкой и всегда готов прийти на помощь товарищу. Все эти качества позволили ему быть одним из лучших студентов

курса на протяжении всех лет обучения в университете» (Архив ПетрГУ. Дело № 17/248).

На кафедре русской литературы ПетрГУ (теперь кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики) В. Н. Захаров работает с 1972 года, пройдя путь от преподавателя-почасовика до заведующего (с 1985 года по настоящее время). В 1989 году он получил звание профессора, с мая 1993 по октябрь 2001 года занимал должность декана филологического факультета. За время работы на кафедре вел курсы «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «Этнопоэтика русской словесности», спецкурсы по исторической поэтике, творчеству Достоевского, научному проектированию в филологии.

Научная и педагогическая деятельность В. Н. Захарова заслужила признание в России и за рубежом. Этому способствовали не только его обзорные лекции по русской литературе XIX–XX веков в университетах Финляндии, Австрии, США, Аргентины, Японии, четыре монографии и свыше 360 научных статей, опубликованных в разных странах мира, но и редакционно-издательская деятельность ученого.

В эдиционном труде В. Н. Захаров впервые проявил себя в 1985 году, став редактором монографии своего учителя профессора М. М. Гина «Достоевский и Некрасов: два мировосприятия». Далее последовала редакторская работа над межвузовскими сборниками «Жанр и композиция литературного произведения» (1988, 1989), «Проблемы исторической поэтики» (1990, 1992), «Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы» (1991), «Новые аспекты в изучении Достоевского» (1994).

Всемирно известным является серийное издание «Проблемы исторической поэтики», в котором под редакцией В. Н. Захарова с 1994 года публиковались материалы организованных ученым международных конференций «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр». В 2016 году главный редактор и редакция «Проблем исторической поэтики», состоящая из пяти сотрудников Web-лаборатории ПетрГУ (теперь Международного центра изучения Достоевского), приняли решение поменять формат издания, преобразовав его в соответствии с мировыми стандартами в научный ежеквартальный журнал открытого доступа (<https://poetica.pgu>), тем самым увеличив объем своей работы вчетверо. Это стратегическое решение принесло свои результаты: на сегодняшний день

в журнале продолжают публиковаться новые интерпретации произведений русской и мировой литературы, он входит в топ-500 ведущих российских журналов, занимает восьмое место среди 1430 отечественных журналов по литературоведению (согласно данным РИНЦ на 2023 год), имеет международный статус с индексацией в базах данных Scopus и Web of Science.

В 2013 году открылась новая страница в редакторской деятельности В. Н. Захарова: он возглавил журнал «Неизвестный Достоевский» (<https://unknown-dostoevsky.ru>). В состав редакционного совета и редакционной коллегии нового издания вошли ведущие ученые из разных стран мира, исследователи биографии и творчества Ф. М. Достоевского, в состав редакции – т. н. «петрозаводская текстологическая школа» (Т. В. Панюкова, И. С. Андрианова, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, В. С. Зинкова, Л. В. Алексеева, А. В. Храмых, О. А. Сосновская, Д. Д. Бучнева). Журнал занял особое место среди многочисленных изданий, посвященных Достоевскому: его миссия – в привлечении и поддержке оригинальных исследований биографии и творчества великого русского писателя, опирающихся на историко-лингвистическую базу, в обеспечении доступа читателей из разных стран к неопубликованным архивным данным. За 10 лет выхода издания в нем проанализированы и опубликованы тысячи уникальных материалов о Достоевском, его родственниках и окружении: рукописи, документы, фотографии из российских и зарубежных архивов, статьи из забытых изданий редких фондов библиотек. С помощью этих данных не только установлены новые факты биографии писателя и его окружения, но и описаны неизвестные эпизоды истории русской литературы и культуры, а также раскрыты семейные предания (некоторые читатели журнала находят среди корреспондентов Достоевского, упомянутых в научных статьях, своих далеких предков). «Изыминкой» каждого номера журнала являются интригующие анонсы от главного редактора, которые размещаются на титульной странице с целью заинтересовать читателей, как это делали в периодических изданиях XIX века:

Аполлон Майков и Федор Достоевский: Что задумали поэт в прозе и прозаик в стихах? **В кругу Достоевских:** Кто помогал писателю издавать и продавать его книги? **Жизнь после смерти:** Достоевский в Армении. **Апология Исаева:** Как молва ославила пьяницей смертельно больного человека? **Уроки истории всерьез и в шутку:** Гарибальди побеждает даже тогда, когда терпит поражение. **Интриги журналистов:** Как сегодня понять в «Пушкинской речи» то, что не поняли совре-

менники? **Искушение Мережковского:** Достоевский или революция?

Согласно статистическим расчетам за 2023 год, «Неизвестный Достоевский» занимает первое место среди российских журналов по тематике «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» и 16-е место среди мировых изданий «Art & Humanities» международной базы данных Scopus. Эти высокие результаты – заслуга редакционной команды, авторов и, конечно, главного редактора, который надеется, что «пришло время Достоевского»: «Когда-то лидирующие позиции занимали научные издания, посвященные творчеству А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. Сегодня пришло время Достоевского. Он не вместо, а вместе со всеми классиками русской и мировой литературы. Он помогает науке и образованию, каждому читателю, ученому, преподавателю».

Редакционная команда международных научных журналов «Проблемы исторической поэтики» и «Неизвестный Достоевский» прошла школу мастерства профессора Захарова, который принимает активное участие на всех этапах подготовки статей к публикации – от рецензирования, редактирования, подбора иллюстраций до регистрации готовых номеров в базах данных и электронных библиотеках. Самолюбие не каждого автора, приславшего статью в журналы В. Н. Захарова, выдержит строгую оценку главного редактора, многочисленные вопросы по тексту и рекомендации по доработке. Но если автор где-то последует советам опытного ученого, где-то лучше аргументирует свою позицию, то статья от этого выиграет, станет понятнее, интереснее, профессиональнее. Особое внимание главный редактор уделяет названию статьи и требует от него ясности, краткости и запоминаемости, чтобы, прочитав его, читатели захотели познакомиться со всей работой и процитировать ее. «Статья, как корабль: как ее назовешь, так она и поплывет», – уверенно рассказывает редактор. «Или же утонет, никто ее не прочитает и не процитирует – такая научная работа не имеет ценности», – добавляет он.

Редакционной команде двух международных журналов, каждый член которой на сегодняшний день пишет научные статьи, рецензирует, редактирует, верстает, регистрирует номера в электронных библиотеках и базах данных, нечасто достаются похвалы от начальника. В архиве редакции хранится разгромное письмо от главного редактора, написанное 1 августа 2015 года,

в период, когда редакторы журналов самостоятельно осваивали процесс верстки:

«Почему в верстке не сохранены курсивы, разрядки, дефисы, тире? Почему в верстке возникают смысловые ошибки? Почему в верстку попали дефектные тексты? Откуда ошибки в примечаниях, почему строчная “т” выглядит как прописная, откуда разноречивой в библиографических описаниях? Что нужно сделать в подготовке исходных текстовых файлов, чтобы в верстке не возникли многочисленные ошибки? Вместо того, чтобы заниматься серьезной редакторской работой, я вынужден несколько дней заниматься бессмысленной (по второму, по третьему кругу) корректурой. И эта корректура не окончательная. Что делать??? Жду предложений. Нужно срочно исправлять и улучшать нашу работу».

Но критика закаляет, благодаря ей растет профессионализм, а с его появлением к мнению редакции начал прислушиваться и главный редактор.

По словам профессора Литературного института и МГИМО И. А. Есаулова,

«В. Н. Захарову удалось почти невозможное: не только создать, но и сохранить в течение десятков лет не в Москве (или Санкт-Петербурге), а все-таки в областном городе (хотя и столице республики) и мощную

филологическую научную школу, способную на равных конкурировать с нашими признанными научными “столицами”, и мощный издательский центр, и уже третье поколение ученых, разрабатывающих важнейшую для современной России проблематику, в рамках которой не размежевываются, а соединяются русская словесность и православие».

Гуманитарии сегодня забыты, «государство в лице Минобрнауки не декларирует, но ясно показывает: русская филология не является государственным приоритетом России» (Захаров В. Н. Почему филологи не нужны? // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 36). Они могут заявить о себе и чего-то добиться только работая увлеченно, самоотверженно, слаженно, без усталости, вопреки трудностям, не теряя надежд и веря в лучшее. Именно так работает В. Н. Захаров, вдохновляя своим примером коллег в трудные времена.

Дорогой Владимир Николаевич, примите наши поздравления с юбилеем, пожелания доброго здоровья и новых свершений в филологии – науке, делающей этот мир осмысленным!

И. С. Андрианова от имени коллег по Международному центру изучения Достоевского и кафедре классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ В. Н. ЗАХАРОВА (2019–2024)

1. Антропологический принцип Достоевского // Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций: опыт «Русского пути»: Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 234–243.
2. Кто обругал Достоевского за Христа – Бунин или Набоков? // Неизвестный Достоевский. 2019. Т. 6. № 1. С. 164–167. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980153.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3941
3. Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 3. С. 31–53. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1606934799.pdf/. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4941
4. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19. Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
5. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаулова: Сб. ст. / Сост. Ю. Н. Сытина. СПб., 2020. С. 25–32.
6. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf/. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
7. Имперская идея Ф. М. Достоевского // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.: Тезисы докладов Международной научной конференции к 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи. М., 2020. С. 49–50.
8. Перспективы цифрового Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 183–192. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633937657.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5681
9. Поэтика безумия у Пушкина, Гоголя, Достоевского (полемиические заметки) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 92–106. Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621013677.pdf. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9642

10. Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 304–323. Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1658823847.pdf. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083
11. Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Книжность и словесность: связь времен: Сборник статей к юбилею профессора Александра Валерьевича Пигина / Отв. ред. И. С. Андрианова. СПб., 2022. С. 319–335.
12. Задачи атрибуции анонимных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 3. С. 5–24. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/journal/content_list.php?id=22501. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6221
13. Тезаурусный анализ и проблема атрибуции редакционных статей в «Гражданине» Достоевского (1873–1874) // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 104–116.
14. Почему филологи не нужны? // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 36.
15. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 3. С. 50–63.
16. Что, кого и как лечил доктор Крупов Герцена? // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 320–330. Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638430093.pdf. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10302
17. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // Н. Н. Страхов: pro et contra, антология / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Климовой. СПб., 2021. С. 165–176.
18. Факты против легенды // Н. Н. Страхов: pro et contra, антология / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Климовой. СПб., 2021. С. 501–511.
19. «Смерть можно будет побороть...» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 30–43. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670693360.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361
20. XVIII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского (Нагоя, Япония, 24–28 августа 2023 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3 (114). С. 167–171.
21. Пациент Достоевский // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 2. С. 113–129. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689247137.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6762
22. Сколько почерков у Достоевского: задачи типологии // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 3. С. 42–62. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1697450664.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6861
23. Человек в человеке и человек в романе Достоевского (на японском языке) // Artes MUNDI. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. Вып. 60. № 8. С. 60–72. Режим доступа: <https://nufs-nuas.repo.nii.ac.jp/records/1821>
24. Великое пятикнижие Достоевского // Artes MUNDI. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. Вып. 60. № 8. С. 73–76. Режим доступа: <https://nufs-nuas.repo.nii.ac.jp/records/1821>
25. Уроки Афинской школы в Петрозаводске // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 7.
26. Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 46–61. Режим доступа: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764
27. Текст как проблема романа Достоевского «Бесы» // XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society (Nagoya, Japan, 24–28 August 2023). The 150 Years of Demons. Nagoya: Nagoya University of Foreign Studies, 2023. С. 62–63.
28. Великое пятикнижие Достоевского: концепт, перевод, толкование // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 2. С. 5–15. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720186886.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7321
29. Сколько эпистолярных романов написал Достоевский? // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 3. С. 235–251. Режим доступа: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1729438461.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7541.

Поступила в редакцию 30.09.2024; принята к публикации 04.10.2024

IV Всероссийская конференция

«ПО СЛЕДАМ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ В ЛИТЕРАТУРЕ»

10 декабря 2024 года

Кафедра германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета приглашает принять участие в конференции «По следам Нобелевской премии в литературе», посвященной исследованиям творчества и биографии писателей и поэтов, ставших лауреатами этой престижной премии.

В 2023 году исследователи из разных вузов России обсуждали историю и формат Нобелевской премии, анализировали произведения лауреатов, а также актуализацию их творчества в современной жизни. Конференция была посвящена исследованию работ известных писателей, таких как И. А. Бунин, Т. Манн, Г. Т. Бёльль, Г. Маркес, Н. Махфуз, а также менее известных авторов, таких как Т. Транстрёмер и Я. Кавабата. Особое внимание уделялось роли писателей в нравственном воспитании читателей и освещении мировой истории. В рамках конференции была организована выставка изданий Нобелевских лауреатов, а также проведена студенческая секция и круглый стол с докладами о творчестве различных писателей.

Конференция в этом году будет также посвящена исследованиям творчества и биографии писателей и поэтов, ставших лауреатами Нобелевской премии.

Направления работы

- Нобелевская премия как феномен культурного влияния
- Творчество, контекст, наследие лауреатов Нобелевской премии
- Актуальные проблемы современности в произведениях лауреатов Нобелевской премии
- Нобелевские лауреаты: диалог эпох и культур
- Проблематика и поэтика произведений лауреатов Нобелевской премии по литературе XXI века
- Нобелевская премия в контексте медиакультуры

Форма участия: дистанционная.

К участию приглашаются обучающиеся бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, преподаватели гуманитарных специальностей, исследователи.

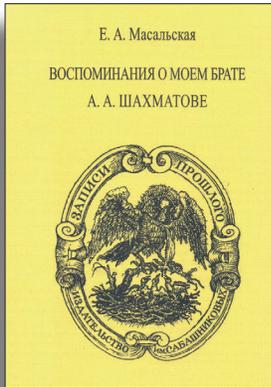
Заявки принимаются до 17 ноября по адресу:
germ_phil@mail.ru (Мария Александровна Коновалова)

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Izmestjeva I. A.</i> FEATURES OF THE PRONUNCIATION OF PETER THE GREAT 8</p> <p><i>Patroeva N. V.</i> TROPES IN THE POEMS OF FEOFAN PROKOPOVICH: METONYMY AND SYNECDOCHE 14</p> <p><i>Kazakovtseva O. S.</i> ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS AS STYLISTIC DEVICES IN FEOFAN PROKOPOVICH'S MILITARY PANEGYRICS 21</p> <p><i>Rozhkova A. V.</i> THE STRUCTURE AND RHETORICAL FUNCTIONS OF SUBSTANTIVE COMBINATIONS WITH CONSECUTIVE SUBORDINATION IN THE ORATORICAL PROSE OF FEOFAN PROKOPOVICH 29</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Konkova I. I.</i> GRAPHIC REPRESENTATION OF META-STRUCTURAL INFORMATION IN ENGLISH-LANGUAGE MONOGRAPHS 35</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Kokovina N. Z., Mikhailova I. P.</i> K. N. LEONTIEV'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEACHING IN THE INTERPRETATION OF V. V. BORODAEVSKY 40</p> <p><i>Litinskaya E. P.</i> MIKHAIL KUZMIN'S TRANSLATION OF APULEIUS' NOVEL <i>THE GOLDEN ASS</i>: LANGUAGE AND STYLE 46</p> <p><i>Kalitnik A. A.</i> THE IMAGE OF THE MANOR HOUSE IN SOFIA ENGELHARDT'S SHORT NOVEL <i>TWO HOUSEWARMINGS</i> 53</p>	<p>THE SHAKHMATOV READINGS IN KARELIA</p> <p><i>Bednarskaya L. D.</i> EVOLUTION OF A. A. SHAKHMATOV'S LINGUISTIC IDEAS IN THE XXI CENTURY 60</p> <p><i>Kobozeva I. M., Serdobolskaya N. V.</i> GRAMMATICALIZATION SOURCES FOR RUSSIAN CLAUSE LINKERS (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSCON DATABASE) 66</p> <p><i>Tarlanov Z. K.</i> UNIVERSALITY AND HEURISTIC POTENTIAL OF A. A. SHAKHMATOV'S SYNTACTIC THEORY .. 75</p> <p><i>Tereshkina D. B.</i> COMMUNICATIVE STRATEGIES OF NARRATIVE DISCOURSE IN THE TALES OF THE OLONETS PROVINCE RECORDED BY A. A. SHAKHMATOV 81</p> <p><i>Shulezhkova S. G.</i> A. A. SHAKHMATOV'S PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHY AS PILLARS OF CREATING DICTIONARIES FOR ETHNOSES WITHOUT WRITTEN LANGUAGES 87</p> <p><i>Generalova E. V.</i> DIFFUSIVITY OF SEMANTICS AS A PROPERTY OF THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF THE OLD RUSSIAN LANGUAGE 95</p> <p><i>Karatkevich I. I.</i> A. A. SHAKHMATOV, HONORARY MEMBER OF THE VITEBSK ACADEMIC ARCHIVAL COMMISSION (A STUDY OF THE BELARUSIAN HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC TRADITION) 102</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Tarlanov Z. K.</i> The 2024 Shakhmatov Readings in Karelia 110</p> <p>Anniversaries</p> <p><i>Andrianova I. S.</i> Vladimir Zakharov's School 112</p> <p>Scientific information 117</p>
---	---

Е. А. Масальская

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ БРАТЕ А. А. ШАХМАТОВЕ

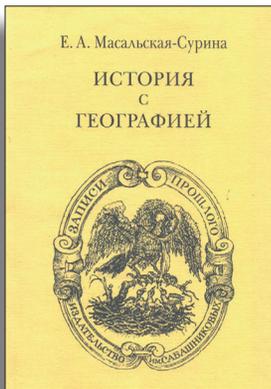
Воспоминания Е. А. Масальской-Суриной (урожд. Шахматовой) посвящены ее брату – выдающемуся русскому филологу Алексею Александровичу Шахматову. Написанные талантливо и живо, воспоминания вводят читателя в круг семьи, где брат и сестра получили навыки трудолюбия, ответственного отношения к жизни и прекрасное образование. Незаурядные способности юноши были замечены в академических кругах. Известные филологи В. Ф. Миллер, Ф. Ф. Фортунатов, Ф. И. Буслаев, Ф. Е. Корш стали его учителями. Став академиком в 30 лет, А. А. Шахматов возглавил ряд новых направлений в языковедении, его методы изучения древних языков, подход к изучению восточнославянской лингвистики, теория синтаксиса русского языка востребованы и сегодня.

Издание состоит из трех частей. Первая – рассказ о родителях и истории рода Шахматовых, вторая «Легендарный мальчик» – детство и отрочество, третья «Путь к Академии» – о творческом становлении юного ученого. Полный текст воспоминаний публикуется впервые.

Масальская, Евгения Александровна. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове / Е. А. Масальская. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2012. – 600 с.

Е. А. Масальская-Сурина

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

«История с географией» – это продолжение семейной хроники, начатое в «Воспоминаниях о моем брате А. А. Шахматове». Книга воспроизводит атмосферу частной жизни начала XX века, служащей фоном к рассказу об академических делах брата и собственных исторических изысканиях Е. А. Масальской. В 1903 году Евгения Александровна выходит замуж за Виктора Адамовича Масальского-Сурина, первое время они живут в фамильном имении Шахматовых. Масальские покупают имение Глубокое в Виленской губернии. В начале Первой мировой войны Виктора Адамовича призывают на службу в армию, а в 1916 году он умирает от дизентерии. После революции Глубокое оказывается за границей.

Масальская-Сурина, Евгения Александровна. История с географией / Е. А. Масальская-Сурина. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 2019. – 568 с.

А. А. Шахматов

ИЗБРАННАЯ ПЕРЕПИСКА

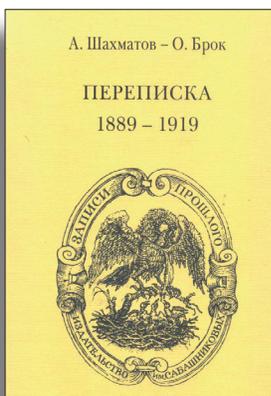

Данным томом открывается публикация не изданной ранее переписки академика А. А. Шахматова (1864–1920) с учеными конца XIX – начала XX в. В том 1 вошла переписка с Ф. Ф. Фортунатовым (подгот. В. Г. Вовиной-Лебедевой), В. Н. Перетцем (подгот. Е. Н. Груздевой), В. М. Истриным (подгот. А. Е. Жуковым). Большинство писем хранится в фонде А. А. Шахматова в С.-Петербургском филиале Архива РАН, а также в фондах Ф. Ф. Фортунатова и В. М. Истрина этого же архива, письма А. А. Шахматова В. Н. Перетцу – в Российском государственном архиве литературы и искусства. Все письма публикуются полностью, снабжены вводной статьей, научными комментариями и аннотированным указателем.

Шахматов, Алексей Александрович. Избранная переписка : в 3 т. Т. 1 : Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 944 с.

А. А. Шахматов – О. Брок

ПЕРЕПИСКА 1889–1919

Еще в студенческие годы будущий академик Алексей Шахматов (1864–1920) познакомился со своим норвежским коллегой Олафом Брокком (1867–1961), одним из крупнейших славистов XIX–XX вв. Специалист по северным и южнорусским диалектам, Брок в совершенстве владел русским языком, на котором и велась переписка, публикуемая впервые. Часть ее хранилась в Норвежской национальной библиотеке в Осло и до сих пор была практически недоступна для российского читателя. Коллеги обменивались в письмах научными гипотезами, новостями лингвистики и филологии, обсуждались и общественные темы. Честный без прикрас анализ предреволюционных событий в России и первых лет большевистского правления тем более интересен, что один из авторов оценивает ситуацию «изнутри», другой – «извне».

А. А. Шахматов – О. Брок. Переписка. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2021. – 430 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004